

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ АРМЕНОВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

КАРИНЭ ХАЛАТОВА

БЕССТРАШНАЯ ЖЕНЩИНА

*Последние годы жизни Забел ЕСАЯН
в документах, письмах, мемуарах*

ЕРЕВАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЕГУ
2021

УДК 821.19.0

ББК 83.3(5Арм=51)

X-170

*Книга рекомендована к печати ученым советом
Института арменоведческих исследований ЕГУ*

Ответственный редактор Арам Симонян,
член-корреспондент АН РА,
д-р. ист. наук, проф.
Рецензент Мери Оганесян, к-т фил. наук

Халатова Каринэ

X-170 Бесстрашная женщина. Последние годы жизни Забел
Есяян в документах, письмах, мемуарах. – Ер.:
Изд-во ЕГУ, 2021. – 170 с., 12 с. ил.

Известная западноармянская писательница Забел Есяян (1878–1942(?)) обрела статус советской писательницы, вернувшись в 1933 г. на родину, где в 1937 г., как и многие репатрианты, стала жертвой сталинских репрессий. Плодотворный творческий путь уроженка Константинополя прошла по кровавому следу армянского народа, была очевидцем его трагедии в Адане, Киликии... и старалась спасти жизни уцелевших беженцев и сирот. «Характер Забел не был хрупким. Она воочию видела, как опустела Западная Армения, как превратились в пепелище села и города. Однако она сохранила душевную стойкость, никогда не отчаивалась и не обронила пера...». Об этом писал автор первой монографии о ней С. Арзуманян в 1966 г., а в 2017 г. американский портал Refinery29 объявил Забел Есяян одной из пяти бесстрашных женщин мира. Как свидетельство тому автор поместил в книгу документы, письма, мемуары, а также впервые публикуемые в русском переводе отрывки из ее произведений.

УДК 821.19.0

ББК 83.3(5Арм=51)

ISBN 978-5-8084-2475-3

DOI: <https://doi.org/10.46991/YSUPH/9785808424753>

© Изд-во ЕГУ, 2021

© Халатова К. Ю. Очерк, переводы, 2021

ПОСВЯЩАЮ
СЛАВНЫМ ЗАЩИТНИКАМ АРЦАХА

«...Жизнь армянского народа, в очередной раз оказалась под угрозой, и в переломные дни армяне приняли решение, что должны остаться и до последнего сражаться, и ничьего и никакого согласия не будет с врагом. Даже если отступят французские силы, все равно они не покинут свою землю и продолжат отчаянную борьбу...»

«...Сама по себе идея турецкого управления, какой бы она ни казалась гуманной, в стране, где у нас десятки тысяч сирот и несколько десятков тысяч беженцев, вызывает во мне отвращение и вселяет безграничный ужас».

*Год 1920-й, Киликия,
из писем Забел Есян известному армянскому
государственному и политическому деятелю,
меценату Погосу Нубару-паше*

*Из письма
Забел Есаян дочери Софи Есаян
1914, 20 марта, Скютар*

Любимейшая моя дочка!

Ты уже стала маленькой барышней. Тебе исполнилось четырнадцать лет, а это имеет для тебя особенное значение, поскольку в этом году ты завершишь начальное образование (Софи окончила в Париже подготовительный четвертый класс обязательного французского обучения. – К. Х.).

...Дорогая доченька, мы скоро встретимся и о многом поговорим. Хочу лишь предварительно сказать: прежде всего избегай посредственности, то есть расплывчатой и подлой позиции в жизни. Стань видной личностью, прояви себя достойно, служи высоким целям – вот чем ты должна руководствоваться. Разве важно, счастливый или несчастный человек? Жалок тот, кто ведет серый, никчемный образ жизни, исподволь сожалея, что упустил свое призвание. Не бойся выглядеть преуспевающей. Кто стремится к возвышенным идеалам, тот не может ограничиваться скромностью, жить смиренно и непритязательно. Уже сейчас тебе следует заняться поиском своего пути, а выбрав его, непреклонно шагать к намеченной цели, не обращая внимания на советы «бывалых» людей, которые попытаются воспрепятствовать твоему продвижению.

Ты – умная, здоровая душой и телом. И ты принадлежишь народу, который будучи малым по численности, велик своими страданиями, борьбой и чаяниями. Твой долг – участвовать в его противоборстве, достижении намеченных целей. Твое происхождение, твои корни обязывают к большой роли в истории страны, где предстоит не только трудиться, но и

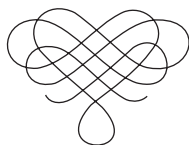

наладить жизнь, даже ее сотворить. Разве можно представить себе более интересное и прекрасное поприще?

Дорогая Софи, твои школьные подруги, несомненно, изберут выгодную сферу деятельности. И поступят правильно. Ведь у них одна забота: стать хорошими гражданами, а значит хорошими матерями семейства. В то время как тебе следует устремить взгляд выше, следует собраться с мыслями и сосредоточиться, с тем, чтобы приобщиться к полезной и широкой деятельности. Тебе надо быть достойной своей судьбы – столь прекрасной и величественной.

Каким путем достичь судьбы – решать тебе самой. Все пути хороши, и все «дороги ведут в Рим», в данном случае – к верховной цели. Надеюсь, что мое мнение о твоих способностях и воле нисколько не преувеличено и совпадает с твоими устремлениями...

Жаждающая тебя увидеть, твоя мама Забел.

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель!

В 2017 году американский портал Refinery 29 объявил Забел Есаян (1878–1942 (?)) одной из пяти бесстрашных женщин мира. Еще в 1965 году автор первой и до сих пор единственной монографии об уникальной личности и женщине, одаренной писательнице и по-настоящему преданном общественном деятеле Севак Арзуманян назвал ее «героическим характером». «Характер Забел не был хрупким. Она воочию видела, как опустела Западная Армения, как превратились в пепелище села и города. Однако она сохранила душевную стойкость, никогда не отчаивалась и не обронила пера...»

В 1915 году, чудом вырвавшись из кровавых когтей турецких властей (*читайте главу 3*), З. Есаян около трех лет провела на Кавказе, посещала Санкт-Петербург и Москву. По приглашению Московского армянского комитета она выступала с речью о реальной картине резни армян и организовывала сбор средств и пожертвований для сирот и беженцев. На одной из встреч, на которой присутствовал также лидер кадетско-демократической партии Петр Милюков, она сказала: «Я — писательница и впервые занимаюсь политическими делами, потому что чувствую: во время судьбоносной трагедии нашей нации каждый армянин и каждая армянка призваны выполнить возложенную на них миссию...»

Однако З. Есаян чуть-чуть лукавила: еще раньше, в 1909 году, она скрестила литературную и высокую гражданскую миссию. Она жила тогда уже в Париже, куда в 1895 году переехала из Константинополя, района Скутар, продолжить учебу в Сорбонне. В 1900 году вышла замуж за самобытного художника Тиграна Есаяна (1874–1921), тоже уроженца Константинополя, и стала матерью. Как бы ее ни называли: бесстрашной, патриоткой, феминисткой, общественным деятелем – она всегда оставалась, прежде всего, любящей и нежной женой и матерью и сердобольным отзывчивым Писателем с большой буквы. И осталась верной уготованной судьбой миссии – всю жизнь шла по следу рассеянных по миру соотечественников и всегда, не щадя себя, старалась всячески им помочь.

Феномен Забел Есаян в судьбе армянского народа и литературы был выпестован в горниле активной роли женщины в западноармянском литературном и общественном движении 900-х годов прошлого века. В бурном всплеске культурного и национального самосознания, по мнению исследователей, в частности С. Арзуманяна, огромная заслуга принадлежит таким представительницам армянской интеллигенции, как Сипил, Анаис, Заруи Галемкеарян, Маник Перперян, Мари Свачян, Аршакуи Теодик, Айкануш Марк и, конечно же, в первых рядах была Забел Есаян. Они «действовали, поддавшись не сиюминутному настроению и прихоти, а с искренним воодушевлением и преданностью высоким патриотическим и гуманным идеалам». В национально-освободительное движение конца XIX–начала XX веков были вовлечены также женщины из народа, которые плечом к плечу с мужчинами сражались против турецкого ига (*читайте об этом в главе 3*).

Дорогой читатель, если вы заинтересуетесь творчеством З. Есян и захотите прочитать ее на русском языке, то не найдете ни одной ее книги... Даже армянский читатель плохо знает творчество западноармянской писательницы, большая часть которого издана в армянском Зарубежье или все еще остается на страницах зарубежной армянской периодики, либо (за единичным исключением) ее книги изданы в Армении давно. Как пишет еще один исследователь ее творчества Светлана Григорян, «богатое литературное наследие этого крупного художника слова» «до сих пор, однако, не удостоилось целостного исследования...» Не только изучения, но и достойного и полноценного издания. Поэтому в мою книгу, по мере возможности, я постаралась включить переводы фрагментов из отдельных ее произведений.

Как разрозненно-рассеяны ее произведения, как в целом не написана (после С. Арзуманяна) ее правдивая биография, так и я составила книгу в виде... пазлов. Вам, дорогой читатель, предстоит их собрать воедино и создать свое видение (хотя бы частично) судьбы замечательного армянского прозаика Забел Есян, отдельные грани ее бесстрашия – во всем. И я предлагаю начать с конца – с приезда З. Есян в Советскую Армению, где ее настигла смерть – та, которая, точно эпидемия, косила советских граждан, и, увы, тех, кто поверил Родине и вернулся...

Каринэ ХАЛАТОВА

ГЛАВА 1

В СТАЛИНСКИХ ЗАСТЕНКАХ

Частичное послабление Берии

Представительница плеяды первой волны интеллигенции армянского Зарубежья Забел Есаян с нетерпением и воодушевлением стремилась на родину и обрела ее в 1933 году. 17 декабря 1934 года она писала о сбывшейся мечте Аветику Исаакяну: «Дорогой товарищ Исаакян, я часто мысленно повторяю: как хорошо, что я приехала, освободилась от зарубежного омута, от друзей и недругов. Материально обеспечена, душой спокойна, дети мои рядом, я посвящаю себя литературной работе». Однако прекрасной женщине и благородной личности, талантливой самобытной писательнице, неутомимому общественному деятелю и, наконец, самоотверженной армянке недолго пришлось упиваться счастливыми мгновениями служения родине. Забел Есаян постигла горькая участь многих ее соотечественников, обманутых в своих надеждах и высоких помыслах.

Обычно говорят, что Забел Есаян чудом уцелела, избежав резни 1915 года, которая унесла цвет западноармянской интеллигенции. В это время она была в Константинополе вместе с сыном. «Помню, – пишет Клара Терзян, – она рассказывала, что когда выходила из гостиницы, два турка спросили у нее: «Вы Забел Есаян?» Она ответила: «Нет, она в гостинице», – и, не торопясь, удалилась. Забел Есаян спасло

ее самообладание. Ей удалось вместе с сыном пройти через Болгарию, Румынию и добраться до Тифлиса».

26 июня 1937 года чуда, увы, не произошло. В этот день был выписан ордер № 4/14 на обыск и арест Забел Есяян. Ночью следующего дня ее забрали с предъявлением обвинения по ст. ст. 67 и 68 УК Арм. ССР в том, что она «в своем кругу систематически занимается ведением контрреволюционной агитации, направленной против Советской власти». Было заведено «Дело №18798».

В течение семи месяцев Забел Есяян содержится под стражей во внутренней тюрьме НКВД, и лишь *26 января 1938 года* состоялся первый допрос, затем второй – 4 февраля, и третий – 17 апреля. Поскольку З. Есяян не знала русского языка, в конце допросов было написано: «Протокол мне прочитан на армянском языке, составлен с моих слов правильно», «Протокол допроса мне прочитан, переведен на армянский язык».

В результате изнурительных абсурдных допросов обвинение, предъявленное Забел Есяян, переквалифицируется по ст. 58-а УК Арм. ССР, и ей вменяется шпионская деятельность в пользу французской разведки, которой она занималась «с 1921 года, для чего и прибыла в СССР в 1932 г.».

23 января 1939 года. На закрытом заседании Военного трибунала Закавказского Военного округа, в присутствии только переводчика, З. Есяян вынесен приговор о высшей мере наказания – расстреле с конфискацией всего личного принадлежащего ей имущества. Однако приговор мог быть обжалован в кассационном порядке в течение пяти дней после оглашения приговора.

5 марта 1939 года. Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР оставляет приговор в силе, и кассационная жалоба о смягчении наказания отклоняется.

8 мая 1939 года. На заседании Президиума Верховного Совета СССР вынесено постановление о замене высшей меры наказания десятью годами лишения свободы в исправительно-трудовых лагерях с поражением в политических правах сроком на пять лет.

У такого рода «поблажки» для З. Есаян есть историческое объяснение. По мнению некоторых историков, в 1939–1940 годах в советской стране резко сократились репрессии, что было вызвано назначением Л. Берии наркомом внутренних дел СССР. Пик расстрелов и ссылок во время ежовщины резко упал. Подавляющее большинство еще не осужденных в 1937–1938 годах были освобождены, а также на свободу вышла и часть осужденных и отправленных в лагеря. Послабление Берии в отношении З. Есаян было частичным – ограничили лишь заменой «вышки» на ссылку.

10 июня 1939 года. На судебном заседании Военного трибунала Закавказского Военного округа было определено зачесть Забел Есаян предварительное заключение и началом срока отбывания меры наказания считать 27 июня 1937 года.

Однако, каким бы чудовищно нелепым ни выглядело предъявленное ей обвинение, да и все, что с ней происходило в тюремных застенках, Забел Есаян продолжает пусть даже бессмысленное, но противостояние. Поэтому и после нового приговора 1 июля 1939 года она подает жалобу, в которой заявляет, что никогда не занималась шпионской деятельностью в пользу иностранного государства, что ее показания на предварительном и судебном следствии были вынуждены неправильными методами ведения следствия, и она просит пересмотра дела.

2 сентября 1939 года. В этот день состоялось, видимо, первое после ареста свидание с детьми. Поглаживая по

головке маленькую двухлетнюю внучку Изабеллу, она сказала: «Станешь пионером, будешь говорить, моя бабушка контр-ре-волю-ци-онер-ка». И сама себе возразила: «Но через 20 лет уже не скажешь...» Об этом свидании с матерью в городской тюрьме Софи вспоминала: «На ней был черный сатиновый халат: голова вся поседевшая, но держалась непринужденно и даже невозмутимо».

В октябре 1939 года З. Есаян переводят в Ленинканскую тюрьму.

В начале 1940 года ее вновь переводят в Ереванскую тюрьму на следствие, видимо, в связи с ее второй жалобой от 1 июля 1939 года.

14 февраля 1940 года. Из заключения военного юриста 3-го ранга Мезенцева на имя военного прокурора Закавказского Военного округа, военного юриста 1-го ранга Александрова:

«В своей жалобе от 1.7.1939 г. заключенная Есаян заявила, что никогда не занималась шпионской деятельностью в пользу иностранного государства, что ее показания на предварительном и судебном следствии были вынуждены неправильными методами ведения следствия. Есаян просит о пересмотре дела.

Как на предварительном, так и на судебном следствии Есаян дала развернутые показания о своей шпионской деятельности в пользу иностранного государства.

В своей кассационной жалобе Есаян также признала себя виновной в предъявленном ей обвинении.

Кроме показаний Есаян, никаких других материалов в деле не имеется.

Показания (личные признания) Есаян следствием не проанализированы и не проверены, следствие проведено

формально, неполно. Суд обосновал приговор в отношении Есяян на ее личном признании.

Формально следствие недоработано, однако личные признания Есяян на предварительном, на судебном следствии, в кассационной жалобе, а также и в последнем заявлении – косвенно уличают ее в шпионаже в пользу иностранного государства.

С 1908 г. по 1920 г. Есяян состояла в контрреволюционной организации Дашнакцутюн, с 1920 г. по 1933 г. находилась во Франции, имела широкие связи с официальными кругами иностранных государств. Все это вызывает сомнение в политической благонадежности Есяян и дает основания полагать, что она является социально опасной». Так что приговор остался в силе, жалоба – без удовлетворения.

Летом 1940 года, по словам Софи, она дважды и уже в последний раз виделась с матерью, и оба раза она была «очень опрятно одетая, как бывало, когда шла читать лекции, от нее исходило волевое и величественное спокойствие».

В конце 1941 года З. Есяян переводят в Бакинскую пере-сылную тюрьму, откуда должен был начаться путь в лагеря, в ссылку... Однако весной 1942 года переписка из Бакинской тюрьмы с родными прерывается, и, видимо, в этом же году прерывается и трагическая жизнь замечательной армянской писательницы.

Имеющееся в «Деле» показание сына писательницы Гранта Есяяна, данное в 1956 году в связи с реабилитацией матери, приумножает загадочность последних лет жизни З. Есяян и нуждается в некотором пояснении. Он заявляет: «Со слов лиц, находившихся в заключении вместе с моей матерью – Есяян Забел, мне стало известно, что летом 1945 года она болела дизентерией в сильной форме и умерла. Это подтверждается

и тем, что с апреля 1945 года я от своей матери Есаян Забел не имею никаких известий». Сына наверняка, как нам кажется, ввело в заблуждение письмо, датированное 27 апреля 1945 года, потому что на штемпеле этой почтовой карточки стоит другая дата, которая более достоверна: Баку – 2.5.42, Ереван – 7.5.42. Трудно и, пожалуй, невозможно сегодня объяснить, что водило пером З. Есаян, почему она заглянула на три года вперед? Ее дочь Софи в начале 60-х годов, делая копии с тюремных писем для Музея литературы и искусства, также ломала над этим голову и вывела на копии год 1942-й, в оригинале же поставила вопрос. А последнее сохранившееся лишь в копии письмо написано 19 мая 1942 года. (В скобках заметим, что подобного рода описки встречается, например, и в письме из ссылки русского поэта Владимира Нарбута, который вместо 1937 г. проставил год 1973-й.)

В рукописи воспоминаний дочери Софи приводится не проверенное и не уточненное сведение: «Согласно официальным данным, мою мать из Еревана переправили в Баку, из Баку – в Бараканду. Однако она не добралась туда. Числится в категории без вести пропавших».

Для реабилитации осужденных формально требовались характеристики известных лиц, знавших их. В «Деле» З. Есаян для ее оправдания подшиты «показания» К. Гюликёхвян, армянских писателей В. Алазана, Ст. Зоряна, Г. Сарьяна, а также приводится справка: «Писатель Аветик Исаакян в возрасте более 80 лет лежит болен и допросить его не представляется возможным»...

27 сентября 1956 года дело на З. Есаян было прекращено за отсутствием состава преступления.

9 января 1957 года решением Военной коллегии Верховного Суда СССР З. Есаян была реабилитирована.

В «Краткой литературной энциклопедии» датой смерти З. Есян указывается 1937 год. В стенографическом отчете «Первого Всесоюзного съезда советских писателей 1934» (приложение) (репринтное издание, 1990) дается ссылка на КЛЭ с добавлением, что в ней «ничего не сообщается о факте репрессий» и констатацией: «в 1937 арестована и расстреляна». Другой год смерти – 1943-й – приводится в «Армянской советской энциклопедии» (1977), в «Биографическом словаре» Г. Степаняна (1977) и в «Литературном справочнике Союза писателей Армении» (1986). В предисловии к книге З. Есян «Путешествие Мурада», изданной в 1990 году, год смерти – 1944-й – дается под знаком вопроса...

«Ваша исстрадавшаяся мать»

Письма из тюрем

Забел Есян оставила интересное эпистолярное наследие, отражающее ее яркую жизнь и кипучую творческую и общественную деятельность. Только в Музее литературы и искусства им. Е. Чаренца хранится 297 писем, однотомник из 175 писем (с 1895 по 1935 гг.) был издан в 1977 году (составитель Арпик Аветисян, редактор Севак Арзуманян). Последние письма З. Есян из Ленинканской, Ереванской, Бакинской тюрем (1939–1942 гг.), которые в книгу не вошли, – это ценный и печальный документ о приближающемся трагическом конце замечательной писательницы. Дети стали получать письма, когда все уже было позади: арест, допросы, приговор, – и в то же время все было впереди: мучительная ссылка в исправительно-трудовые лагеря. Между строк

сжились и сжались в комок материнское горе, человеческая слабость и мужественность – невзирая ни на что.

Девятнадцать сохранившихся тюремных писем, написанных на пожелтевших почтовых карточках и клочках бумаги, читаются с болью, горечью, волнением.

Эти желтые клочки бумаги, вырвавшиеся на волю и поведавшие о трагедии писательницы и матери, невозможно было держать в руках без содрогания и мистического трепета. Копии их хранятся в Музее литературы и искусства им. Е. Чаренца, а с оригиналами в свое время меня познакомил внук Забел Есаян Александр Грантович Есаян. Они адресованы сыну Гранту, невестке Беркруи и дочери Софик.

10/X.1939.

Ереван

Дорогая Беркруи!

Я получила 50 рублей, высланные 5-го числа этого месяца, получила также открытку Гранта, из которой узнала, что Софик работает в районе. Библиотекарем или по другой специальности? Кто присматривает за ребенком? Напишите поподробнее о здоровье и о жизни всех вас. Узнав, что ты приболела, я очень огорчилась, пока не получила передачу. Я здорова, очень стосковалась и хочу вас видеть. Беркруи джан, мне очень часто снятся Соник, Белла и Вагрик (внуки З. Есаян. – К. Х.). Постарайтесь, пожалуйста, не пропустить дни передачи и принесите с собой ту одежду, которую я просила при свидании, очень надобно. И еще, посоветуйтесь с Софик и постарайтесь кроме месячной передачи предоставить мне 2-300 (здесь и далее так в оригинале. – К. Х.) рублей, это необходимо. Очень больно, что я вас так утруждаю,

но я уверена, что мои дети сделают все возможное для своей матери. Всех вас горячо целую и с нетерпением жду вестей о вас.

Стосковавшаяся по вас 3. Есаян.

*Без даты
Ленинакан
23/10.39.*

Ереван (дата на штемпеле)

Дорогой Грант!

Не теряя времени надо позаботиться сейчас, чтобы я получила 2-300 рублей, кроме 50 рублей ежемесячно. А также туфли и калоши или ботинки, шерстяное одеяло, простыню из прочного ситца, например, одну из наших двух красных или одну из подаренных вам полосатых простынь. Можете все это выслать по почте, но лучше, если вы сами придете меня навестить, у тех, у кого (неразборчиво, стерто. – К. Х.), сразу, в тот же день разрешают свидание, поскольку они прибыли из других мест. Можете принести с собой или выслать продукты и фрукты.

То, что я просила у Софи, также принесите с собой, но если она не в Ереване, можете потом отправить. Продайте мое черное платье или обменяйте заем, в любом случае выполните мою просьбу обязательно и безотлагательно. Деньги ежемесячно можете высылать по почте. Множество приветов и поцелуев всем вам.

Забел.

20/XI.39.
Ленинакан

Дорогая Софик!

От Гранта и Беркруи я получила открытку и посылку, но на сей раз пишу мало, полагая, что ты им передашь. Получила я и 100 рублей.

Я здорова, но чувствую слабость, мне нужно дополнительное питание. Я уверена, что ты и Грант позаботитесь обо мне, поэтому и пишу тебе с просьбой прислать посылку с продуктами. Я довольна, что ты в районе. Напиши, какой работой ты занята, муж твой тоже там? Личико моей красивой Беллы я всегда помню. Как Соник и Вагрик? Софик джан, не медля открыткой или письмом подробнее напиши о детях. Беркруи выслала не то, что я хотела и, хотя все это мне пригодится, я прошу тебя, принеси или вышли мне шерстяное платье или юбку, мои красный и клубничного цвета джемперы, кусок полотна или полотенце, три штуки сервиетов¹ с цветными краями. Очень хотелось бы хавурмы², ты могла бы там приобрести. Там же ты могла бы достать и шерстяные носки, и было бы хорошо иметь смену маек с рукавами. Здесь нам разрешаются свидания. Посмотри, Софик джан, договоритесь с Грантом и Беркруи и приходите навестить меня и принесите с собой продукты. Много раз целую Беллу и тебя, кланяйся мужу. О деньгах я написала

¹ Сервиет (франц.) – салфетка.

² Хавурма – мясо, сваренное, зажаренное, затем залитое жиром для зимнего хранения.

Гранту. Было бы хорошо, чтобы кроме ежемесячных 50 рублей, у меня хранились хотя бы рублей 2-300.

Крепко целую, твоя мать Забел.

Не теряю надежды, настроение у меня хорошее.

5/XII. 39.

Ленинакан

Дорогая моя Софик!

Получила твое письмо за тридцатое число, но мне не разрешили прочитать, потому что оно было по-французски. Софик джан, прошу тебя, как только получишь эту открытку, напиши мне по-армянски. Можешь представить, как я обрадовалась и тут же расстроилась, не сумев прочитать твое письмо. В предыдущей открытке я писала, чтобы ты передала моему сыну, что я получила посылку с вещами. Но еще не получила обещанную посылку с продуктами. Можете почаще мне писать, я собираюсь скоро написать Гранту. Я здорова и с надеждой жду лучшего решения. Напиши о моих внучатах. Всех вас горячо целую.

Твоя Забел.

Как я была бы рада, если б тебе удалось на каникулах повидаться со мной.

20/XII. 39.

Ленинакан

Дорогая моя Софик!

Десять дней назад я отправила тебе открытку, где просила написать свое письмо заново по-армянски, потому что по-

французски мне не дали прочитать. Получила 300 рублей, большое спасибо, Софик джан. Не хочу трогать эти деньги, пока не стану получать 50 рублей в месяц. В письме я просила кое-какие вещи и особенно продукты, которые еще не получила, но надеюсь вскоре получить. Напиши мне подробно о себе и Белле. Как вам живется, как растет Белла джан, ей скоро исполнится три годика. Софик джан, вообще мне хорошо, я не теряю надежды, что вскоре буду с вами и моими внуками. Кроме всего, что я просила в предыдущем письме, я буду очень довольна, если ты пришлешь мне 2 рубашки и бандаж для моей печени. Я очень тебя обременяю, Софик джан, но что мне делать? Пиши мне почаще и подлинее, это для меня будет большим утешением. Выясните вопрос свидания, я очень по вас соскучилась. Много горячих поцелуев вам троим.

Забел Есаян.

20/XII.39.

Ленинакан

Дорогая моя Беркруи!

Я вовремя получила твою передачу и 100 рублей. Не получила пока посылку с продуктами, которую вы обещали прислать в скором времени. Жду с нетерпением, потому что очень нуждаюсь в дополнительном питании. Суджух³, который я нашла в передаче с вещами, мы съели с большим аппетитом. Большое спасибо. Дорогая Беркруи, в вещах я больше не нуждаюсь, тем более, что об этом я уже писала Софик. Но

³ Суджух – сладость из нанизанных на нить орехов в виноградной патоке, а также вид колбасы.

постарайтесь, чтобы я ежемесячно получала 50 рублей и продукты. Было бы хорошо наладить вопрос свидания. От Софик получила 300 рублей, которые приберегла и не хочу трогать. Пишите мне длинно, и как только получите открытку, напишите о моих Соник и Вагрике. 25-го числа день рождения моей Соник, шлю горячие поцелуи моим любимым Соник и Вагрику.

Чувствую себя хорошо, с нетерпением жду вестей. Много раз целую тебя, Гранта и моих любимых внучат.

Ваша Забел Есаян.

19/1.40.

Ленинакан

Дорогая моя Беркруи, дорогой мой Грант!

Получила 50 рублей, большое спасибо. Чувствую себя хорошо, но очень расстраиваюсь, не имея от вас вестей. Почему вы не пишете почаще? Напишите о вашей жизни, о малышах. Как твоё здоровье, Беркруи джан? Смогла ли ты продолжить учебу в университете? Напиши подробно, когда кончаешь? Очень надеюсь, что на каникулах сможешь получить пропуск и навестишь меня. Беркруи джан, Грант джан, если не можете прийти, хотя бы напишите поподробнее о моих внуках и по мере возможности отправьте посылку с продуктами, как обещали, но главное, напишите. Горячие поцелуи вам.

Забел.

19/1.40.

Ленинакан

Дорогая Софик!

Как я тебе благодарна за письмо и безгранично рада за подробный рассказ о моей красивой милой Белле. Получила я и вещи, а также вначале 80, а недавно и 100 рублей (кроме 300). Очень переживаю, моя Софи, что обременяю тебя, но что поделаешь? Я ждала тебя на каникулы, но потом подумала, что из-за холодов ты не смогла выехать из Гарни. Как получишь эту открытку, напиши все о себе и о семье Гранта. Они очень ленятся писать письма. А вы представляете, что значит ждать писем? Я здорова, Софик джан, но не довольна, что слаба стала и с нетерпением жду посылку с продуктами. Горячо целую тебя, мужа и мою внучку.

Твоя Забел.

4/3. 40.

Ереван

Дорогие мои дети, Грант, Софик, Беркруи!

Как давно нет от вас весточки, я не получала ни денег, ни писем, разумеется, очень обеспокоена. Грант джан, обещанные тобой деньги и письмо я не получила. Прошу тебя, когда получите открытку, позаботьтесь о свидании со мной, сейчас вам будет гораздо легче это сделать. С собой вы можете взять еду и что-нибудь еще. Из вещей принесите метра два марли и купите новое белье. Мое совсем износилось. Больше ничего мне пока не нужно. Не задерживайте деньги и обещанные продукты. Я нуждаюсь в дополнительном питании. В общем

со здоровьем у меня все хорошо. С нетерпением жду от вас вестей. Как мои внучата? Поцелуйте мою Соник, Вагрика, Беллу и, главное, сразу же напишите мне. Обратите внимание на мой адрес, как бы не ошибиться, и письмо бы вовремя дошло до меня.

Целую, Забел.

Так и не дождалась обещанных кофе и бастурмы⁴.

2/VIII. 40.

Ереван

Дорогой мой Грант, дорогая моя Софи!

С большой надеждой жду завтра, 3-го числа, нашего свидания и хорошей передачи, но поскольку представился случай, пишу вам эту записку. Мои любимые, я здорова, с нетерпением жду от вас вестей. Грант джан, получила твою открытку. Как здоровье Беркруи? Надеюсь, ей тоже как-нибудь удастся повидаться со мной. Как ты нашел Соник? Напишите о моей Соник поподробнее, ее здоровье очень меня тревожит. Как она чувствует себя в санатории? Не подействовала ли на нее разлука с семьей, напишите, наконец, об этом.

Софик джан, не знаю, где ты сейчас, в Гарни или в Ереване, поэтому не пишу тебе отдельно. Спасибо за передачу, которую ты отправила 19-го, мы с большим аппетитом съели лаваш. Надеюсь, что ты здорова, что и Белла джан тоже здорова. Когда придете на свидание, приведите с собой кого-нибудь из моих внуков, если, конечно, у них будет хорошее самочувствие.

Дорогие мои, я осталась совершенно без денег, два месяца я от вас ничего не получала. Предпримите что-нибудь и

⁴ Бастурма – специально обработанное вяленое мясо с острой приправой.

как можно скорее, потому что, как вы знаете, я курю, и в настоящий момент совсем не располагаю деньгами. Можете выслать по почте. Целую много раз вас обоих, целую Беркруи, моих любимых внучат. Передайте привет Сарибеку.

Ваша мать Забел.

29.12. 40.

Ереван

Дорогая Беркруи!

Я имею право на свидание и прошу, чтобы ты или мой сын пришли со мной повидаться в НКВД. Перед приходом позвоните по телефону 25-07, чтобы получить разрешение.

Очень прошу, поторопитесь. Вам ничего не надо будет брать с собой.

Горячо целую, твоя З. Есаян.

20/5.41.

Ереван

Дорогая моя Беркруи!

Давно вас не видела и очень переживаю.

Я довольно серьезно заболела, меня перевели в больницу, где я пролежала месяц, и так как за мной хорошо ухаживали, я совершенно выздоровела и сейчас хорошо себя чувствую, настроение тоже в порядке. Со дня на день жду свидания, прошу вас не откладывайте, потому что я мучаюсь в догадках и мои волнения и беспокойство за вас действуют на мое здоровье. Как дети, как ты, Грант, Софик? Ты, конечно, знаешь, что разрешается приносить передачи и писать письма. Скажите Софик, чтобы обязательно мне написала,

не медля, и сообщила о себе и о ребенке. Целую вас всех и с нетерпением жду какой-нибудь весточки. Самые душевные приветы вам и горячие поцелуи.

Ваша мать.

Наш адрес: ул. Кармир Банаки, № 56.

24 ноября 1941.

Баку

Мои дорогие дети⁵!

Я совершенно здорова и постоянно мысленно с вами. Здоровы ли вы и все ли у вас благополучно? Прошу вас, перешлите мне небольшую сумму денег и какую-нибудь обувь моего размера. Хотелось бы также получить табак или махорку, бумагу и спички.

Целую много раз вас всех и особо моих внучат.

Ваша любящая мать Забел Есаян.

1/2. 42.

Баку – Кишлы

Дорогие мои дети!

С огромной радостью получила ваши 75 рублей, но ни писем, ни открыток все нет. Напишите поскорей, как вы? Напишите, где Софик. Все еще в районе, прежний ли у нее адрес? Если поменялся, сообщите мне. Как вы, как мои внучата? Можете вы, наконец, написать о семейных делах?

У меня все в порядке. Я здорова, не волнуйтесь за меня, только по мере возможности пишите о себе. Одно только меня мучает – отсутствие вестей от вас. Вы это всегда имейте

⁵ Оригинал на русском языке.

в виду. Пишу вам третье письмо. Если б не 75 рублей – все же какая-то весточка о вас, – я бы очень переживала. Целую всех вас, мои Грант, Софик, Беркруи и мои любимые внучата, Вагрик и Белла.

До того, как я еще напишу, надеюсь, вы вышлите деньги, а если понадобится, напишу мой новый адрес.

Еще раз вас целую.

Тоскующая по вас З. Есаян.

Мой здешний адрес, по которому можете писать: Баку – Кишлы, пересыльный пункт п/я № 160.

5/2.42.

Баку

Дорогие мои дети!

В предыдущем письме я писала, что получила 75 рублей. Я получила и вашу открытку и очень обрадовалась, когда узнала, что вы здоровы и мой любимый Вагрик ходит уже в детский садик и учится многому хорошему. Я здорова и только мучаюсь от тоски по вас. Но что поделаешь?

Очень беспокоюсь за Софик, просто денно и ночно не нахожу себе покоя. Почему вы не написали о ней и об Изабелле?

Как только получите мое письмо, сразу же напишите о Софик и сообщите ее адрес. Целую вас всех много-много раз, особенно Вагрика и Изабеллу, которых, надеюсь, когда-нибудь увижу. Еще раз целую и шлю всем приветы.

Стосковавшаяся по вас Забел.

Кроме денег, ничего больше не присылайте, очень жду денег.

22/III. 42.

Баку

Дорогие мои дети!

Получила от вас только одну открытку в январе и еще 75 рублей. Пишу уже пятое письмо и очень волнуюсь, что от вас нет вестей, в то время как другие регулярно получают письма. Надеюсь, что все вы здоровы, и я скоро получу от вас письмо. У меня все хорошо, но очень беспокоюсь без вестей от вас, особенно от Софик. Пишите, пожалуйста, все как есть: больна она, работает или нет? Какой у нее адрес, хочу написать ей. Как было бы хорошо, если через знакомых в Баку вы переслали б мне передачу: у меня малокровие, и я очень нуждаюсь в дополнительном питании. Посмотрите, подумайте об этом. Может, найдете какой-нибудь выход. Всех вас целую, особенно моих любимых внучат, Изабеллу и Вагрика.

Ваша мать Забел Есаян.

4/IV. 42.

Баку

Дорогая моя Беркруи!

Не знаю, какое по счету письмо пишу вам и ни на одно не получила ответа. Я получила только одну открытку и 75 рублей. С января ни одной весточки от вас. Не передать словами, как я озабочена и как мучаюсь из-за того, что не получаю от вас вестей. Дорогая моя Беркруи, как только получишь эту открытку, сразу же черкни мне, сообщи о

здоровье всех вас, и детей, и взрослых – обо всех. Множество приветов и поцелуев тебе, Гранту, Софик, Вагрику и Изабелле.

Измученная тоской по вас мать Забел.

27/IV.45. (так в оригинале)

Баку

(На штемпеле: 2.5.42. Баку – 7.5.42. Ереван)

Дорогой мой Грант!

Я написала письмо, когда получила твое последнее письмо и смогла также написать Софик.

Не можешь себе представить, как я обрадовалась, когда, наконец, получила весточку о вас и о Софик. Дорогой Грант, что с Беркруи, почему она ослабла, поцелуй ее за меня и потребуй, чтобы следила за здоровьем. Ах, мои дорогие, о себе я не думаю, а о вас постоянно тревожусь. В последней открытке я писала, что имеющийся у вас адрес правильный, продолжайте писать по этому адресу, а также вышлите деньги, они мне очень нужны. В письма вложите открытки, чтобы я могла сразу же ответить, как только будет возможно. Я болела, но теперь мне лучше, за мной хорошо ухаживали. Целую всех много-много раз, Беркруи, Вагрика, и тебя, дорогой Грант. Как я по вас соскучилась! Надеюсь, что Софик получила мое письмо, но и ты напиши ей и передай от меня поцелуи Софик и Изабелле.

Тоскующая по вас Забел.

19/V. 42.

Баку

Дорогой Грант!

Твоя последняя открытка за 2 апреля пришла вовремя, когда я уже написала тебе письмо, а когда получила открытку, то сразу же написала и Софик. Но с тех пор по-прежнему никаких вестей. Очень беспокоюсь, особенно за здоровье Беркруи. Прошу вас, ответьте поскорей, не будьте так беспечны, ко всем тут приходит столько писем, а вы обрекаете меня на сиротливое одиночество. Грант джан, ваша беспечность мучительна для меня. С нетерпением жду и денег; имеющийся у вас адрес правильный, хотя могут быть и недоразумения. Надеюсь, что нам здесь дадут право получать посылки, и если будет возможность, я сразу же напишу, так что ты будь к этому готов. Мне нужна летняя одежда, просто нечего больше носить. Было б хорошо, если б вы выслали прозрачную, как у твоих сорочек, темную ткань, и еще папиросы, папиросы и папиросы. Но пока что все это не разрешается, я пишу, чтоб вы могли заранее приготовить. Крепко целую тебя, Беркруи, Вагрика, Софик и Изабеллу. Жду также писем от Софик и, если возможно, посылку.

Стосковавшаяся по вас, несчастная мать Забел

Рассказы сокамерниц

«Кто-то прочтет – и правда восторжествует»

Сокамерница З. Есяян **Каринэ Сергеевна Гюликёхвян**, 1903 года рождения, рассказала о своей встрече с писательницей в Ереванской тюрьме в связи с ее реабилитацией в 1956 году. Она работала тогда начальником общего отдела министерства городского и сельского строительства.

Вот эта мемуарная страница, убежденная временем в «Деле» писательницы.

– Есяян Забел Мкртычевну я знаю как писательницу, однако лично с ней знакомой я не была и охарактеризовать ее по деловым и политическим качествам не могу.

В июне 1937 года я была арестована органами НКВД Арм. ССР и находилась под стражей во внутренней тюрьме. Когда меня посадили в камеру внутренней тюрьмы, то там я встретила с Есяян Забел Мкртычевной, с которой я там близко и познакомилась. Есяян Забел рассказывала нам о себе, что она приехала в Советскую Армению из-за границы с самыми лучшими и искренними намерениями, чтобы воспитать своих детей в советском духе и самой поработать здесь в меру своих сил и возможностей. За время моего нахождения с Есяян Забел в одной камере в отношении ее велось следствие, и были также моменты, когда ее в течение одного дня по несколько раз вызывали на допросы. Приходя с допросов, Есяян Забел чувствовала себя опустошенной и растерянной. Она говорила, что в ходе допросов ей вменяют в вину всякие нелепости, о которых она и понятия не имеет, что ее обвиняют как шпионку. Затем меня перевели в городскую тюрьму, а Есяян Забел оставалась во внутренней тюрьме. Насколько я помню, я снова встретила с Есяян

Забел в городской тюрьме, когда в отношении ее уже был вынесен приговор, присуждающий ее к ВМН – расстрелу. Однако Президиум Верховного Совета СССР ее помиловал и заменил ее ВМН лишением свободы.

Есяян рассказывала нам, что во время судебного разбирательства по ее делу ее поразило то, что в ходе предварительного следствия с ней разговаривали на армянском языке, а все ее протоколы допроса были зафиксированы на русском языке, о чем она узнала только на суде. Кроме этого, она говорила то, что на суде ей были вменены в вину такие пункты обвинения, о которых на предварительном следствии ей не было ничего известно. Это она объяснила тем, что русским языком она не владела, а потому не имела возможности ознакомиться с содержанием своих показаний.

Однако Есяян Забел никогда не падала духом и говорила, что все равно правда восторжествует, когда-нибудь разберутся в ее деле по-настоящему и снимут с нее это обвинение, которое ей незаслуженно было предъявлено. Она говорила, что это незаслуженное наказание она перенесет и будет еще полезной для Советской Армении. Я помню случай, когда Есяян Забел будучи в камере рассказывала нам, что когда она находилась в камере смертников, то на спичечной коробке с внутренней стороны написала иголкой своей кровью, что она ни в чем не виновата и что поэтому ей тяжело уходить из жизни, надеюсь, что кто-то это прочтет и правда восторжествует.

В 1991 году я впервые опубликовала эту ценную мемуарную страницу в надежде, что откликнется кто-либо из очевидцев. И откликнулись!

«Это было чудо»

Позвонила Елена Самсоновна Акопян, репрессированная в 1937 году, сообщила координаты дочери К. Гюликёхвян Натальи Гохтуни и еще одной сокамерницы З. Есаян Ашхен Абрамовны Симонян. У Натальи Георгиевны сохранились пожелтевшие документы, письма, связанные с арестом, ссылкой матери, скончавшейся в 1979 году, но никаких письменных свидетельств о Забел Есаян не было. По словам дочери, на частые просьбы родных написать о пережитом она как-то не соглашалась. Из устных рассказов К. Гюликёхвян дочери запомнился маленький, но впечатляющий эпизод.

З. Есаян не владела русским языком. На суде во время вынесения приговора она повернулась к конвоиру, чтобы прикурить, и в момент, когда судья произнес слова «к высшей мере наказания», она сказала: «Мерси» – обращаясь, естественно, к конвоиру. Судья выразил недовольство, а З. Есаян удивилась – ведь за услугу надо благодарить. Потом ей разъяснили, конечно, что к чему. Об этом она рассказывала своим сокамерницам.

Ашхен Симонян, сокамерница Забел Есаян, 1903 года рождения, уроженка г. Тбилиси, с 1921 года проживает в Ереване. В 1930-м окончила Ереванскую консерваторию, и когда надо было выбрать между партией и музыкой, то есть «мещанской затхлои» средой, предпочла работу по партийной линии. Айкануш Даниелян, ценившая ее голос, предупредила, что «за предательство искусство мстит». В 1931–1935 годах училась в Москве в Комакадемии им. Н. Крупской. К моменту ареста работала парторгом на Ереванской швейной фабрике им. К. Цеткин. После трех лет тюремного заключения ОСО приговорило ее к ссылке сроком на 10 лет, которые Ашхен

Абрамовна провела в селе Вознесенка, в Казахстане. Вернувшись в 1949 году домой, долгие годы проработала на радио, затем – в Национальной картинной галерее.

Небольшое воспоминание **Ашхен Симонян** дополняет последние страницы жизни Забел Есяян. Итак, рассказ сокамерницы.

– После ареста моего мужа Вардкеса Аматауни (Вардапетяна), работавшего к этому времени председателем комитета по делам искусства при совнаркомe Армении, НКВД Армении 29 ноября 1937 года забрал и меня, предъявив обвинение в антисоветской пропаганде. В течение трех лет меня то и дело переводили из внутренней тюрьмы НКВД в Ереванскую тюрьму и обратно.

И вот однажды, в 1938 году, кажется, осенью, меня ввели в камеру внутренней тюрьмы, где впервые я встретилась и познакомилась с Есяян, которую мы, сокамерницы, почтительно называли тикин⁶ Забел. Видела-то я писательницу впервые, но тогда очень много о ней слышала, знала, что она часто ездила по районам республики, собирала материал об Армении. У Забел Есяян были длинные седые волосы, и она любила их распускать. Словоохотливая, общительная, она увлекательно рассказывала сокамерницам о своей жизни в Париже, о свиданиях с друзьями в Лувре, в парижских кафе. Удивительно, как она могла по памяти читать нам Мопассана, Флобера.

В этой камере я провела с ней, наверное, месяц-полтора, и помню, как ее часто вызывали на допросы. Возвращалась она ужасно взволнованная, негодующая. А однажды ее привели с допроса через двое суток. Она еле передвигалась на

⁶ Тикин (арм.) – уважительное обращение к замужней и пожилой женщине.

распухших ногах. Эта выдержанная, мужественная женщина разрыдалась – от боли, обиды, унижения. Тикин Забел рассказала, как ее заставили подняться по ступенькам передвижной лестницы, усадили где-то наверху и отвели лестницу так, что ее ноги повисли в воздухе. В таком положении она провела неподвижно два дня и две ночи... Ее мучили, ее унижали люди, которые и мизинца ее не стоили! И что поразительно: ни разу мы от нее не услышали слов сожаления, что она приехала в Армению, напротив, Забел Есян считала, что правильно поступила, вернувшись на родину, и что каждый армянин в силу своих возможностей должен помочь Армении.

После одного из допросов она не могла долго успокоиться. У нее состоялась очная ставка с армянским поэтом, который подтвердил предъявленное ей обвинение в антисоветизме, в шпионской деятельности. Она негодовала и повторяла: «Этот подлец, этот негодяй, как может человек говорить такую ложь!..»

Наступил день, когда тикин Забел вызвали с вещами. Между сокамерницами был такой уговор: если кого-нибудь освобождали, то она должна была прислать потом передачу с какой-нибудь вещицей, как знак того, что ее освободили, в противном случае надо было думать, что сослали. Расставаясь с тикин Забел, я попросила прислать мне письмо. Прошло, помню, много месяцев, но никакой весточки от нее я не получила. Меня же тем временем вновь переправили в центральную городскую тюрьму. И то, что тогда там произошло, по сей день для меня просто чудо.

Напротив нашей женской камеры на втором этаже располагалась камера для объявивших голодовку. Мы, женщины, находили кусочки материи, бинта, шили из них

мешочки (иголки мы получали в передаче, воткнутыми в платки, белье). В них мы клали сахар, печенье, другие продукты, которые за деньги через надзирателя покупали в тюремном ларьке. Выходя на прогулку, мы засовывали эти мешочки в щель двери камеры для голодающих. Дверь камеры запиралась так, что оставался узкий проем. Эта миссия была возложена на меня.

В тот день, когда нас вывели на прогулку (двери камеры оставались открытыми для проветривания), я, как всегда, вышла последней и успела бросить в щель мешочек с едой. В камере сидел тогда Липарит Барсегян, секретарь городского комитета партии. Он требовал встречи с прокурором, но ему отказали. Когда я оставила мешочек, он успел спросить, что с его женой, которая была свояченицей Микояна. Я ответила, что, по-моему, Микоян ее спас. И я уже спускалась со второго этажа, как вижу, навстречу мне идет сама Забел Есаян. Она была одна, не сопровождаемая надзирателем, с распущенными волосами, страшно взволнованная. «Это вы?! Откуда вы, тикин Забел?» – спросила я. «Я иду из чистилища смерти, Ашхен джан!» Я поспешно схватила ее за руку, повела в нашу камеру, закрыла дверь и попросила все рассказать. И вот что она успела мне поведать.

Из внутренней тюрьмы НКВД ее забрали на военный трибунал и вынесли приговор – высшую меру наказания с правом дать кассационную жалобу. Потом ее посадили в камеру смертников, она подала жалобу и ждала. Когда у ее камеры сменялся караул или слышался стук винтовки, она каждый раз думала, что за ней уже пришли... Однажды через глазок конвоир увидел, что Забел Есаян лежит на полу в крови, которая шла изо рта, носа, ушей, она находилась в прединсультном состоянии. Ее забрали в тюремную

больницу. Во время лечения к ней и пришло известие об отмене казни Президиумом Верховного Совета СССР и новом приговоре – десять лет ИТЛ. Куда ее сослали, она не успела сказать. (В «Деле» отсутствует попутный листок с указанием места отбывания срока. Но сохранилась справка, свидетельствующая, что «Дело» подверглось порче в результате наводнения, происшедшего 26 мая 1946 г. – К. Х.)

Мы встретились с Забел Есаян как раз в тот момент, когда она шла из больницы в камеру осужденных, которая находилась рядом с нашей камерой. И это было чудо, что она оказалась одна! Видимо, ключница Вардуш, выведя нас на прогулку, то ли не успела вовремя зайти за ней, то ли разминулась с ней, и нам посчастливилось несколько минут побыть наедине. Внезапно Вардуш ворвалась в камеру, рассердилась, дескать, что за безобразие, и торопливо увела Забел Есаян в соседнюю камеру. А меня за эту встречу на двое суток посадили в карцер. Каринэ Сергеевна Гюликёхвян встретила с Забел Есаян в камере осужденных. А я ее после этого больше не видела.

«Она поднимала дух сокамерниц»

Знакомые подсказали мне еще два имени репрессированных женщин, которые наверняка могли бы знать о судьбе З. Есаян. Это были Сирануйш Макинц и Софик Дзнуни, которые в апреле 1992 года, когда мы встретились, были уже в довольно преклонном возрасте и обе, хотя и болели, согласились поделиться крупными воспоминаниями.

Сирануйш Макинц:

– Был 1937 год. Естественно, я знала о писательнице Забел Есян, но лично не встречалась с ней. И вот неожиданно увидела ее в тюрьме. Она была в почтенном возрасте, седовласая. Очень обаятельная была женщина и сразу привлекла мое внимание. В нашей камере находилось около двадцати женщин. Все так называемые «враги народа». Мужей их арестовали, одних – расстреляли, других – сослали. З. Есян была удивительно энергичной женщиной. На воле у нее осталась дочка, и сын тоже, но она очень беспокоилась за дочку. «Доченька моя, дочка, что с ней будет?..» Все мы, конечно, были в одинаковом положении, и мы поддерживали, утешали друг друга. В таких вот условиях она очень любила рассказывать о прожитой жизни в Париже; живя там, она объездила всю Европу. Рассказывала интересные истории о борьбе армянской партии Дашнакцутюн, вообще об армянах Зарубежья. Мы увлеченно ее слушали. У Забел Есян был великолепный язык, она говорила на чистом армянском языке. Иногда рассказывала что-нибудь из своих произведений, это были маленькие новеллы. С воодушевлением говорила об успехах, достижениях Армении, и так далее. И я ни разу не услышала от нее ни одной жалобы.

Представьте себе, она была очень стойкой женщиной. Она считала, что совершенно невиновна, не совершила ничего плохого, кроме того, что активно боролась за советскую власть. В течение года ее девяносто раз забирали наверх, на допрос... Она возвращалась в ужасном состоянии, подавленная, отчаявшаяся, потерянная... Особенно она жаловалась на следователя Арояна, который был просто зверь. Ему передали дело З. Есян, и он под страшными пытками требовал подписать показания, но Есян до конца

ничего не подписала. Она говорила: не подпишу, хотя бы расстрелять – пусть расстреливают. Девяносто раз она была на допросе, это ужасно...

Забел Есян была враждебно настроена против Абова (Геворг Абов (1897–1965), армянский писатель. – *К. Х.*). Она расспрашивала: «Апова арестовали, Апова? – произносила по-западноармянски: Апов. – Это Апов мне могилу вырыл». Видимо, это он написал на нее донос. Мы не знали подробностей, да и она тоже, но считала его своим «могильщиком». Она жаловалась только на Абова, ни о ком другом ничего отрицательного не говорила.

С Забел Есян я провела ровно год во внутренней тюрьме НКВД. В начале 1939-го меня перевели в городскую тюрьму, а она еще оставалась там. Дальше я потеряла ее след.

Впоследствии я узнала от друзей, что Забел умерла, и очень сожалела, что не смогла присутствовать на ее похоронах. Но мне сказали, что никаких похорон не было... да в те годы и не могло быть...

Софик Дзнуни:

– Меня арестовали в 1937 году. В общей камере внутренней тюрьмы НКВД сидело около двадцати-двадцати пяти женщин. Когда меня привели, Забел Есян была уже там. Около двух-трех месяцев я находилась в одной с ней камере, потом меня перевели в городскую тюрьму, оттуда – в колонию рядом с каучуковым заводом.

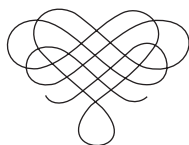
Все мы относились к Забел Есян с большим уважением и почтением. Она была очень величественной, интеллигентной, эрудированной женщиной. Она говорила: «Меня арестовали из-за моей французской ориентации».

За короткий срок, пока я находилась в камере, помню, что Забел Есаян один раз вызывали на допрос. Она вернулась чересчур взволнованной, возмущенной, с трудом передвигалась, ее ввели надзиратели. Затем говорила: «Я согласна не писать, бросить литературу, только бы вернуться домой, к моим внукам».

З. Есаян, несмотря на свое и наше тяжелое состояние, утешала, поднимала дух сокамерниц. Любила гадать нам на спичках. Разбрасывала спички и, глядя, куда они направлены, всегда произносила добрые, обнадеживающие слова: «Вот, видишь, тебя ждет хорошая дорога, свет у тебя впереди, спичка на дверь смотрит, значит, скоро освободишься; с детьми все в порядке, не переживай» и так далее.

Немного, вот столько могу рассказать о Забел Есаян.

ГЛАВА 2

ИСТОКИ: КАК ЗАКАЛЯЛОСЬ МУЖЕСТВО

Рухнувшие надежды

Адана. 1909 год.

Еще год назад Забел Есян с семьей приехала из Парижа в Константинополь. В 1908 году после революции и прихода к власти младотурок Османская империя была провозглашена конституционной республикой. З. Есян, как и многие представители армянской интеллигенции, верила и надеялась, что изменения в конституции и обещанные реформы новых властей прекратят кроважандную политику султана Абдул Гаида и улучшат положение турецких армян. Она поздравила с годовщиной принятия конституции Ахмеда Риза, одного из лидеров партии иттихат, основоположника конституции Турции, первого главу парламента и одного из участников покушения на султана Абдул Гаида.

Первого апреля 1909 года в Адане и других городах вилайета (провинции) историко-географической области Киликии начались погромы, длившиеся две недели. Около 30 000 армян стали жертвами резни, из них 20 000 – жители Аданского вилайета.

Историк-востоковед Сурен Манукян охарактеризовал резню армян в Адане как «классический пример прелюдии геноцида» 1915–1923 годов: «Население Аданы возможно больше всего воодушевилось обещаниями «свободы,

равенства и братства», провозглашенными новыми властями Османской империи за год до событий и требовало равноправия и доступа на государственную службу. Между армянами и турками Аданского региона царила атмосфера доброжелательности, благодаря чему район смог избежать абдул-гамидовских погромов (резни 1894–1896 гг. – К. Х.)».

Летом 1909 года Забел Есаян вместе с группой соратников по поручению Красного Креста, попечительства защиты сирот, армянских союзов едет в Киликию и занимается организацией сиротских приютов, их перемещением и распределением. Процесс защиты и вывоза сирот в напряженной и кровавой ситуации надо было ускорить. Так, З. Есаян сиротский приют из Айнтапа перевозит в Бейрут, из Алеппо – в Ливан, решает вопросы их материального, бытового и санитарного обеспечения. Спешка в спасении детей была вызвана еще и тем, что З. Есаян после ее миссии в Адану стала для турецких властей персоной нон грата, ее имя было внесено в список осужденных.

И, тем не менее, в ноябре 1909 года, будучи уже в Константинополе, неумная и бесстрашная Забел предлагает председателю городского собрания организовать конференции с участием делегации патриархии Киликии, членов Красного Креста и представителей Аданы с тем, чтобы довести до общественности трагедию о современном положении в Киликии, ее нуждах и проблемах. Такая цель, считает она, должна встретить поддержку и одобрение и центральной управы, и комиссии попечителей сирот.

А в конце того же года она ненадолго снова едет в Киликию для решения еще одного важного вопроса: преподавания армянского языка в школах. Турция после завоевания Киликии хотела образование и обучение детей на ее территории вести

в турецком духе и объявить турецкий язык для них родным.
3. Есаян торопилась перевести детей на Ближний Восток, чтобы спасти от угрозы отуречивания.

В одном из последних писем мужу Т. Есаяну из Киликии она пророчески пишет: «...видимо, мы обречены на каторжный труд, и нет конца нашей работе...»

«Погруженный в траур дом...»
Из переписки с Тиграном Есаяном

1909, 18 июня, четверг, Мерсин

Дорогой Тигран!

Утром мы добрались до Мерсина после спокойного и приятного путешествия.

...Я уже побывала в сиротском приюте, то есть в национальной школе, где расположились около 400 обездоленных сирот, они хорошо защищены. Как бы я ни была подготовлена к этому страшному бедствию, как бы не допускала мысли, что есть преувеличения в имеющихся сообщениях, все равно увиденное было настолько жутким, что недостижимо для любого воображения – даже *à peu près*⁷ я не представила бы всего, пока мы воочию не столкнулись с этим кошмаром: целый вилайет был разгромлен. Кто выжил и нашел тут прибежище, были настолько *démoralisés*⁸, что не будь непосредственного побуждения к естественным отправлениям, они бы тоже погибли от отчаяния, лишённые проблеска на-

⁷ *À peu près (франц.)* – приблизительно.

⁸ *Démoralisés (франц.)* – деморализованы.

дежды и веры в будущее... Повсюду смерть, разруха, голод, болезни и тюрьмы. С первой же минуты страна произвела впечатление погруженного в траур дома, причем покойника еще не вынесли. Невозможно было бы различить армян от турок, если бы на лицах первых не запечатлелась неизбывная боль от безутешного горя. Киликия уничтожена... – каждый такой ее воспринимает. Я не была еще в Адане, но по доходящим слухам все армяне погибли по заведомо разработанной программе. Уже ясно: турки сотворили здесь то же самое, что и в кошмарные дни при старом режиме в Полисе⁹. Более того: они с удивлением всматриваются в нас, мол, как так случилось, что вы выжили? Примечательно: при виде армян, прибывших из Полиса и других мест, которые не напоминают беженцев от грабежа и резни и внешне похожи на их эфенди, турецкая толпа удивляется, а некоторые чувствуют себя обманутыми, поскольку где-то еще армяне остались в живых. Причастность к преступлению нынешних властей очевидна...

Все повешенные и осужденные армяне невинны, как и часть турок, из которых восемь смертельно больных находились в больнице и ни о чем не ведали, будучи также жертвами. Вот что я видела и что еще увижу. Три дня с нами в пути было военное начальство. Я наладила отношения с каждым в отдельности, мы поговорили обо всем этом. Они оставили впечатление честных и добропорядочных офицеров, и я была убеждена, что каждый из них, чисто по-человечески, готов был бы поступить справедливо. Однако, как знать, под каким давлением властей они находятся. Один из офицеров будто почувствовал сомнительную ситуацию и сказал: «Мы и не

⁹ Полис – так в Западной Армении называли Константинополь.

люди, и не слуги, мы жертвы». Могу представить, как это давление властей скажется и после прибытия в Адану...

1909, 4 июля, Адана

Дорогой Тигран!

...Как поживает моя Софи? Прошлой ночью она приснилась мне в кошмарном сне, и я была очень удручена. Почему вы не пишете почаще, неужели не понятно, как мне трудно быть и вдали от Софи, и без какой-либо весточки? Передай, что она должна быть довольна маленькими далекими братьями и сестрами. Я всячески буду стараться, чтобы благоустроить положение этих бедных детей, и после того, как все у них наладится, со спокойной душой вернусь к вам.

...Я вот что пообещаю моей Софи: как только будут организованы сиротские приюты, я, чтобы материально ее обеспечить, намереваюсь направиться в Египет, на Кавказ, в города Европы. А также в Америку (миссия в Америку и на Кавказ не была осуществлена. – К. Х.) и самой лично заняться там устройством моих сирот. И если мой замысел реализуется, я возьму с собой Софи. Уже несколько дней я в Адане и поселилась в одной комнате с ориорд¹⁰ Оганджян¹¹; у нас все хорошо складывается, нет никаких трудностей – больше всего удручает положение тех, кто ждет от нас помощи...

¹⁰ Ориорд (*арм.*) – обращение к молодой незамужней женщине.

¹¹ Сатеник Оганджян (сер. 80-х XIX в.–1915) – член дашнакской партии. Одна из основоположников Красного Креста и Дома труда в Константинополе, куда переехала в 1908 г. из Тифлиса. Как сестра милосердия участвовала в спасении армянских сирот в Адане. Продолжила эту благотворную миссию и в дальнейшем в Западной и Восточной Армении.

1909, 18 августа, Адана

Дорогой Тигран!

Получила твое письмо, строчки от Софи доставили мне огромное удовольствие; поцелуй ее от меня. На сей раз, к несчастью, не могу похвастаться здоровьем: как и моих коллег (из Красного Креста) меня также прихватила лихорадка. Самое ужасное, что я не могу принимать хинин из-за воспаления кожи и сердцебиения... Так что состояние мое довольно сложное. Тем более что я вынуждена постоянно работать.

На этой неделе в Адане откроем еще один временный приют – пока удалось этого добиться, я вся измоталась. Я писала, что, возможно, дней через пятнадцать уеду... В моем прошении в патриархию я подтвердила, что ни мне, ни моему делу почти не чинят препятствий, тем самым удовлетворительно оценив свою работу. Посему я долго не задержусь и спешу завершить дела. Меня удерживают следующие обстоятельства:

1. Освобождение заключенных (что покажется тебе удивительным). Однако, на самом деле, только я и ориорд Сатеник побывали в соответствующих инстанциях, где представили этот вопрос. Словом, они в нас очень нуждаются. Заранее разузнав о намерениях в отношении заключенных, нам как-то удалось изменить их.

2. Завершить формирование временных приютов (на что потребуется две-три недели).

3. Я приглашена в государственную комиссию по вопросу одного из приютов, и мое присутствие необходимо. В комиссии хотя бы вначале приложу все усилия, чтобы государство

обеспечило детей жильем и питанием. В этом направлении и буду работать. Из газет узнаешь, насколько мне это удастся.

У меня очень хорошие отношения с местными властями; с вали¹² близкие отношения; вообще они проявляют особое уважение. «Тикин эфенди¹³» – так меня величают, и когда я впервые это услышала, то сдержала смех; народ с большой симпатией и любовью относится к нам. Что бы ни случилось, обращаются к нам, связывают с нами надежды. В Мерсине, когда мы проходили по рынку, армяне поднялись с мест, и турки последовали их примеру, думая, что обязаны так поступить. Мы ладим со всеми здешними европейцами, послами, директорами банков, фабрикантами и прочими, каждый из них по-своему может оказаться полезным...

1909, 3 сентября, Адана

Дорогой Тигран!

Если не возникнут неожиданные препятствия, то завтра рано утром мы тронемся в путь к Сису; я предполагала добраться и до Аджна, Мараша и Зейтуна¹⁴, однако после Сиса придется путешествовать на лошадях, и кроме того, при моем сомнительном состоянии здоровья я отказалась от долгого конного путешествия. Его преосвященство католикос¹⁵ несколько дней был здесь, и этим утром уехал со своими архимандритами, среди которых находился и

¹² Вали (*турец.*) – губернатор, начальник вилайета.

¹³ Эфенди (*турец.*) – вежливое обращение к знатым особам.

¹⁴ Сис, Аджн, Мараш, Зейтун – города в Киликии.

¹⁵ Имеется в виду бывший патриарх Константинополя Матеос Измирян, который в 1896 г. при султани Гамиде был снят с должности и сослан в Иерусалим.

архимандрит недавно освобожденного Аджна, Нерсес. Нас будут сопровождать епископ Акоп Азат и Грузян (священник, проповедник из Константинополя. – К. Х.); вместе со мной ориорд Оганджяня. Его преосвященство пригласил нас, и мы остановились в храме; католикос произвел странное, неопишемое впечатление, словно он снизошел и пожаловал со страниц истории; я с удовольствием величаю его католикосом и впервые в жизни почувствовала смирение; он кажется мне одним из великих людей нашей истории, который вернулся к жизни и сейчас блуждает среди развалин.

В последние дни мне очень нездоровилось, я заметно похудела; надеюсь, что эта поездка окажется полезной, а после возвращения в Адану через несколько дней отправлюсь в Константинополь. Кроме нашей семьи, никому об этом не следует говорить. Лучше, чтобы в патриархии (орган, управляющий религиозной, политической и национальной жизнью западных армян. – К. Х.) ничего не знали: они пишут такие письма, что вынужденно хочется остаться. Если все сложится благополучно и буду жива-здоровая, то сообщу название и парохода из Мерсина, и пароходной компании – будет либо русский пароход, либо «Хтивии» (название египетского парохода. – К. Х.).

1909, 16 сентября, Мерсин

Дорогой мой Тигран!

После долгого путешествия, под бременем тяжелых впечатлений я целой-невредимой добралась до Мерсина. Выехав из Аданы и пройдя через Мерсин (бывшая Маместия), мы добрались до Сиса, где и пробыли три дня (в одном из своих

писем я подробно написала об этом). Затем двинулись до Карс-Базара, где армяне смогли сгруппироваться и обеспечить свою самооборону, но подонки подожгли покинутое жилье; уцелел едва десяток армянских домов; сохранились также церковь и школа. Жители, будучи земледельцами, нищенствуют, потому что у них угнали скотину, отобрали орудия труда. Покосы сгубили, земледельческие машины, которые не смогли вывезти, сожгли. Мы провели тут ночь и на следующий день доехали до Османие. Народ, который благоразумно прислушался к своим хозяевам и священникам, был весь истреблен. Обширная территория Османие покрыта развалинами, уцелели только три дома; 800 человек убито ружьями, саблями и топорами, а 200 – сожжены в церкви, это неточные и минимальные цифры. Ужасную ночь провели мы в одном из домов, в котором нашли прибежище 25 обездоленных семей, и невозможно было уснуть от стенаний матерей, чьи сердца кровью обливались. На рассвете мы двинулись в путь до Эрзиня, где под предлогом раздачи помощи увидели наших заключенных, а также тех пятерых армян, которых приговорили к повешению и среди которых был четырнадцатилетний подросток. Мы помогли им воспрянуть духом; наше посещение стало для них большим утешением. В тот же день мы прибыли в Чорк Марзпанк¹⁶; наши предельно напряженные нервы нуждались в отдыхе. Общение с замечательными армянами Чорк Марзпанка доставило душевное спокойствие; они поведали подробности своего бесподобного сопротивления: женщины, дети, старики, молодежь – все как один оказали противостояние натиску турок и до конца остались непреклонными; они и сейчас зая-

¹⁶ Чорк Марзпанк – один из городов в Киликии, в котором из 22 000 жителей 12 000 – армяне.

вили, что готовы защищать свою жизнь и честь либо умереть на баррикадах. Здоровые и красивые, местные жители с радостью намерены защитить свои foyer¹⁷. Много прекрасных девушек, чудные старики; поведение и речи проникнуты гордостью, благородством и почтительностью – здесь можно гордиться, что ты – армянин. Нас угощали в доме Искандера Эф. Георогуляна – патриархальный чудный очаг.

Обратный путь лежал через Эрзинь, а оттуда мы направились в Гамидие, чтобы посетить Пайяс, но заключенных за день до этого перевезли, и некоторых из них мы увидели в дороге – это был жуткий караван с закованными в цепи армянами. Аджн оказал сопротивление и избежал резни, но адженцы действовали осторожно и не убивали: они придерживались другой тактики – не подпускать врага близко, и за двенадцать дней было убито всего четверо турок. Поэтому было арестовано всего двадцать семь адженцев, и часть из них вели закованными в цепях, в то время как злоумышленники передвигались на телегах. Не пойму, почему кровь десятков тысяч армян ценится так дешево по сравнению с турецкой?

Наконец мы добрались до Гамидие – чудовищное было место. Я сделала несколько записей и после двухчасового отдыха под кровом тикин Сапати, мы снова отправились в путь и через Мерсин вошли в Адану. Так или иначе отсюда мне надо уезжать. Надеюсь, в пятницу я успею на «Хтиви», и уверена, что ты уже получил мою телеграмму.

...Честно говоря, сердце не лежит уезжать отсюда: столько еще дел осталось, и так мало людей; но надеюсь, что где бы я ни была, постараюсь им помочь и особенно иногда буду навещать...

¹⁷ Foyer (франц.) – очаг.

«...В жилах стыла кровь»

Фрагменты из книги «Среди развалин»

Выполнив свой долг перед соотечественниками Аданы, З. Есян после возвращения ненадолго в Париж осуществила еще одну миссию – писателя-публициста: в 1911 году в Константинополе Армянским издательским обществом была издана написанная по горячим следам книга «Среди развалин», посвященная трагедии армян в Адане. Обложку книги оформил Тигран Есян, который писал жене: «Поторопись сообщить окончательное название: «Адана» или «Среди развалин»?»

Спустя долгие годы, в 1957-м, книга была переиздана в Бейруте, а еще почти полвека спустя, в 2006-м, документально-художественная летопись З. Есян увидела свет в Армении в издательстве «Айастан».

Из главы «К Киликии»

Перед нами предстала Киликия. Синеватое ровное пространство тянулось вдоль до подернутой дымкой горной гряды; оттенки первозданного света лениво переливались среди этой неприветливой сельской панорамы. На долю секунды мысли отделились от кошмарного бедствия и захотелось улыбнуться солнечному небу... Однако, увы, делегация в полной готовности дожидалась приближающихся лодок; на нас были устремлены мрачные, печально-пытливые лица – и во мне все померкло... Священнослужители выступали торжественно и чинно, будто перед похоронной церемонией. Наше недовольство возросло, сердце мое было охвачено безмерным горем, и будто в жилах стыла кровь.

Нас встречали те, кто все видели и пережили...

...Войдя в Мерсин, мы, казалось бы, переступили порог дома с покойником: люди встречали нас в траурном молчании и, пожав руку, проходили вперед; как знать, что в нас так их отталкивало, и они избегали общения, погруженные в свое горе, и, примостившись в сторонке, не сводили с нас полных слез глаз.

Гостиница, где мы остановились, была переполнена разного рода беженцами; здесь мы встретились с католиком, которому сразу же представились. Весь день, будто в кошмарном сне, передо мной мельтешили женщины в черном — члены семей первых жертв, и раздавался плач и стенания пострадавших, сирот и вдов, горе которых всколыхнулось при нашем появлении.

Из главы «Среди развалин»

Разрушенный город растянулся под ослепительным великолепным солнцем, точно бесконечное кладбище — повсюду руины... Ничего не пощадили: все церкви, все школы и все дома превратились в бесформенные обгоревшие груды камней, из которых там и сям торчат скелеты построек. С востока на запад и с севера на юг, до отдаленных границ турецких кварталов беспощадная и бессердечная ненависть все на своем пути предала огню и уничтожению. И среди этой угрюмой пустыни, среди бескрайнего пепелища гордо возвышаются два уцелевших минарета.

...Воистину невысказанно сразу осознать и почувствовать страшную реальность — она вне досягаемости человеческого разума; те, кто прошел через это испытание, тоже не в состоянии последовательно все рассказать — они что-то ле-

печут, охают-ахают, плачут и передают какие-то отдельные обрывки памяти. Отчаяние и страх были настолько велики, что матери не узнавали собственных детей, что о слепых и парализованных стариках забывали и оставляли в горящих домах; от демонического хохота жестоких головорезов люди перед смертью сходили с ума; разрубленные конечности и тела детей, еще бьющиеся в агонии, распинались под ногами; с одной стороны – под свист пуль, с другой – охваченные языками пламени, обезумевшие дети, женщины и раненые, притаившиеся в школах и церквях, прижавшись друг к другу, обугливались...

Там я увидела матерей, которые придушили собственных детей, чтобы детские голоса не выдали их присутствия в убежище; там я увидела парализованных женщин, у которых вывалившиеся из рта языки не способны были кричать о пронзительной боли сердца; там я увидела обезумевших людей, которые вместо того, чтобы забыть, заново воскрешали в памяти ужасы пережитого; угнетенные утратой любимых и родных, они не знали, кого оплакивать?.. «Вон там поставили их рядышком, и начали стрелять и стрелять, стрелять – и они вот так пошатнулись и упали... это были мой отец, мой муж, мои дети, и теперь я одна-одинешенька, живу, как сова, в палатках...»

Порой они казались безразличными, будто окаменевшими от безмерного горя: лица невозмутимые – ни один мускул не дрогнет, когда рассказывают чудовищные истории, каждое слово сплетено из страха и крови; внезапно замирают, с безумным блеском в глазах – как знать, что мелькнуло у них в голове?.. – и неожиданно начинают кричать, выйдя из себя, вызывают к нашим чувствам, слезам, умоляя о помощи...

Из главы «Литургия»

Первое воскресенье в Адане. Едва забрезжил рассвет, как во двор церкви ринулась толпа бедствующих жителей; понурые и отчаявшиеся, скрестив руки на груди, вереница вдов медленно и робко приближалась к церкви, потому что представитель Патриархии архимандрит Гнел обещал провести литургию за упокой души невинно убиенных, в утешение скорбящих. Великое волнение царило среди несчастных людей, поскольку притихшая боль с прежней силой минувших дней вновь ожила в сердцах, и каждому предстояло оплакивать по несколько покойников.

...В разрушенном и сожженном городе выстояла лишь Армянская церковь с ее высокой колокольной, которая будто обозревала развалины окрестности; онемевший язычок колокола повис, точно парализованный, так как в дни бедствия его ликующий звон умолкал в связи с трауром...

Из главы «Сироты армянских матерей»

Когда мы добрались до Мерсина, я уже воображала картину великой трагедии, готовая столкнуться лицом к лицу с чудовищной действительностью. Однако то, что довелось увидеть, было превыше любого воображения – обычными словами трудно описать жуткую картину, открывшуюся моему взору.

В те дни, когда спасшиеся от пожаров погибали от ружейных выстрелов; когда люди в ужасе и панике наступали на больных и раненых, порываясь спасти себя, большинство детей, разлученные с родителями, разбрелись кто куда и попадались то там, то тут. Первая делегация Патриархии собрала беспризорных детей и отправила в Мерсин, где приютила и укрыла в национальных школах и церквях,

дабы вдали от очага трагедии несчастные дети хотя бы чуточку смогли забыть о пережитых ужасах и дабы никто не осмелился бы притеснить их на той земле, где пролилась кровь родителей.

Многие поведали о постигшей их участи; почти голые либо прикрытые лохмотьями с пятнами крови матерей, с непокрытой головой и растерянным взглядом, они входили в Мерсин, и в клубах пыли от босых ног долго еще витал исходящий от тел запах пота и нечистот.

Собранные в церкви и все еще напуганные, дети притихли, не разговаривали и не плакали. Настолько велик был пережитый ужас, что при виде кого-либо их начинало трясти. В юном воображении невинных детей всплывал один образ: в каждом взрослом человеке они видели злодея, потрясенные страшными сравнениями и нахлынувшими жуткими картинками, посему, как обезумевшие, норовили бежать: детская психика была травмирована, поскольку изо дня в день они видели преступников с ножом или ружьем в руках, со свирепым иступленным взглядом, низвергающих поток брани и угроз. Кругом, точно струи дождя, текла кровь, а они часами таращились на зловещие языки пламени.

Дети успокаивались, когда оставались одни и порой переговаривались друг с другом, однако слова пресекались долгим молчанием. Изредка некоторые всхлипывали сквозь рыдания, не желая смириться и утешиться тем, что боль уже позади, уже миновали страдания, которые превыше их детских сил; другие же все еще со слезами на глазах, сдавливая рыдания, опускали головы на стол и погружались в долгий сон.

Кто-то же из детей, стосковавшись по нежности, по семейному теплу и любви, тянулся к своим товарищам по несчастью. Двое ребятшек, уединившись, шептались:

- У тебя есть папа?
- Нет.
- А мама?
- Нет.
- И у меня нет ни папы, ни мамы.
- Убили?
- Да.
- И моих убили.

Наступило долгое грустное молчание, и чуть погодя:

– Хочешь, мы будем братьями?

И они побратались.

Вот такие разговоры ведут между собой пяти-десятилетние дети. А порой друг друга находили потерявшиеся братья и сёстры – по глазам они узнавали свои пережитые испытания и не решались подойти друг к другу, будто отстраняемые памятью о зверски убитых матерях и отцах. Почти каждый без исключения, подстрекаемый проблеском инстинкта жизни, хотел забыть и враждебно воспринимал тех, кто будоражил их окровавленное сердце или же одним своим присутствием напоминал о минувшем горе.

Когда я впервые увидела горемычные, угрюмые лица сотен сирот, то, невзирая на сверхчеловеческие усилия, не смогла осознать и объять постигшее их несчастье: по сей день это уму моему непостижимо – какие-то случаи, разрозненные картины мелькают в голове, но я ни разу не в состоянии была объять ту безмерную, ту кровавую историю, которой удосуужился каждый ребенок.

...У некоторых сирот были матери, и ежедневно мы были свидетелями душераздирающей драмы.

Иногда, несмотря на все материальные перипетии, истосковавшиеся матери добирались до Мерсина, и поспешно, полные печали, выискивали своих отпрысков, а после болезненной нервной встречи с ними, замирали, точно каменные, не осмеливаясь их обнять и поцеловать – разлученные матери и дети не нуждались в новых трогательных чувствах. Горькую свою долю они ощущали инстинктивно и уходили восвояси, пуще прежнего взбудораженные горем и тоской....

...В Адане сирот не собрали в одном месте, не было необходимых протоколов, и мы сразу же взялись выяснять их местонахождение и имена.

Вопрос обсуждался в резиденции главы епархии.

– Сироты есть всюду, – сказал старый священник, широким жестом показывая во все стороны сожженного города...

Его седая борода на мгновение задрожала; его взволнованные прослезившиеся глаза, потухшие грустные глаза старца, были обращены к нам, и он вполголоса произнес:

– Ступайте в лечебницы, ступайте к палаткам, загляните даже в церковный двор... вы всюду найдете сирот...

Из главы «Заклученные»

...На следующий день мы поспешили разузнать о наших заключенных и сообщить сведения о них матерям и женам. Вопреки нашему пессимизму, удалось благодаря доброжелательному расположению военного командира не только получить вести, но и повидать наших товарищей.

...Не только вход двухэтажного здания, но и прилегающая территория охранялись вооруженными солдатами, которые сменяли друг друга каждые два часа.

Армяне находились здесь неделями; среди них были старики и молодые, больные и раненые. Безмерно подавлен-

ные и озабоченные, они не имели понятия о судьбе своих семей. Многие пребывали в страшном отчаянии, и смерть казалась им желанной. Некоторые, молчаливые и истощенные, выглядели отрешенными от мира сего. Мы познакомились с несчастным отцом семейства, который после гибели жены и детей обвинялся в тяжком преступлении, поскольку в нескольких метрах от его дома нашли труп мусульманина. Запомнились мудрое выражение лица этого милого старика, его ясный лоб и потонувшие в боли и слезах глаза. Бедняга совсем не разговаривал и, говорили, что он тронулся умом — и вправду, мы заметили, как он машинально и настойчиво то одной, то другой рукой что-то невидимое отгонял со лба. Там же мы впервые познакомились со знаменитым Кёктереляном, о котором ходили удивительные легенды и которого держали под особой охраной в страхе перед его затаенной силой и слухами о совершенных тяжких злодеяниях.

...Наиболее сложным было посещение тюрьмы, но, с другой стороны, эта работа больше всего вселяла в нас силы, поднимала дух: хотя бы здесь мы не встретили поверженных, потерпевших и смирившихся.

Все те, кто в лихие дни так или иначе с оружием в руках участвовал в боях, сейчас оказались за решеткой. Все те, кто подставил грудь врагу, были сейчас здесь: молодые и жизнерадостные, с живым блеском в глазах и готовые в первый же день своего освобождения восстановить из руин и вернуть к жизни город...

...Труднее всего было посетить заключенных, которые находились вместе с турками, но мы знали, что они самые

несчастные и самые притесненные, и посему задались целью прежде всего добраться до них.

Однажды во время нашего очередного посещения тюрьмы мы узнали, что осужденных армян переводят в Пайас¹⁸. Мы приложили все усилия, чтобы увидеться с ними и оказать посильную помощь.

Гнетущая была ситуация, трудно было вообразить более страшную картину. Из-за тюремной решетки виднелись головы сотен преступников и на нас с любопытством взирали множество глаз с красными воспаленными веками. Наконец в этой чудовищной толпе мы разглядели своих – осужденным ни к чему было называть себя: наши взгляды встретились, и мы узнали друг друга.

Среди осужденных были Мигран Кахози, смелый охотник, о котором говорили, что он спас пятьсот жизней; Назар Инджян, который поручил нам двоих своих детей, бывших в больнице, и другие.

Одни заключенные были совершенно ни в чем не повинны, другие спасли сотни жизней во время самообороны, и в более благоприятных условиях они прослыли бы героями. Они ожидали, что перед лучезарной справедливостью все доносы и клевета окажутся бессильны, а им, как храбрым гражданам, воздастся сторицей.

Однако осужденные, закованные в кандалы, должны были отправиться в Пайас вместе с теми турками, против которых воевали. Изнуренные, горем облагороженные лица заключенных армян не выражали ни горечи, ни отчаяния, ни бессилия...

¹⁸ Пайас – город в Киликии, центр Киликийского патриархата, упраздненного после геноцида армян в 1915 г.

За стенами тюрьмы волновалась скорбящая толпа, точно охваченное бурей море; женские рыдания и причитания сливались с криками детей. Армянские женщины пришли в последний раз повидаться со своими возлюбленными. За ними стояли несколько турчанок, молчаливых и беспристрастных. Когда мы проходили мимо, из-под красной и черной ясмы¹⁹ они устремляли на нас пронзительно черный взгляд. Армянки плакали от безутешного горя и ни за что не хотели прислушаться к словам сочувствия, которые смягчили бы мучительную боль. Раздраженные всеобщим страданием, стражи порядка были обеспокоены плачем женщин и детей. И вот со свистом взметнулись нагайки, опустившись на полуобнаженные груди – толпа всколыхнулась в страшной панике; полицейские же продолжали сыпать удары, и люди шарахнулись, и начали расступаться.

Однако плач не прекращался, потому что матери, жёны и дети осужденных армян, стойко выдержав удары нагаек, не расходились и настырно не сводили глаз с тюремных ворот, за которыми в своре преступников то там, то тут смогли разглядеть своих любимых...

...Проходили дни и недели, и вопреки обещаниям, официальным и неофициальным заявлениям, наши заключенные по-прежнему оставались в тюрьме. А в один злополучный день пришла весть, что пятеро из них приговорены к повешению.

Ранним утром обезумевшие жёны и матери пришли к нам: – Родимые, разве не повесили армян? Снова будут казнить?

¹⁹ Ясма – женская повязка на голове.

Напрасно пытались мы успокоить их, призывая к терпению и мужеству.

– Такой ужас хуже смерти, – произнесла потерявшая голову мать двух сыновей.

Верно, хуже смерти, в нас тоже закралось сомнение – логика народа неумолима: опять отправят на виселицу невинных армян?

...Известие дошло и до тюрьмы, до наших заключенных – с какой болью в сердце мы к ним приближались. «Кто они, эти пятеро избранных?» – размышляла я, вглядываясь в каждого. Однако, ужаснувшись собственной мысли, виновато потупилась...

Из главы «Виселицы»

В трагических историях Аданы самое страшное – душевное состояние пострадавших жителей: больше всего была травмирована память о виселицах; они о многом забыли, ко многому проявляли равнодушие, но виселицы запечатлелись как чрезвычайное горе, как наивысшее оскорбление.

...Мясник Мисак был ашугом²⁰, и, говорили, когда он шел к виселице, то распевал одну из своих задушевных песен, которая потрясла даже охранявших его стражников. Передавали также последние его слова: мол, я заслужил виселицу не за то преступление, за которое осужден, а за то, что не оправдал надежды и не выполнил до конца своего долга во время самообороны.

– Я оказался малодушным и неудачливым, поэтому и наказан...

Из главы «В дороге»

...Наконец, точно оазис, перед нами предстал Эрзинь, с виду напоминавший Османие...

²⁰ Ашуг – народный певец.

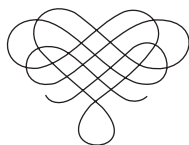
Как и в Адане, заключенных и здесь заботило только состояние их семей: они поручали нам передать женам, матерям и сестрам, чтобы не переживали, что они себя чувствуют хорошо в тюрьме, ни в чем не нуждаются, и только страдают от тоски, однако уверены, что вскоре выйдут на свободу. Слова утешения передавали и те, кто был приговорен к смерти.

В группе заключенных Эрзиня находился молодой человек, который чуть позже должен был взойти на виселицу, и его товарищи думали, что он об этом не знает, поэтому предупредили не заговаривать с ним об этом. Когда он вышел к нам, мы с трепетным волнением увидели его почти юношеское лицо, и он встретил нас щедрой улыбкой мученика.

– Чем мы могли бы помочь тебе? – прошептала я, когда остальные занялись другими заключенными.

– Ничем, – невозмутимо ответил он, – мой приговор невозможно отменить, поберегите силы для спасения других, не стоит тратить на меня время.

Значит, он все знал... Какой ужас! В его черных волосах играли солнечные блики, взгляд был полон жизни и огня. Он крепко пожал нам руки и легкой походкой ушел вместе со всеми...

ГЛАВА 3

СПАСЕННАЯ ОТ ТУРЕЦКОГО ЯТАГАНА

Беглянка поневоле

1915-й. С начала года в Западной Армении вновь накалилась напряженная и тревожная атмосфера ненависти. Вновь беспощадный, обогранный кровью турецкий ятаган, как дамклов меч, угрожающе навис над судьбой и жизнью армянского народа – и в апреле он с жестоким размахом опустился и расправился с невинными жертвами произвола турецких властей. Целенаправленно была истреблена армянская интеллигенция, в том числе известные писатели: Сиаманто, Даниэл Варужан, Рубен Севак, Григор Зограб, Рубен Заргарян, Тигран Чёкюрян, Тлкатинци... и многие, многие другие. В списке погибших Забел Есаян не значилась. Вплоть до начала 60-х годов прошлого столетия не все, даже ее биографы, не знали истинной причины этого загадочного «курьеза». Примерно с 1910 года (после рождения сына в октябре) и после 1911 года после смерти в январе отца Забел Есаян почти безвыездно жила в Константинополе.

Не только мужество и воля, но и цепочка счастливых случайностей спасли писательницу от турецкого ятагана, о чем было документально зафиксировано ею самой на страницах газеты «Армянский вестник», изданной в Москве в 1916 году. Однако чудо спасения было частично «рассекречено» еще раньше, в 1915-м, в письме 3. Есаян из

болгарского города Филиппополь (ныне Пловдив) сестре Гехуни Ованнисян в Париж.

1915, Филиппе

Дорогая Гехук!

Вчера я отправила открытку Тиграну, что наконец-то смогла спастись. Положение армян в Полисе стало ужасным в прямом смысле этого слова; ежедневно проводилось по 30-40 арестов самых разных людей, которых после двухдневного пребывания в полиции ссылали в неизвестном направлении и, поскольку о них не было точных вестей, то распространялись самые страшные слухи. Мое положение стало совершенно невыносимым и, когда я писала о болезни, то, несомненно, вы должны были понять, что я имела в виду угрозу ареста. Долго было бы описывать, через какие мытарства пришлось мне пройти; бедная мама в течение трех месяцев каждый день пребывала в трауре из-за меня; три месяца я была на правах беглянки, случалось, что тайно пробиралась домой. Одному Богу известно, что мы пережили; в конце концов, благодаря дерзости, изворотливости и хладнокровию я смогла чудом спастись; можешь представить, как я была счастлива, когда пересекла границу, какая была победа! Однако счастье оказалось бы полным, если бы со мной были мой сын и мама²¹, но я не захотела подвергать их опасности по той простой причине, что до самой границы девяносто процентов из ста была вероятность, что меня арестуют, и они бы со мной *trainés*²². В конечном итоге я все утрясла, в том числе и

²¹ С большим трудом З. Есаян позже организовала выезд сына Гранта и матери в Румынию, после чего вместе с ними уехала на Кавказ.

²² *Trainés* (франц.) – намучиться.

с помощью денег, чтобы и они отправились вслед за мной, и даже надеюсь, что завтра с утра будут уже здесь. Если же что-то помешает, то задержатся на пару дней или больше; вопреки этой уверенности, тем не менее, на сердце тревожно, и только когда увижу маму с Грантом, то успокоюсь окончательно. И сразу же напишу вам. Вы и не представляете, какие мне выпали душевные волнения: примерно дней десять я не в состоянии была ни есть, ни спать, гостила то у одних, то у других знакомых, скрывалась и притворялась – душа вся извелась. Как-нибудь обо всем поговорим, а пока расскажу только о фотографии моей Софи, которую вы недавно мне прислали, она-то и выручила меня в *critique*²³ момент: меня спросили, почему я хочу выехать, и я ответила, что должна забрать из Филиппополя дочку и вернуться. Докажи, сказали они, что у тебя есть дочь. Но как это сделать, не называя себя – и тут меня осенило: я достала фотокарточку из сумочки и показала. Вгляделись в меня, в Софи, нашли, видимо, сходство и были удовлетворены. Вот так, ступая по шипам, я смогла выбраться из этой проклятой страны, и дай Бог, всем обрести свободу. С каким трепетом я впервые увидела болгар! Да здравствует Болгария!..

После приезда мамы я намерена поехать в Софию, а попозже – в Швейцарию, только бы они приехали, а потом напишу о своих планах. Главная моя цель, чтобы мы все были вместе и никогда уже не разлучались; и мои дети всегда были бы рядом со мной – и ничего больше мне не надо...

²³ Critique (франц.) – критический, опасный.

Пересказ речи Забел Есян о мытарствах и ужасах армянской интеллигенции в Константинополе и о ее бегстве («Армянский вестник», Москва, 1916, №15)²⁴

Год назад, 15 апреля, Забел Есян узнала, что в этот день были произведены многочисленные аресты среди константинопольской армянской интеллигенции, среди писателей, журналистов, адвокатов, врачей. Одна преданная женщина сказала, что и на ее старую квартиру наведывалась полиция, ищет ее. Сначала это сообщение не показалось страшным. Не чувствуя за собой никаких повинностей, даже на турецкий взгляд, она решила спокойно ждать ареста. В результате арестов, – думала она, – будет большой процесс, на котором все вымышленные турецкие обвинения разлетятся мыльным пузырем, и тем дело кончится. Так рассуждала Есян. Так рассуждали и ее приятели-армяне, еще не взятые турецкою полицией. Бывшие на свободе стали спокойно ждать «гостей», уничтожили кое-какие рукописи, письма, даже собирали книги для тюремного сидения. Но в понедельник стало известно, что все забранные, свыше 400 человек, уже высланы куда-то в глубь страны, даже не подвергшись какому-либо допросу. Дело сразу вырисовывалось в другом свете. И Забел Есян решила скрываться.

По холмам, по пролегающим в окрестностях Скутари, где она жила, пустынным дорожкам она пробралась в Кадене, оттуда морем переправилась в Стамбул. Здесь она провела 15 дней в одном госпитале, принадлежащем нейтральному государству, причем была выдана за больную. Только главный врач-европеец знал, в чем дело. Однако понемногу и другие

²⁴ Это сообщение З. Есян сделала на экстренном заседании Московского армянского комитета, по приглашению которого остановилась в Москве проездом из Петрограда в Тифлис.

стали поглядывать на мнимую больную подозрительно, не раз заводили с нею речь о том, что «ищут Забел Есаян». Было ясно, что в ее тайну проникли, и оставаться в госпитале стало слишком рискованным. Тогда Есаян, закрыв лицо вуалью, пробралась к себе домой, где уже четыре раза была полиция, и можно было рассчитывать, что не скоро нагрянет снова, а будет искать где-нибудь в других местах. Знакомая турчанка прислала турецкий костюм. Писательница переоделась в него и получила возможность так скрываться в городе, каждые два-три дня меняя свое местопребывание. Полиция энергично искала ее, но она благополучно ускользнула. И так провела в Константинополе целых три месяца, каждую минуту рискуя попасться. Может быть, кое-кто из турок, с которыми приходилось случайно соприкасаться, и подозревал, кто под турецким платьем, но делал вид, что ничего не знает. Во время своих скитаний в таком маскарадном виде армянская писательница не раз выслушивала откровенные мнения турок о том, что творится в Константинополе, в частности, о жестоких преследованиях и казнях армян. Турецкая народная масса была определенно против этих преследований и против творившего их правительства. Не раз приходилось слышать от простых людей, что «сердце выгорает», когда видишь, что делают с армянами...

...Однако маскарад не мог длиться без конца. Возможностей же бежать не было никаких. Положение писательницы становилось критическим. В это время она узнала, что армянским женщинам и детям стали давать разрешение уехать. Каждый день уезжали семей шестьдесят. Есаян решила, хотя и сознавала, как много тут опасностей, уехать с ними, воспользовавшись своим девичьим паспортом. Чтобы добыть требуемый для того сертификат, она переехала в квартал, где

нет армян и где потому бдительность полиции послабее, облеклась опять в европейское платье, выдала себя за портниху, которой нужно выехать в Филиппополь, чтобы сшить одной невесте приданое, и начала хлопоты. Несколько раз все дело висело на волоске. Когда она пришла к скутарийскому начальнику полиции за сертификатом, ему показалось подозрительным имя Забел, так как, сказал он, такое имя у писательницы Есаян, которую полиция вот уже сколько времени ищет. Произошел такой диалог:

- Мало ли что меня зовут Забел! Это – не я.
- А вы знаете Есаян?
- Немного знаю...
- Укажите, где она, и я сейчас же дам вам сертификат.
- Но я не шпионка и я не знаю.
- В таком случае не могу.
- Послушайте, если вы меня пустите, я поеду в Филиппополь, хорошо заработаю. Я готова и вам дать часть.

И писательница протянула несколько крупных золотых монет.

Этот аргумент подействовал. Сертификат был дан. Но предстояло еще пройти и через константинопольскую полицию. А начальник ее Бедри бей лично знал Есаян и почти неотлучно присутствовал при проверке документов. Есаян продежурила по соседству восемь часов, пока преданное лицо не дало сигнала, что Бедри бей на некоторое время отлучился. Она этим моментом воспользовалась. К счастью, фотографию ее, которая была мало схожа, помощник начальника полиции не узнал, только выразил сомнение, что Забел – девушка, как это значится в паспорте.

Наконец, Есаян на вокзале благополучно миновала процедуру визирования паспортов, села в вагон, выбрав

офицерский, в расчете, что туда шпионы, которыми кишмя кишел константинопольский вокзал, вряд ли заглянут. Несколько трогательных воспоминаний передает Есаян о случайном спутнике, пожилom турецком офицере. Он скоро догадался, какая с ним пассажирка, но не подал и виду. Только слезая в Адрианополе, сердечно с нею простился и сказал на прощанье: «Ну, скоро вы будете в полной безопасности». И прибавил с волнением: «Не думайте, что все турки так злы; есть такие, которые глубоко страдают за вас, армян, горячо вам сочувствуют. Но я верю, скоро все переменится, скоро вы спокойно вернетесь назад, в Константинополь».

Наконец – граница. В Болгарии Есаян прожила два месяца, затем переехала в Румынию, откуда перебралась к нам на Кавказ.

Такова эта эпопея. И чего избежала Есаян благодаря побегу, можно судить по ее страшным рассказам о судьбе высланных из Константинополя интеллигентных армян. Эти сведения Есаян имеет отчасти из писем высланных, отчасти от американского корреспондента, побывавшего в Константинополе, отчасти от миссионеров, в том числе германских...

«...Мы просто пребываем на вулкане»

Повезло не только самой Забел Есаян, но и нам, ее потомкам. Выжившая в 1915 году, она (как и всю свою жизнь) с особым рвением около трех лет продолжала и на Кавказе, уже объятom революционным переполохом, служить соотечественникам, чтобы уцелевшие их осколки во что бы то ни стало спасти и уберечь от невзгод – для жизни, для памяти.

В 1915–1918 годах и в Москве, и в Петрограде, в Тифлисе и Баку она жила в обычном для нее режиме – насыщенной плодотворной общественной и литературной жизнью. Почему так затянулась ее эмиграция на Кавказе? Наверняка не только ради встреч и выступлений с широкой публикой, с соотечественниками, представителями интеллигенции. З. Есян читает лекции о положении армян в Турции, в частности, и о недавних трагических событиях, о творчестве западноармянских писателей, и она очень озадачена тем, что обо всем этом общественность в должной мере не знакома и что предстоит большая работа по приобщению и армян, и представителей других национальностей к духовным ценностям, историческим знаниям об армянах.

Познавательльно-пропагандистская миссия Забел Есян в определенной мере была связана с ее постоянным участием в работе Национальной делегации, возглавляемой Погосом Нубаром-пашой (*читайте также главу 4*). З. Есян держала его в курсе общественно-политической ситуации и на Кавказе. Аршаку Чобаняну, тоже члену Делегации, она пишет 22 мая 1918 года: «Вы, несомненно, информированы об общем положении дел на Кавказе: мне было поручено отправлять за границу подробные телеграммы, что я и делала, и одна из них адресована Погосу Нубару-паше, которая Вам, видимо, знакома...»

Кровавый маршрут изгнания армян с родной земли вел и на Кавказ, куда переселились семьи погибшей и сосланной интеллигенции. Благотворительное общество и Комитет по беженцам в Баку предоставляли им пособия, обеспечивали жильем. Разумеется, З. Есян не могла оставаться равнодушной к судьбе лишившихся крова соотечественников. Используя и связи, и свой авторитет, она ходатайствует и устраивает десятки детей в армянские школы на Кавказе, в семинарию

Геворкян в Эчмиадзине, хлопочет о своевременной выдаче нуждающимся материальной помощи. В мае 1916 года, в частности, она пишет председателю Комитета по беженцам Тиграну Ованнисяну²⁵:

«...Очень боюсь, что начнутся отпуска, все разъедутся по дачам, и этот вопрос (выдача денег одному из беженцев. – К. Х.) так и останется нерешенным. Уверяю Вас, господин Ованнисян, что я не смогу выехать на дачу и отдохнуть, пока не узнаю, что эти дамы (беженки из интеллигентных семей. – К. Х.) хотя бы относительно не обеспечены. Пожалуйста, не задерживаясь, напишите, и если необходимо, я могу на пару дней приехать в Баку, чтобы проблема вошла бы в колею, но, думаю, и без меня все наладится, если вы захотите...»

Вывести огромный архив «вопиющих голосов» армян-очевидцев геноцида тоже было своего рода героическим поступком. Весной 1918 года З. Есяян покидает Баку и, возвращаясь в Париж, заезжает в Тегеран, откуда в письме А. Чобаняну от 22 мая 1918 года пишет о своем «грузе»: «...меня на Кавказе обязали лично доставить эти бумаги в Европу...». Она спасала не только людей, но и страницы будущей истории. Во Франции еще с 1913 года выходило пятитомное издание о положении армян в Турции: «*Le situation des arméniens de Turquie exposé par des documents*» («Положение армян в Турции в документах»), в котором поднимался Армянский вопрос. А в 1916 году по инициативе армянского поэта и общественного деятеля Ованеса Туманяна была создана специальная комиссия «Вштапатум» («Эпопея скорби»), в которую входили также известные армянские

²⁵ Тигран Ованнисян (1865–1921) – армянский литературный деятель, переводчик, юрист. Занимал также должность председателя Армянского драматического общества в Тифлисе и Бакинского общества книголюбов.

писатели, политические и общественные деятели З. Есаян, К. Микаэлян, Ст. Зорян, Андраник, Мурад Себастанци и другие. «Следователи» – так их называли – должны были собрать правдивые трагические свидетельства армян, выживших после геноцида 1915 года²⁶.

Титаническим был труд З. Есаян в документировании драматических событий. «Труд сам по себе мучительный, – пишет она А. Чобаняну 8 декабря 1917 г., – и совершенно расстроил мои нервы. Но вопреки всему я должна довести все до конца...» С большим интересом она прослеживала в литературе произведения на эту тему. Так, писательница с радостью поздравила своего коллегу Карэна Микаэляна²⁷ с публикацией серии биографических рассказов о детях Западной Армении «Поруганная Армения», увидевших свет в Баку на страницах журнала «Горц» («Дело»): «...Я верю, – пишет ему З. Есаян 23 сентября 1917 г., – что не только сегодня, но и всегда эта вещь будет представлять огромную ценность, как самое волнующее произведение о нашей нынешней трагической жизни; как я уже говорила Вам лично, Вы этот нелегкий труд написали с мастерством и высоким вкусом, и будет очень обидно, если после долгого времени она не увидит свет. Поспешите сообщить об этом». Она перевела

²⁶ Название «Вштапатум» прозвучало спустя десятилетия, в 2012 г., на обложке трехтомного издания, вобравшего в себя 602 сохранившихся документа, из которых ценными являются рассказы очевидцев чудовищного преступления. «В 1920 году правительство Республики Армения, – говорит директор Национального архива Армении Аматуни Вирабян, – вынесло решение перевезти все документы программы «Вштапатум» в Армению и передать министру иностранных дел. Однако в реальности это было сделано намного позже».

²⁷ Карэн Микаэлян (1883–1942) – прозаик, переводчик. В 20-е годы был членом делегации армянского Красного Креста и Комитета помощи Армении. Репрессирован.

на французский язык одну из глав записок К. Микаэляна «Красавица» для Анри Барби, парижского журналиста, очевидца событий в Западной Армении. Его книга «В стране ужаса. Мученица Армения» вышла в свет на французском и русском языках²⁸. Есаян сообщает К. Микаэляну: «Господин Barbu также подтвердил, что это одна из волнующих страниц, которые мы до сих пор перевели... «Поруганная Армения» по-французски не имеет ту же силу, поэтому согласитесь, пожалуйста, поставить заглавие «Свидетельствуют дети»...»

Благодаря переводческому перу З. Есаян свидетельства очевидцев и произведения о резне 1915 года стали известны французскому читателю. Так, по заданию А. Чобаняна, она перевела на французский «Воспоминания мученицы» учительницы Каптанян; взялась за перевод «Месяца в Киликии» писательницы Аршакуи Теодик²⁹.

«Мое молчание до сих пор, – пишет З. Есаян А. Чобаняну 8 декабря 1917 г., – не сочтите ни за безразличие, ни за беспечность. Учтите, что в день 10-12 часов я занята чтением и сортировкой разного рода жутких историй о резне и насилии; после этого в день хотя бы два часа я уделяю Henri Barbu; мое свободное время сводится к секундам, а не к часам, потому что мы сейчас пребываем в таком положении, что, прежде всего, я должна завершить взятые на себя обязательства – как знать, что может случиться, этим ценным документам грозит любого рода опасность: обыск, пожар, грабеж и прочее, и прочее». Хаотичный и непредсказуемый

²⁸ Русское издание 1919 г. (Тифлис) было переиздано в 2008 г. в Москве в издательстве «ЮниПресс СК».

²⁹ Аршакуи Теодик (Чезвечян) (1875–1922) – армянский публицист, педагог и переводчик родом из Константинополя. В 1910 г. она месяц пробыла в Киликии и написала о своих впечатлениях.

расклад сил на мировой арене и в революционной России «со дня на день мог все изменить», предсказывала Забел Есяян, поскольку «мы просто пребываем на вулкане; в таких условиях положение нашего армянского народа, в особенности турецких армян, настолько драматично, что исчезает чувство личной безопасности».

В роли хранительницы и летописца

Политический накал страстей подстегивал З. Есяян, и она, отдавая дань уважения памяти жертв резни армян и верная требованиям времени – достоверному осмыслению действительности – написала собственные произведения: «Путешествие Мурада» и «Агония одного народа», опубликованные в журнале «Горц» в 1917 году в Баку.

Мурад Себастанци (Хримян) – один из видных армянских фидаинов – представителей армянского национального движения, в котором он принимал участие в период кровавого режима султана Абдул Гамида. В 1915 году, избежав ареста турецкой полиции, он с друзьями по оружию совершил нелегкий путь, добравшись на рыболовецкой шлюпке в Баку. Разумеется, он не мог остаться в стороне, когда в Баку перед армянами вновь встал вопрос быть или не быть во время кровопролитных столкновений с турецкими войсками и вооруженными местными татарами³⁰. Организовав самооборону армян, Мурад со старыми боевыми друзьями погиб при очередном взятии одной из вражеских позиций.

³⁰ Татары – тогда так называли мусульманское население Баку.

Фрагменты рассказа Мурада, публиковавшиеся в газете «Горизонт», беседы с ним автора и, возможно, его «Дневник» послужили для З. Есаян сюжетом документального повествования, что отвечало и требованиям идеи «Вштапатума». В «Путешествии Мурада»³¹ она была против и своего предисловия, и своего имени до и после текста, чтобы сохранить документальный эффект без эмоционального авторского вмешательства. Видимо, явную истину ей приходилось отстаивать, поэтому 23 января 1917 года она с возмущением пишет из Тифлиса в Баку Ерванду Тагианосяну³²: «Вы не представляете, как я разочарована и как все осточертело; слов не нахожу, чтобы высказаться, в душе бушует библейская ярость; многие обижаются, когда я категорически заявляю: но если я и нам подобные будут молчать перед очевидными истинами, то кому же тогда говорить, кто же тогда поможет услышать; нет во мне никакого к ним снисхождения».

Повествование еще одного документально-художественного произведения З. Есаян ведется от имени героя, выходца из Западной Армении Айка Торояна, которому удалось спастись от каравана смерти ссыльных армян и переправиться из Месопотамии на Кавказ. Трагедия армян дошла до наших дней еще и потому, что рассказчик-очевидец часть пути совершил вместе с немецким офицером, который нанял его переводчиком, скрыв национальность, и они перемещались по Месопотамии в сопровождении турецких охранников.

³¹ «Путешествие» после первой публикации увидело свет отдельной книгой в 1921 г., в Бейруте, затем в 1981 г. в журнале «Наири» (Алеппо, Бейрут) и, наконец, книга была издана в Армении в 1990 г.

³² Ерванд Тагианосян (1864–1948) – юрист, литературный и общественный деятель. Председатель издательского товарищества армянских писателей в Баку. Издатель журнала «Горц». В 1920 г. вместе с Ов. Туманяном отправился в Константинополь для организации помощи Армении.

В рассказ Торояна вплетаются и истории, услышанные в пути от других жертв изгнания из Киликии и Западной Армении.

В «Агонии одного народа» яркие и запоминающиеся образы и факты трагедии армянского народа выстроились в художественную летопись, охватившую период с ноября 1914 года до начала 1916 года³³. По словам литературоведа С. Арзуманяна, З. Есаян «меньше всего интересовало, в каком жанре написано произведение: воспоминаний, записок, исторической летописи, дневника очевидца или как-то еще. Она хотела только, чтобы мир и потомки не остались бы в неведении о событиях и перипетиях геноцида, и верила, что время и история скажут свое справедливое слово».

*Аршаку Чобаняну³⁴
1917, 9 июля, Пятигорск*

Дорогой господин Чобанян!

...Сейчас я в Минеральных водах, где пробуду до 15 августа, чтобы подлечить болезнь почек, которая весь год беспокоила меня. Потом вернусь в Баку и займусь составлением всех тех свидетельств и документальных материалов, которые собрала комиссия «Вштапатума». Планирую представить программу местным национальным органам для проведения в России пропаганды об армянах. Представьте, что в этой стране армяне оказались слишком индифферентными

³³ «Агония» после издания на страницах журнала «Горц» («Дело») больше не переиздавалась. Не осуществилось и желание З. Есаян увидеть ее русский перевод: «...я тороплюсь из-за русского перевода, который может отнять много времени».

³⁴ Аршак Чобанян (1872–1954) – армянский писатель, критик, редактор-издатель. Родом из Константинополя, в 1895 г. обосновался в Париже.

и не довели до широкой публики (и даже в узком кругу) о наших бедах и наших чаяниях, так что даже интересующиеся нами русские не знакомы с нашей национальной жизнью, нашими ценностями и устремлениями. В этой связи предстоит большая работа и, естественно, мое незнание русского чинит серьезное препятствие; тем не менее, за короткий срок мне удалось установить связи с разными известными людьми и пробудить к нам определенный интерес. Надеюсь, что смогу также организовать бюро, которое регулярно отправляло бы за границу информацию странам-союзникам. В случае успешного осуществления моих программ, в чем я не сомневаюсь, поскольку имеются явные гарантии успеха, я постепенно буду держать вас в курсе дел. Надеюсь также, что Вы захотите взять на себя обязательство собрать у себя отправленные в Париж корреспонденции и фотоснимки и распорядиться ими, как сочтете нужным. Буду очень признательна, если Вы откликнитесь и выскажитесь насчет моего предложения.

Прочитали ли Вы в «Горце» мою вещь об армянах из Месопотамии (воспоминания Айка Торояна)?

Хотелось бы знать, какие органы в Париже занимаются главным образом внешней пропагандой: следует наладить связи, создать союз в нашей работе и по мере возможности помогать друг другу. Надеюсь, обо всем этом Вы вскоре напишете.

Здесь щедро выделены деньги на это дело, однако работа распределена между различными центрами и не хватает четкой программы и действий. Свыше моих сил братья за организацию столь огромного предприятия, но способные на это люди занялись различными конкретными делами. Одно

для меня ясно: я должна прикинуть не что я могу, а что я обязана сделать.

Примите мои наилучшие пожелания и дружеские приветы.

Ваша Забел Есаян

«Неужели такое возможно?..»

Фрагменты из книги «Агония одного народа.

Изгнание армян в Месопотамию»

Из предисловия

...Трудно было подступиться к столь жуткому материалу, трудно было мысленно пережить часы той агонии, которые испытали массы людей под гогот, ругань и прочие оскорбительные выходки безжалостных, остервенелых палачей.

...Человечество не может с самыми строгими мерками справедливости хотя бы только попытаться осудить те злодеяния, которым был подвергнут невинный и беззащитный народ, но вместе с тем я уверена, что масштабы и бесчеловечность этого преступления не останутся безнаказанными.

Минуют годы, забудутся политические козни и ненависть, новые чаяния и устремления грядущего человечества затмят сегодняшнюю скорбь и трагедию, но незабываемой останется мучительная и продолжительная агония целого народа, печальный образ которого вы найдете на нижеследующих страницах.

<Первые трупы в Евфрате>

...Выселение из разных областей Киликии прошло удачно. В Мараше и его окрестностях, Адане, Мерсине, Сисе почти в

одинаковой мере лишились родного крова, приобретенного в поте лица состояния и благополучной жизни. Богатые остались в Алеппо и его предместьях, но у кого не было средств прожить вне родного края и они оказались обузой для властей, тех отправляли в Месопотамию.

Выселение жителей из Киликии было организовано согласно программе командующего Джемала-паши, а осуществлял ее Фахри-паша. Проводилось выселение более упорядоченно, во всяком случае мужчины не подвергались поголовному уничтожению, и, дойдя до назначенного им места ссылки, они могли воссоединиться с семьями и кое-как справиться с выпавшей им нелегкой участью.

...Обычно к нам поступали сведения о событиях в Киликии, но об Армении³⁵ не было никаких вестей. Вот как впервые состоялась встреча с армянами из Армении.

Ранним майским утром нам с товарищами захотелось сходить к берегу Евфрата.

Наш край в это время года бесподобно красивый, точно цветущий сад. В теплом воздухе витал аромат полевых цветов. Когда мы приближались к реке, то еще издали увидели всплывающие в Евфрате какие-то мелькавшие черные скопища. Сгрудившиеся арабы и военные с любопытством всматривались в черные движущиеся предметы и, наконец, раздались возгласы:

– Армяне! Это армяне!

Подойдя к одной из групп, я спросил турецкого солдата:

– Что это там?

– Это же армяне, – ответил он, – трупы ваших армян. Разве вы не знали, что случилось в верховье реки?

³⁵ Здесь и далее имеется в виду Западная Армения.

Не хотелось верить; приблизившись к берегу, мы ускорили шаги вверх по течению.

Перед впадиной на берегу какой-то солдат, сидя у воды, снимал с одного из трупов пальто, обувь, верхнюю одежду.

Опять нам не хотелось верить глазам своим, что это трупы армян, и мы подумали, что, пожалуй, это тела жертв военных сражений. Мы обступили турецкого солдата, чтобы в этом убедиться, и приблизились к трупу. Солдат шарил в карманах ограбленного пальто и вынул тетрадку, которую я тут же выхватил у него из рук: буквы намокли и расплзлись. Понятно было только, что это записная книжка сельского бакалейщика из Самсада³⁶.

Ужас обуял нас – это в самом деле были армяне. По пять либо десять трупов, связанных по ногам и рукам, плыли вниз по течению, изредка попадались и одиночные покойники, тоже связанные.

До пятого мая ежедневно, среди бела дня, проплывали по 150-200 трупов, не считая ночной поток. Так продолжалось до 28-29 мая, когда количество трупов стало убывать.

Привязанные друг к другу кучи тел непрерывно скользили мимо. Попадались женские трупы, подмышками и к коленям которых были привязаны малыши. Еще такие юные и совершенно голые, старухи вовсе не встречались.

У той же самой впадины я увидел труп примерно четырнадцатилетней девочки-подростка. Издали она казалась черным пятном и, когда проплывала мимо, ее волной выбросило к берегу, она закружилась в водовороте и замерла.

³⁶ Самсад – древний город Самосат, на правом (западном) берегу Евфрата. Руины старого древнеармянского города были погружены под дамбу Ататюрка, которая построена в 1990 г. Ныне город Самсат находится в Турции.

В первые минуты бросились в глаза вздувшиеся части тела: черный взбухший живот, похожие на бурдюки груди; ноги свисали в воду и на темно-красных бедрах виднелись следы от садин. В ногах запуталось разодранное белье, запятнанное грязью и кровью. Нежные руки были перевязаны толстой веревкой; лицо погрузилось в воду, а густые золотистые волосы колыхались над водой.

...С моста мы увидели следующее. Внизу стояли солдаты-стражники, которые смастерили длинные прутья с крючком и, подцепив, затаскивали к берегу тела, чтобы их обыскать. Один из солдат выудил из воды и привлек женское тело, белое, как известь, с почерневшими кровоподтеками, обезображенное и рыхлое; черты лица стерлись-исчезли – тело уже настолько сгнило, что прут весь погрузился в него. Солдат с этого трупa снял и забрал серебряный перстень.

<Оборона Эдессы (Урфы)>

Власти наметили переселение Эдессы, однако чтобы избежать повсеместного сопротивления, турки обратились к разного рода обманам и в соответствии со своей программой заранее стали по частям выводить из города зажиточных жителей.

Эдессцы знали о положении армян в Армении, видели караваны многострадальцев, слышали чудовищные истории, выпавшие на их долю, и поняли: в Эдессе приступили к такому же изгнанию, что и в других местах с армянским населением. Они знали, что если смирятся, то последует похищение девушек и детей, уничтожение мужчин, насилие женщин, смерть и кошмар – все те чудовищные события, очевидцами которых они были.

...Женщины Эдессы возмутились и взбунтовались, потребовав, чтобы мужья больше не смирялись и не подчинялись властям.

...Благодаря женщинам Эдессы в городе действовали сиротские приюты, разные мастерские, общество Красного Креста и прочее; женщины этих организаций выразили единоегласное решение в критической безвыходной ситуации покончить с собой, лишь бы не сдать врагу.

Власти продолжали, как и прежде, требовать выдачи по сто человек, но жители на сей раз воспротивились, и никто больше не последовал их приказу. Женщины велели мужчинам покинуть рынок и скрыться у себя в верхнем квартале, а сами взялись вести торговлю. Чтобы пресечь бурные действия властей, в ход были пущены сотни тысяч взяток, однако те жестко требовали выдачи мужчин, в особенности старшего брата семьи Эдигардашьянов. Он был хромым и подвергался преследованию, но, тем не менее, ежедневно, всячески маскируясь, спускался в город и даже входил в административное здание выведать поступающие об армянах сведения и распоряжения.

Власти вывели из Эдессы армян из Армении и настрого запретили кому-либо из местных армян покидать город под каким бы то ни было предлогом.

...Армяне прекрасно понимали, что их ждет. Они притаились в домах расположенного на возвышении армянского квартала и никого из посторонних не впускали к себе, потому что в последнее время турки, курды считали себя вправе бесцеремонно входить в любой армянский дом и вытворять все, что ни подскажет им дьявольская фантазия.

В эти дни полицейский отряд вошел с обыском в один из армянских домов; мужчины отсутствовали, были только мать

с дочерью. Красота девушки привлекла начальника полиции, которому после тщетных поисков захотелось удовлетворить свою похоть, и он приказал полицейским насильно увести ее в одну из комнат, где в укрытии притаился ее брат. Когда начальник полиции приблизился к девушке, брат не сдержался перед грозящей сестре опасностью, вышел из укрытия и застрелил из револьвера начальника полиции. В доме поднялся шум-гам, раздались вопли, полицейские тем временем в страхе сбежали и распространили страшную весть, дескать, армяне взбунтовались.

Власти сразу же воспользовались случаем и забили тревогу среди турецких жителей. Местное военное начальство телеграфировало в Алеппо: «Нужна срочная подмога, Эдесса в опасности, армяне восстали». Посему из Алеппо направили Фахри-пашу, чтобы как можно скорее разобраться, в чем дело, и навести порядок.

Фахри-паша по сути был не плохим человеком; он вынужденно исполнял полученные инструкции, но предпочитал проявить снисходительность и все наладить, облегчив в меру своих сил участь людей. В Зейтуне вместо того, чтобы повесить триста человек, он их выслал в Дамаск. Когда жители Аджна ослушались и не подчинились приказу властей, он не прибегнул к насилию и постарался уговорить мирным путем покинуть город...

Прибыв на сей раз в Эдессу, он начал расследование и сразу убедился, что в Алеппо поступили искаженные сведения и что армяне не восставали. Однако поскольку было уже принято решение о выселении армян из Эдессы, и осуществление этого возложили на Фахри-пашу, то он начал переговоры с армянами и убедил, чтобы они подчинились, обещав им поблажки и безопасность.

Армяне приняли его предложение, но с одним условием: вернуть арестованных и сосланных 250 мужчин и только после того, как разлученные с ними родные вернуться, они отправятся по указанному властями маршруту. Фахри-паша готов был выполнить просьбу эдессцев, однако это было невозможно, поскольку ссыльных изгнанников расстреляли.

Армяне догадались, что Фахри-паша всячески хитрит, затягивая выполнение их просьбы и обманывая, мол, где-то в пути они смогут встретиться с ссыльными. Эдессцы не захотели стать жертвой обычной лжи и категорически заявили, что не покинут своих домов.

В октябре 1915 года в результате поступивших от Фахри-паши сведений и, по всей вероятности, по приказу Джемала-паши, из Алеппо направили в Эдессу солдат и офицеров регулярной армии вместе с пушками и боеприпасами.

Армяне проходили службу в турецкой армии, поэтому эдессцам не доставало сражающихся молодых сил. Власти недавно сослали богатых и молодых людей, многих ремесленников. Однако женщины и девушки мужественно вооружились и присоединились к малочисленным отрядам мужчин, которые составляли ядро обороны; и они поклялись умереть в бою, нежели с позором сдаться в руки презренного врага.

Бои начались; турки атаковали с четырех сторон, ежедневно с утра до вечера над армянским кварталом клубился дым от орудийных залпов. Армяне не сомневались, что спасения ждать неоткуда, но нисколько не унывали, весело, с песнями противостояли вражеским выстрелам, храбро сопротивлялись, уложив многочисленные турецкие трупы. Турки Эдессы, первыми открывшие огонь, почти все погибли, что вызвало панику и страх в рядах противника, тем более, что регулярным войскам не удалось войти в армянский квартал. Тем временем девушки умудрялись наносить внезапный

удар, с разных точек забрасывая ручные гранаты в турецких башибузуков, и моментально скрывались.

Городские турки стали разбегаться и на короткий срок армяне овладели всей Эдессой. Турки и курды на подступах города сникли, и многие, вернувшись к себе, распространяли легенды о противостоянии армян. Солдаты регулярной армии были вынуждены ужесточить осаду и нанесли мощный удар. В войсках были и арабские солдаты, к которым армяне обращались с призывом: «Мы с вами братья, почему воюете против нас? Мы не будем в вас стрелять – уходите».

Бои продолжались пятнадцать дней: за это время слава Эдессы, имена армянских храбрецов, и особенно Эдигардашьянов, распространилась в окрестностях; власти в замешательстве от неожиданного сопротивления, приказали принять решительные меры. Фахри-паша хотел, не разрушая города, держать армян на осадном положении, чтобы со временем, сломленные голодом, они сдались. Однако военный совет Алеппо приказал поскорее покончить с этим сопротивлением с помощью пушек.

16-20 октября загрохотали пушки, армянский квартал и церковь были разрушены. Пострадали и те дома, которые располагались вне армянского квартала и за пределами боев. Но разрушения не сломили армян, которые продолжали отчаянно сражаться. Вражеская армия была в растерянности, поскольку изначально не знала, что армяне соорудили укрытия в виде землянок. Они существовали еще с незапамятных времен: армяне предвидели и не исключали беды, поэтому подновили их, приспособили к своим нуждам и, главное, запаслись продовольствием. В укрытиях были вместительные амбары, колодцы, убежища для жителей, даже были вырыты лазейки, которые обеспечивали выход за линию обороны. Когда враг понял роль этих подземных

укрытый, он прямой наводкой направил туда стволы пушек и разнес все пути-выходы, а увидев сквозь клубы взвившейся пыли не прекращающуюся стрельбу армян, нанес последний смертельный удар. Турецкие солдаты ринулись в армянский квартал и начали немилосердно истреблять лишенный крова народ. Парни и девушки все еще сражались; врозь и небольшими группами мужчины и женщины бились до последнего дыхания; многие женщины приняли яд и извивались в конвульсиях у ног солдат; ошарашенные дети и старики блуждали среди развалин. Тем временем группа девушек и парней сжигала имущество армян, сгрудив ковры, посуду, даже еду, чтобы врагу ничего не досталось.

Турки наконец заняли армянский квартал и стали собирать детей, стариков и часть сражавшихся мужчин и женщин, которых успели задержать. Турецкие солдаты с удивлением разглядывали разрушенные подземные укрытия и трупы погибших в бою девушек, грудь которых украшали патронташи, и, потрясенные, спрашивали друг друга:

– Неужели такое возможно?..

Власти арестовали около двух тысяч человек, среди которых было около двухсот мужчин. Шестьдесят из них, якобы как зачинщиков бунта, повесили в Эдессе, остальные сто сорок были отправлены в Алеппо на суд, а женщин и детей сослали в Месопотамию³⁷.

Ракка³⁸

...По обоим берегам простиралась песчаная равнина; посреди реки маячил крохотный островок с еле заметной рас-

³⁷ В рассказе свидетельницы сопротивления Эдессы, который ни в чем не расходится с рассказом Айка Торояна, указывалось, что сражавшихся женщин и девушек тоже повесили. *З. Е.*

³⁸ Эр-Ракка – город в Сирии, на северном берегу Евфрата.

тельностью; на правом берегу располагался город Ракка с 600-700 глинобитными домами, в которых проживали арабы, и небольшим рынком. В одиннадцать часов, добравшись до Ракки, мы увидели на левом берегу толпу людей – около пяти тысяч армян из Армении, Киликии и Анатолии (западные области).

...Взошло солнце. В сопровождении одного из жандармов я собирался отправиться в город Ракку, расположенный в 10-15 минутах ходьбы от берега...

...Мы шли по песчаной равнине, когда жандарм обратился ко мне:

– Не надо туда ходить, лучше идти с этой стороны.

Я посмотрел в запретную сторону и вначале ничего не смог разглядеть, но потом заметил в песчаном просторе волнообразные дюны: обычно разбушевавшийся ветер пустыни образует одинаковые дюны и точно раскачивает их волнистые очертания.

– А что на той стороне? – спросил я жандарма.

– Разве не видишь? Вглядишься – это ноги, черепа гяуров³⁹.

Я будто прозрел – все вдруг стало видно.

Не сотни, а тысячи человеческих останков, разбросанных в песках пустыни.

Явно, что это были не захоронения, а трупы людей, которые умерли в дороге, занесенные песками. Собаки и гиены, копаясь в дюнах, извлекали те или иные части тела; не послушавшись жандарма, я двинулся к этому бескрайнему кладбищу, но продвижение становилось труднее: скелеты попадались все чаще, и с каждым шагом я боялся, что вот-вот споткнусь о какой-либо труп либо, погрузившись в дюны, достигну до скелета.

– Откуда же столько скелетов?

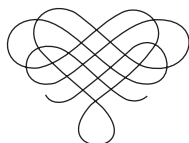
³⁹ Гяур (турец.) – так мусульмане называют армян и других иноверцев.

– Ха-ха! – рассмеялся он в ответ. – Эти люди умерли не естественной смертью и не убиты кем-либо. Они первые ссыльные, умершие этим летом от жажды; колонны пеших и конных жандармов вытянулись вдоль Евфрата – разве осмелилось бы человеческое стадо в тридцати шагах от воды прорвать эту цепь и подойти напиться?

Когда мы покинули долину мертвецов, я встретился с местным арабом, мы разговорились об армянских ссыльных. Он жалел армян и жаловался на них, потому что они стали хозяевами рынка. Объяснил, что по сравнению с первыми днями выселения, сейчас их положение наладилось. Это ужасная и уму непостижимая история с покойниками. Тысячи армянских ссыльных, неизвестно из каких краев, страшно изможденные после долгой дороги, голодные, измученные жаждой и жгучим солнцем пустыни, ограбленные, голые и в жалких лохмотьях, были согнаны в эту долину, где под дулом оружия им запретили приблизиться к реке и утолить жажду. В тридцати шагах от воды люди слышали ее журчание и, обезумевшие, обессиленные от жажды, погибли в течение нескольких дней – все до единого.

Вид тысячи трупов, исходящий от них смрад, который ветер разносил через пустыню до отдаленных оазисов, страшно подействовал на местных жителей и вызвал возмущение арабов столь бессмысленной бессердечностью. Власти вынуждены были хотя бы прикрыть трупы и поручили это дело группе арабских солдат. Те, не желая задерживаться в оскверненной местности, в спешке, кое-как лопатами засыпали останки песком...

ГЛАВА 4

ДАЛЬШЕ – ПО КРОВАВОМУ СЛЕДУ

«Они продолжают отчаянную борьбу...»

1920 год. В Киликии всколыхнулась новая волна армянских погромов, которые после 1915 года не прекращались и продолжались с разной степенью интенсивности, как и продолжалась борьба против регулярных турецких войск армянских добровольческих отрядов. По окончании Первой мировой войны Киликия с декабря 1918-го по октябрь 1921 года по условиям перемирия была оккупирована войсками Франции и Великобритании. Полные надежды, на родную землю вернулись более 170 тысяч армян, бежавших от турецкого преследования в Сирию и другие страны.

Забел Есаян вновь приезжает в Киликию по поручению Национальной делегации и ее председателя, известного государственного и политического деятеля, мецената Погоса Нубара-паши (1851–1930). Эта миссия была поручена ему армянским католикосом Геворгом V еще в период Балканской войны (1912–1913 гг.) и продолжалась в дальнейшем. Однако тщетными оказались попытки Погоса Нубара с помощью Антанты создать независимое армянское государство (что входило в повестку Парижской мирной конференции в феврале 1919 г.). Должного результата не дал и созданный Погосом Нубаром Восточный (Армянский) Легион в составе англо-французских войск.

Образованный к этому времени Армянский национальный союз претендовал на роль неофициального правительства Киликии (З. Есяян встречалась с автором проекта армянского государства под протекторатом Франции Миграном Таматьяном).

Сохранившаяся переписка З. Есяян с Погосом Нубаром-пашой того периода, особенно письмо-отчет на 32 машинописных страницах – это документ, принадлежащий не перу писательницы, а государственному деятелю с тонким аналитическим политическим чутьем, да еще и сердобольного и озабоченного судьбой соотечественников, исстрадавшихся под господством Турции.

Недавний исторический опыт – трагические события в Адане 1909 года – насторожили З. Есяян и сделали ее более бдительной и недоверчивой и к турецким властям, и к союзным государствам. Она задалась единственной целью: спасти детей, вывозить сирот из Киликии в более надежные страны. В 1920 году она, не колеблясь, предвидела и была уверена в кровавой политике режима кемалистов по отношению к армянскому населению. Взгляды писательницы были созвучны единогласному волевому решению армян в разных районах Киликии: «Жизнь армянского народа, – пишет она Погосу Нубару-паше, – в очередной раз оказалась под угрозой, и в переломные дни армяне приняли решение, что должны остаться и до последнего сражаться, и ничьего и никакого согласия не будет с врагом. Даже если отступят французские силы, все равно они не покинут свою землю и продолжат отчаянную борьбу...»

В записках Погосу Нубару-паше З. Есяян сообщает о сроках и задачах, поставленных перед ней Национальной делегацией:

«16 января 1920 года Вы сооблаговолили назначить меня на должность в качестве полномочного представителя Национальной делегации в Киликии, в частности, попечителя. Кроме того, Вы пожелали, чтобы, воспользовавшись моей поездкой, я посетила Египет и передала национальному союзу в Каире Ваши директивы насчет Киликии и освещала бы происходящие события.

Суть Ваших поручений сводилась к неукоснительным согласованным действиям с французскими властями; полагаясь на них и вместе с тем руководствуясь нашим реальным правом, нужно усилить и наладить нашу национальную жизнь.

Я была довольна моим назначением на эту должность Объединенной делегацией⁴⁰, поскольку ваши директивы полностью совпадают с моими чувствами и идеями...»

Забел Есаян понимала, что окончательный уход французских войск из Киликии губелен для армян, и удар, прежде всего, придется на беспомощных сирот. Поэтому она сосредотачивается и, как всегда, торопится перевезти детей в более безопасное прибежище, о чем свидетельствуют ее письма.

⁴⁰ В начале 1919 г. в Париже был созван национальный съезд и создана Объединенная Национальная делегация под сопредседательством Погоса Нубара-паши и лидера партии Дашнакцутюн Аветиса Агароняна для решения Армянского вопроса.

*Председателю Армянской Национальной делегации,
Его Превосходительству Погосу Нубару-наше*

1920, 1 июня, из Мерсина в Париж

Ваше превосходительство!

Я получила Вашу телеграмму, адресованную мне и Таматьяну, и мы ответили на Ваш запрос о количестве армян.

В следующем письме я подробно опишу те мероприятия, которые мы сочли нужным предпринять для защиты и безопасности сирот, чтобы быть готовыми ко всем неприятным неожиданностям.

Однако в нынешних условиях встает очень важный вопрос, и я нахожу, что необходимо его решение Армянской Объединенной делегацией, поскольку он вне наших полномочий.

Официально мы пренебрегаем решением Верховного совета⁴¹ относительно Киликии. Из расплывчатых сведений прессы нам известно, что Киликия остается турецкой территорией. Если вопрос окончательно решен, то возможно ли сохранить армянские организации на турецкой земле? Надо ли, в действительности, сохранить в этой стране все армянские сиротские приюты Киликии, даже если им непосредственно не грозит опасность, или переместить их, пока мы можем воспользоваться покровительством французского правительства?

В сложившихся новых тяжелых условиях, будучи в полном неведении о гарантиях христианскому населению

⁴¹ Речь идет о Верховном Национальном совете Аданы: 26 апреля 1920 г., согласно принятому в Сан-Ремо постановлению, Киликия оставалась под властью Турции.

и их выполнении, считаю своим долгом обратить Ваше внимание на этот важный вопрос и прошу сообщить мне решение Делегации, как можно в кратчайшие сроки, чтобы я смогла сориентироваться и действовать в соответствии с обстоятельствами.

Нынешняя политическая ситуация вселяет беспокойство. Без военной оккупации мы никогда не сможем надеяться на полноценную и продолжительную безопасность. Сама по себе идея турецкого управления, какой бы она ни казалась гуманной, в стране, где у нас десятки тысяч сирот и несколько десятков тысяч беженцев, вызывает во мне отвращение и вселяет безграничный ужас.

Каким бы сложным ни был процесс перемещения сирот Киликии, предпочтительнее преодолеть предстоящие тяготы, нежели предоставить наших детей прямому или косвенному вмешательству турецких властей, какой бы характер оно не носило.

Если Делегация, исходя из неких особых соображений, считает необходимым оставить сирот в Киликии, на турецкой территории, я хотела бы уведомить Ваше превосходительство, что для меня лично будет неприемлемым продолжать ту миссию, которую Вы изволили доверить мне, поскольку я совершенно не в состоянии придерживаться элементарной вежливости в обращении с высокопоставленными турецкими лицами. Безусловно, было бы уместно заменить меня другой личностью, наделенной необходимыми качествами для приспособления к такого рода условиям.

Прошу Ваше превосходительство принять мои заверения в глубокой признательности.

Забел Есаян

«На душе будет спокойно, если...»

Письма из Киликии

Забел Есаян осталась верна долгу – долгу души перед беспомощными армянскими сиротами и сделала для них все, что было в ее силах, о чем свидетельствуют следующие строки из ее переписки.

*Представителю «Фонда Лорда Мейерса»,
господину доктору Кеннеди*

1920, 1 июня, Мерсин

Господин доктор!

Из копий Ваших писем г-ну полковнику Бремону и его ответа я узнала о решении перевезти сирот на Кипр.

Вам было известно, что как только представилась возможность выезда, я намеревалась отправить часть сирот на Кипр из следующих соображений:

1. Я имела в виду временный переезд, поскольку Кипр расположен ближе к Киликии, это позволило бы вернуть детей в свою страну, как только воцарится спокойствие.

2. Там находится армянский монастырь, а поскольку другие районы в прошлом были отведены сиротам 1896 года⁴², то, по-моему, здесь вероятнее всего нашлись бы свободные места.

3. Центр армянских организаций, оказывающих покровительство и финансовое содействие сиротам, располагается в Египте, тем самым заботу о сиротах на Кипре легче будет осуществлять.

⁴² Имеются в виду последствия резни армян в 1895–1896 гг.

4. На Кипре есть армянская община, которая будет оказывать детям помощь и при необходимости создаст административный совет.

... Учитывая наши трудности, с которыми приходится сталкиваться в решении вопросов десятков тысяч сирот в Сирии и Киликии, по-моему, именно Кипр послужит нам надежной опорой. И в сложившейся ситуации не могу не воспользоваться великодушием и гуманностью дирекции «Фонда Лорда Майерса».

Прошу Вас, господин доктор, принять к сведению, что 1400 сирот в Алеппо с точки зрения их безопасности и статуса пребывают в столь драматичном положении, что они нуждаются в скорейшем вывозе. Кроме того, 2000 сирот Айнтапа, которых надо уже переместить в Бейрут, предпочтительнее разместить на Кипре, а не в Ливане, поскольку подробно изучив ситуацию на месте, я пришла к заключению, что детей в Ливане можно разместить только временно, причем в летние месяцы. Поэтому прошу, благодаря Вашему влиянию, 3400 сирот Айнтапа и Алеппо отправить на Кипр.

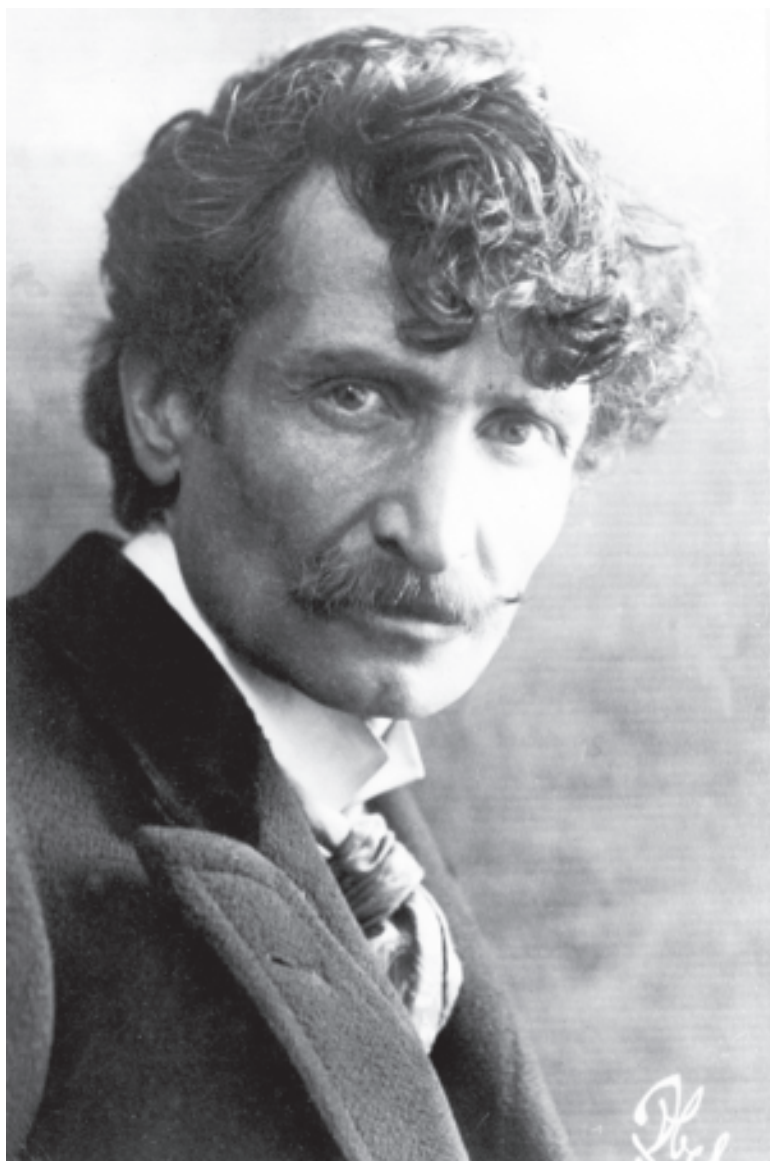
Что касается сирот Аданы, Мерсина и Дёртёла, то мне кажется (и, между прочим, это и Ваше мнение, которое Вы сообщили 22 мая во время нашей беседы), что мы можем оставить их в Киликии до распоряжений и указаний армянской Объединенной делегации в новых условиях, о которых мы официально ничего не знаем.

Примите, господин доктор, мои заверения в уважении и почтении.

Забел Есаян

Забел Есаян, 1918 г.

Тигран Есаян, муж писательницы, 1918 г.

Софи Есаян, дочь, 1923 г.

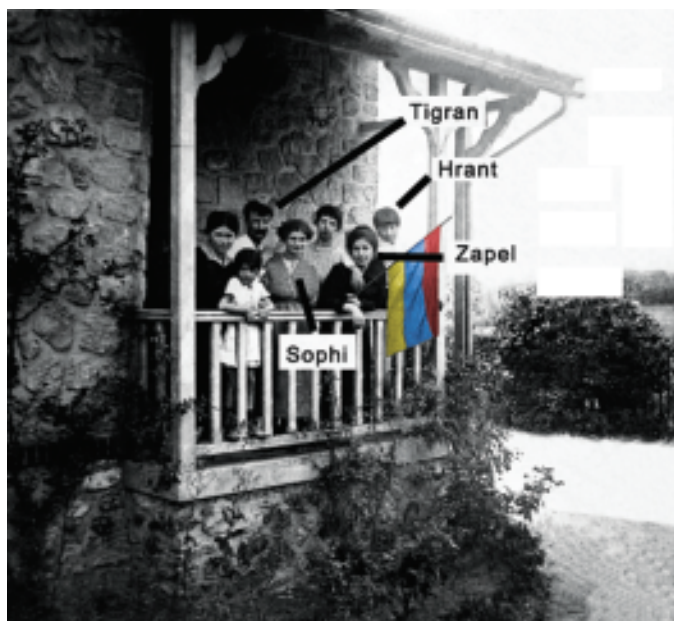
Грант Есаян, сын, 1923 г.

3. Есаян (сидит в центре) с группой общественных деятелей,
Адана, 1909 г.

Забел Есян. Рисунок мужа, художника Тиграна Есяна

З. Есян с семьей и знакомыми (местонахождение не удалось уточнить), 1923 г.

3. Есаян (сидит в центре). Слева направо: священник Егише Гегамян, поэт Ованнес Ованнисян, Аствацатур Вачян, литературовед, редактор, профессор Симон Акопян. Стоят: выпускник МГУ, инженер Мхитар Тер-Андреасян, педагог, общественный деятель Сара Сагян, Баку, 1916 г.

З. Есаян с сыном Грантом в Дарачичаке (ныне Цахкадзор), 1934 г.

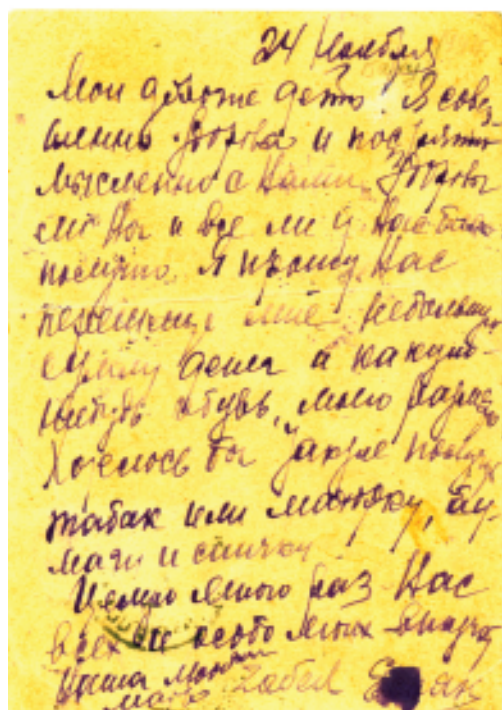
Софи Есаян в санатории города Сухуми, 1966 г.

Забел Есаян, *Каир*, 1919 г.
Надпись на фото по-французски: «Моей дорогой Софи»

Грант и Софи, 1920 г.

Почтовая карточка с письмом З. Есян на русском языке из Бакинской пересыльной тюрьмы (видимо, переведено и написано сокамерницей со слов писательницы), 24 ноября 1941 г.

Церемония открытия бульвара имени Забел Есяян в центре Парижа, *март 2018 г.*

С докладом выступает Леон Кетчян, переводчик, доктор филологических наук, который занимается изучением творческого наследия писательницы. Перевел на французский язык книгу «Среди развалин».

Слева направо: М. В. Читечян, посол Республики Армения во Французской Республике, мадам А. Идальго, мэр Парижа, мадам Ф. Календра, мэр 20-го округа Парижа.

Церемония открытия школы имени Забел Есян в поселке Араджамуг (Арцах), 1 сентября 2017 г.

Слева направо: Джудит Сарьян, общественный деятель, оказавшая содействие в переводе на английский язык и издании книг З. Есян; автор видеофильмов о З. Есян; внук Александр Есян.

*Руководителю административного надзора Киликии
г-ну полковнику Бремону*

1920, 1 июня, из Мерсина в Адану

Господин полковник!

Сим обращаюсь к Вам с просьбой насчет сирот Аджна⁴³, которые долгое время находятся в окружении.

Мне кажется возможным воспользоваться предложенным турками перемирием и выдвинуть вопрос вывоза армянских сирот в Адану.

Если турки согласятся освободить наших детей, то осуществление этого дела я всецело доверяю Вам.

Буду безгранично признательна Вам, если вы воспользуетесь всеми средствами, имеющимися в Вашем распоряжении.

Уверена, что спасение сирот Аджна во многом облегчит подавленное состояние армян, вызванное сложившимся положением в городе.

Кроме того, позволяю обратиться к Вам, поскольку не сомневаюсь, что французские власти в Киликии очень заинтересованы проблемой защиты армян. Я лишь обращаю Ваше внимание на этот вопрос.

Соблаговолите, господин полковник, принять мои заверения в глубоком к Вам уважении

Забел Есаян

⁴³ Осажденный Аджн к этому моменту продолжал храбро сопротивляться кемалистской шайке. Героическая самооборона была также в Зейтуне, Айнтапе, Урфе.

*Главному директору временных сиротских приютов
в Мерсине 2-же Гонио*

1920, 8 июня, из Мерсина в Адану

Дорогая госпожа!

Я вынуждена месяц отсутствовать в Киликии⁴⁴, и посему прошу Вас заняться вопросом полного обеспечения гардероба сирот в Адане, а также тех, кто должен покинуть город.

Необходимо снабдить детей недостающей одеждой, раздать обувь, белье, верхнюю одежду, шапки и маленькие сумки типа мюзет⁴⁵, в которых они хранили бы личные вещи и держали бы при себе во время поездки.

Прошу Вас довести это дело до конца по возможности в кратчайшие сроки...

Дорогая госпожа, прошу принять мои заверения в полном к Вам доверии и наилучшие пожелания.

Забел Есаян

Аршаку Чобаняну

1920, 14 мая, Бейрут

Дорогой господин Чобанян!

Завтра рано утром я отправляюсь из Бейрута в Мерсин и хочу перед отъездом написать Вам, поскольку, как знать, дойдут ли потом мои письма до Парижа?

⁴⁴ З. Есаян едет в Константинополь посоветоваться с Погосом Нубаром и органами попечительства сирот о вывозе приютов из Киликии. В частности, она хотела пристроить их где-нибудь на побережье, у подножья горы Аманос, чтобы в случае опасности на пароходах вывести на Ближний Восток.

⁴⁵ Musette (франц.) – рюкзак.

Прошу принять мое личное письмо всего лишь для ознакомления и ничего более. Вы самая подходящая личность, которая с пониманием отнесется к моему рассказу, поскольку в этом ужасном переполохе⁴⁶ в головах людей, с которыми приходится сталкиваться, такая же сумятица, и с ними невозможно общаться.

Ситуация чрезвычайно опасная, так что военное положение кажется благоприятным. «Благоприятный» точнее означает, что к создавшемуся положению вещей просто привыкли.

Мы понесли *submerge*⁴⁷ от сил милли⁴⁸, которые не просто угрожают нам, а находятся рядом. Дошли слухи, что по вечерам в Мерсине раздается перестрелка, водоснабжение перекрыто. Та же ситуация в Адане... Христиан предупредили не проходить мимо турецких кварталов и прочее; об остальном можете догадываться. А направление Мерсин – Адана находится под постоянным обстрелом; прекрасная перспектива для тех, кому необходимо ехать в Адану, как мне, к примеру. Надеюсь, что в день поездки атаки не будет.

В Айнтапе продолжается сопротивление, которое замечательно организовано. Килис взят в осаду вдесятеро превосходящим противником, ни от кого нет надежды на спасение, и вряд ли он сможет выстоять. Там сосредоточено 1800 армян. Печальную историю Урфы Вы уже знаете, и подробности об этом уже получили. Нарочным я отправила Вам письма с

⁴⁶ 3. Есаян имеет в виду действия вооруженных банд кемалистов в армянских кварталах Восточной Анатолии и Киликии, фанатичные угрожающие призывы, надписи в том же духе на стенах и дверях домов, церквей, школ.

⁴⁷ *Submergé* (франц.) – поражение.

⁴⁸ Под силами милли 3. Есаян имеет в виду движение мятежников, в которое входили силы иттихата, возглавляемые Мустафой Кемалем – противником независимой Армении.

отчетом. Та же участь уготована Аджну, в осаде Сис, и все в той же последовательности. По моим наблюдениям, победа за милли: прежде всего, они превосходят численностью; заняли лучшие позиции и преимущество на их стороне – когда захотят, пойдут в атаку, когда захотят, возьмут в осаду любой район и двинутся дальше; в трудную же минуту отступят к своим неприступным позициям, где их тыл защищен бесчисленными мусульманами Анатолии, а местные исламисты оказывают им всяческую поддержку. Они обеспечены боеприпасами и, бесспорно, снабженцами. Есть непроверенные доказательства, что арабы из Алеппо и Дамаска помогают туркам оружием и продовольствием, и те же арабы устраивают бойкот христианам. Алеппо – место встречи лидеров милли, где они чувствуют себя так же вольготно, как мы в армянских кварталах Аданы.

В создавшихся условиях весь армянский народ оказался в опасности, и первостепенная задача – в его физической защите любой ценой и любыми средствами. Я взяла на себя дело спасения сирот и беженцев и, честно говоря, смогла заняться только сиротами, общее число которых доходит до 10 000, и они рассеяны в разных местах. Вот что мне удалось сделать:

1. С учетом, что дорога Мерсин – Адана может оказаться под угрозой (что, собственно, и произошло), часть сирот из Аданы, прежде всего малышей и девочек, мы переместили в Мерсин (700 сирот).

2. Этих 700 сирот вместе с уже имевшимися в Мерсине 350 детьми, а также для детей Дёртгёла и находящихся в Адане 700 сирот предприняли все меры безопасности и готовы при первой же возможности вывезти на пароходах.

3. В Ливане подготовлены места для временного перемещения туда детей, если не удастся обеспечить более лучшим пристанищем.

4. Обеспечить безопасность 2000 сирот из Айнтапа, которые будут вывезены *sous escorte*⁴⁹, транспорт уже выслан.

5. 300 сирот из Алеппо будут вывезены в Константинополь (те, кто является коренным жителем города либо его окрестностей), об остальных (1700 сирот) поступили некоторые распоряжения.

Сироты Урфы, Сиса, Аджна и других районов, которые в осаде, останутся на местах, потому что до моего приезда они уже были на осадном положении.

Вся эта работа была согласована и проделана при содействии французского правительства. Я постаралась наладить хорошие отношения; Колонел Премо преданный армянофил (жертвой чего станет в конечном итоге), и я искренне признательна ему. Замечательный молодой человек и лейтенант Канеон, достойный преемник доктора Роллана. Я работаю вместе с этими двумя людьми, которые проявили прекрасное понимание в защите сирот; таким было бы и отношение армян, будь они на месте французов, и отличие состояло бы в том, что дела не продвигались бы с пунктуальностью и быстротой, как в данном случае...

...Знайте одно: во всей Киликии армяне и французы относятся друг к другу как враждебные стороны; с обеих сторон лишь единицы не поддаются общему настроению и вопреки всем и всему остаются верны первому чувству; одним из них является Колонел Премо. Казалось бы, за кулисами этой чудовищной ситуации кроется чья-то сильная воля – кто это: турки? немцы? или кто-то еще? Не знаю, а вернее, не хочу писать, но несомненно, что за спиной армян и французов кто-

⁴⁹ *Sous escorte (франц.)* – под охраной.

то их подстрекает. И мы в этом вопросе проявили себя как embécile⁵⁰...

...Жаль, очень жаль, что мы многое могли бы здесь сделать, но все compromettre⁵¹. Мы катимся в бездну; я сделаю последнюю попытку по возвращении из Аданы и, если ничего не удастся добиться, буду думать, как отойти от дел, потому что мне ничего не остается, кроме роли лицезреть страшную трагедию. Тем не менее, перед уходом буду ждать Вашего письма – ровно столько времени потребуется обеспечить сиротам какое-то прибежище.

Еще раз прошу Вас сохранить confidenident⁵² моего письма; если найдете нужным, то обнародуйте лишь сведения о сиротах.

*С дружеским приветом,
Забел Есаян*

*Софи и Гранту Есаянам
1920, 27 марта, Мерсин*

Дорогие мои дети!

Надеюсь, что вы уже приехали в Бейрут⁵³. Наверное, разочаровались, не застав меня. Я вынуждена была остаться в Адане, где очень сложная ситуация. Полковник Бремон по-

⁵⁰ Embécile (франц.) – дурак.

⁵¹ Compromettre (франц.) – подвергнуться опасности.

⁵² Confidenident (франц.) – конфиденциальность.

⁵³ Во время событий в Киликии дочь З. Есаян, Софи, находилась в Египте у жены Миграна Татряна, Заруи, а сын, Грант, в Каире, в доме Акопа Папазяна. Как и договорились, она должна была встретиться с ними в Бейруте, чтобы вместе отправиться в Киликию. Но из-за сложившейся политической ситуации встреча задерживалась. З. Есаян позже перевезла детей в Константинополь, к матери, и больше не вернулась в Киликию.

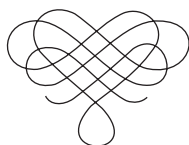
просил меня не уезжать, потому что в Адане почти все потеряли голову, и мое присутствие необходимо. Если в эти опасные дни я покинула бы город, люди подумали бы, что я придумала предлог и сбежала. Вы, безусловно, не хотели бы, чтобы на меня легла даже тень подобного подозрения. Дорогая моя доченька, честность обязывает, и поскольку я здесь, то должна до конца выполнить свои обязательства. Кроме этого, я обременена делами, за которые отвечаю лично. Ты передай Гранту, что я остаюсь, чтобы выполнить свои обязанности. Он поймет, потому что в нем развито чувство ответственности. Сегодня я прибыла в Мерсин, чтобы заняться вопросом перемещения сирот из опасных районов. Два дня останусь здесь, и мысль о том, что нахожусь в относительно безопасном месте, хоть как-то бодрит меня.

Наказываю вам остаться в Бейруте, пока не получите от меня новые указания. Надеюсь, что за эти два дня ситуация прояснится, и я смогу к вам присоединиться. Никуда не отлучайтесь, потому что на душе у меня будет спокойно только в том случае, если буду уверена, что вы ждете меня в Бейруте. Я не опоздаю, и так или иначе приеду к вам и, пожалуй, смогу выехать с вами в Полис.

Целую вас обоих. Всегда думающая о вас мама

Забел.

P. S. Ни от вас, ни из Парижа⁵⁴ никаких писем я не получила и страшно волнуюсь. Напишите, где вы проживаете.

⁵⁴ В Париже жил муж З. Есаян, от которого она не получала писем.

ГЛАВА 5

РЕПЕТИЦИЯ ВОЗВРАЩЕНИЯ, ИЛИ ДОРОГА К ДОМУ

Армения – рай земной

После 1920 года, после трагической эпопеи в Киликии, Забел Есаян прошла еще тринадцатилетний путь до окончательной встречи со второй половинкой своей родины – Советской Арменией. Возможно, здесь она обрела бы ту тихую творческую гавань, мечтой о которой делилась в письмах еще в 1917-м и 1920-м.

Из письма Карэну Микаэляну, 1917, 23 сентября, Баку:

«...сейчас загружена разного рода делами и, как только немного освобожусь, начну писать роман о жизни в Полисе «Душа в изгнании»⁵⁵. Тема романа переполняет меня, и когда останусь наедине, что так маловероятно, то уединюсь в уголке моей души, так, будто вселюсь в мир моего романа: здесь нет ни резни, ни беженцев, ни большевиков или чего-то еще, а только кусты роз и вечные песни о любви, красоте и благодати. Если хотя бы частично смогу передать этот скрытый мир, то буду довольна, очень довольна».

Из письма дочери Софи, 1920, 1 декабря, Филиппополь:

«Всего пару дней, как я приехала сюда, и уже ощущаю, насколько мне необходим такой покой и насколько правильно

⁵⁵ Повесть была опубликована в журнале «Арег» в 1922 г., отдельной книгой вышла в том же году в Вене.

было бы заняться литературой в этой стране, которая далека от политической и прочей суеты. Если мы здесь обоснуемся, то думаю, что пару лет проживем в уединении от всего, и я смогу создать необходимые условия для умственного труда»⁵⁶.

За все эти годы она словно «гналась» за родиной – встречалась с рассеянными по разным странам армянами. З. Есяян активно участвовала в деятельности Комитета помощи Армении, созданного в 1921 году в Ереване и внесшего большую лепту в становление молодой армянской республики и налаживание тесных связей с Диаспорой. 200 его филиалов в разных странах включало 10 000 членов. При содействии Комитета в 1922–1937 гг. на родину репатриировало около 60 000 армян. Большой вклад внесли зарубежные армяне в возрождение Советской Армении. Организация прекратила деятельность в 1937 году. Представительства Комитета были организованы в городах Советского Союза и за рубежом. В Париже было открыто шестнадцать его филиалов, в одном из которых, «Шираке», Забел Есяян принимала деятельное участие, в частности, создала женскую организацию, курсы преподавания армянского и французского языков.

Еще свежи были боль и раны геноцида, но возрождение Армении внушало веру в З. Есяян, и она всячески стремилась «заразить» ею и соотечественников за рубежом, тех сирот, которых спасала от турецкого ятагана, чтобы они обратили взоры к родине.

Честным, смелым и непоколебимым был выбор писательницы, когда армянское Зарубежье раскололось на два стана:

⁵⁶ Приехав в Болгарию, З. Есяян хотела осмотреться и перевезти семью либо в Филиппополь, либо в Софию, где жизнь была дешевле, чем в Константинополе. Но мечта ее не осуществилась.

сторонников и противников советской власти. Неоднозначным было отношение к известной и запрещенной в Советской Армении партии Дашнакцутюн. И З. Есяян, стараясь быть объективной, считала, что партия разделена на две части, рабочую и буржуазную, и верила, что «рабочий дашнакцутюн возьмет вверх над буржуазным».

Из письма главному редактору нью-йоркской газеты «Банвор» («Рабочий») Снару Снаряну, 1922, 27 апреля, Париж:

«Необходимо помочь нынешней Армении, так же, как мы сочли своим долгом и само собой разумеющимся помочь вчерашней Армении. Все, кто делом и словом против сегодняшней Армении, те против независимой Армении и ее первостепенных запросов. В этом не может быть никаких сомнений, и все прочие доводы одно пустословие.

Мои слова не плод сиюминутного настроения; я долго размышляла и анализировала ситуацию. Я выслушала и учла доводы оппонентов. Разумеется, я не склонна думать, что нынешнее руководство Армении лишено каких бы то ни было недостатков и являет собой образец совершенства. Они, в конце концов, тоже люди, «выпестованные из грязи и света», как сказал бы Варужан⁵⁷. Однако если трудно представить их идеальными, то и невозможно считать их окончательно плохими...»

Строительство социализма набирало силы, и Забел Есяян, естественно, не могла лишь со стороны приветствовать новую жизнь в Армении. 14 октября 1926 года она приезжает в Москву, оттуда в Ереван в качестве гостьи наркомата просвещения Армении. Успеваает выступить перед соотечественниками

⁵⁷ Даниэл Варужан (1884–1915) – западноармянский поэт. Уроженец Сивасской провинции Западной Армении. Жертва геноцида армян 1915 г. в Турции.

с лекциями о новых течениях во французской послевоенной литературе, посещает трудовые коллективы в Ереване и Ленинакане, встречается с представителями интеллигенции. Восторженным воодушевлением и радостью знакомства она делится, прежде всего, в своих письмах, а также регулярных корреспонденциях в просоветские армянские газеты «Ереван» (Париж), «Банвор» (Нью-Йорк), «ХОК» (орган Комитета помощи Армении).

Из письма сестре Гехуни Ованнисян, 1927, 10 января, Ереван:

«...жизнь здесь долговечная, преисполненная большим энтузиазмом. Не представляешь, насколько это интересно и волнующе видеть страну, которая лишь недавно начала прочно изо дня в день вставать на ноги... – и это есть наша страна!.. Кажется, что человек собственноручно возводит себе дом, а у каждого из нас такое ощущение, будто и мы вставляем по камню, вбиваем по гвоздю, добавляем штрих орнамента. Не приходилось испытывать в жизни подобное чувство, и уверяю тебя, это такая *passion*⁵⁸, которая во многом преобладает над самым бурным чувством любви. Наверняка поэтому я до неузнаваемости помолодела...

...Люди здесь добрые, с чистым сердцем и вдохновением. Конечно, недовольны только те, кто не приобщается к общему энтузиазму. Но у недовольства своя моральная подоплека, и их никто не беспокоит.

Ложь и клевета, дескать, люди не чувствуют себя свободно и прочее. Нигде и никогда еще я не ощущала себя столь свободно и раскованно. Нет никакого давления, никакого диктата. Я лекции организовала у себя в комнате, и никто не поинтересовался, о чем я собираюсь говорить, какие у меня

⁵⁸ *Passion* (франц.) – страсть.

тезисы? Потом, конечно, выскажутся разные мнения, но где их не высказывают?..»

Не в зарубежной армянской периодике, а на страницах «Хорурдаин Айастан» («Советская Армения») в Ереване появились два материала З. Есяян, жанр которых можно назвать историко-краеведческим репортажем-очерком.

Из письма наркома просвещения Армении Асканаза Мравяна Серо Манукяну⁵⁹, 1927, 29 января, Ереван:

«Дорогой Серо! В Ереване несколько месяцев находится известная писательница Забел Есяян, у которой, как мы знаем, четкая советская ориентация. В Ереване и Армении она собирает материал для своих лекций за рубежом и готовит объемную книгу, посвященную Армении. Эти материалы она использует не только перед армянской, но и иностранной общественностью. Через пару недель она уезжает за границу. Перед отъездом она выразила желание побывать в Баку и несколько дней уделить знакомству с трудовой, культурной жизнью города и особенно жизнью армян.

Придавая большое значение ее намерению, прошу срочно сообщить, можешь ли ты оказать ей содействие в Баку. Повторяю: визит Забел Есяян имеет значение для нашей деятельности за рубежом».

З. Есяян стала свидетельницей социально-экономических преобразований и перемен в жизни армян, побывав не только в Баку, но и в Нагорном Карабахе, о чем читатель узнал из заметок и впечатлений (так она охарактеризовала публикации) в июньском-июльском номерах газеты «Хорурдаин Айастан» («Советская Армения»).

⁵⁹ Серо Манукян в те годы был сотрудником бакинского «Айартуна» – «Дома армянского искусства». Это была литературно-культурная общественная организация, созданная за пределами Советской Армении, где проживала армянская Диаспора.

Более восьми лет прошло после того, как писательница покинула Баку, где прожила почти год. В судьбоносные и не безопасные дни она выехала из города. Чехарда власти и смута того времени в Баку отразилась в переписке З. Есаян.

Из письма А. Чобаняну, 1918, 22 мая, Тегеран:

«Во время бакинских столкновений я была там и вы не можете себе представить то воодушевление, храбрость, с которыми мы быстро сумели разгромить врага...»

Из письма Е. Тагианосяну⁶⁰, 1919, 21 июня, Багдад:

«Сколько ужасных событий произошло после нашего последнего свидания; я еще не выехала в Тегеран, когда Баку оказался в руках подлых турок, и уже через несколько дней услышала, чему они подвергли людей и о состоянии очень смелой горстки оставшейся там интеллигенции. Как только стало возможным, я поинтересовалась Вами и с ужасом узнала, что татары Вас арестовали, и я со страхом пишу эти строки, думая, как бы не пробудить в Вас неприятные воспоминания...»

В марте 1918 года в Баку произошли столкновения между армянами и мусульманами. В борьбе за советскую власть большевики Бакинской коммуны во главе со Степаном Шаумяном и при поддержке дашнаков разгромили противников. Однако продержались только до конца июля, когда к власти пришло контрреволюционное правительство «Центрокаспия», обратившееся за помощью к Великобритании, противнице Турции.

Омраченная радость З. Есаян вызвана известием о сентябрьских событиях, когда ее уже не было в Баку. Прорвав оборону, в город вошли турецкие войска, кемалисты. В течение двух дней нерегулярные турецкие силы, так

⁶⁰ В Баку З. Есаян жила в доме у Е. Тагианосяна (см. ссылку 32).

называемые башибузуки, учинили в Баку резню, грабеж, мародерство армян не только в городе, но и в занятых ими уездах. После расправы над мирным армянским населением турецкие войска покинули Азербайджан.

В 1926 году З. Есян застала в Баку кипучую советскую жизнь: впечатляющий вид нефтяных вышек, напоминающих темный лес, благоустроенный быт трудящихся, игравших вместе армянских, азербайджанских и русских детишек... «В сиянии электрических фонарей вышки напоминают фейерверк. Высокие их силуэты отражаются в нефтяных лужах. В воздухе раздается ритмический шум и пыхтение агрегатов. Могучая жизнь пульсирует вокруг нас, и ее своеобразная и великолепная красота пробуждает трепетные чувства...», – так делится с читателем новыми для нее ощущениями З. Есян.

(Годы спустя, в 1942-м, третья встреча с Баку состоялась сквозь тюремную решетку, и о пережитых ею испытаниях можно только догадываться...) (*Читайте главу I.*)

Вернувшись в Париж, З. Есян поспешила собрать и дополнить разрозненные публикации о восхитительной поездке в Советскую Армению в книге «Прометей освобожденный» и издать в 1928 году в Марселе. Книга обеспечила писательнице визитную карточку и дальнейший пропуск в Армению – и уже навсегда.

К эмоционально-патриотическому настрою Забел Есян, о чем она писала, что «мое воодушевление и суждение исходят из моих глубоких убеждений», несколько скептически относился Аветик Исаакян. 8 мая 1927 года (будучи еще в Ереване без семьи) он пишет жене Софье в Париж: «...Ты пишешь, что З. Есян говорит, мол, Армения – это рай. Такой метод ошибочный, он никого не может обмануть и вреден для

народа. Больного лечат, не скрывая, а выявляя его раны. Армения – больная с прикрытыми ранами, однако она в руках сердобольных врачей, которые день и ночь стараются вылечить тяжелораненого, и если будет мир, за несколько лет она встанет на ноги, потому что велики усилия и они зиждутся на здоровой почве...»

Оба великих писателя по-своему были правы и по-своему прозорливы. Во всяком случае, в августе 1933 года, когда поэт третий год жил в Париже, был занят повседневными делами в Комитете помощи Армении в качестве его вице-председателя, он писал приехавшей в Армению З. Есян: «...как всегда, так и сейчас, я несколько растерян. Собственно, мне нужен спокойный угол, письменный стол, кусок хлеба – и я бы только писал, худо ли, хорошо ли, но писал бы и писал, но я этого лишен...

Я очень рад, что Вы довольны своим положением и можете преспокойно работать. Вы очень правильно поступили, покинув Париж, этот хаос. Искренне завидую вам».

За несколько месяцев до этого, 28 марта 1933-го, еще не доехав до Еревана, З. Есян пишет А. Исаакяну из Москвы: «Наконец-то исполнилась моя мечта, и я с субботы нахожусь в Москве. И я, и Софи очень довольны.

...Жизнь здесь очень интересная и трудная, но трудная – не для нас, – однако всех воодушевляет то, что эти трудности необходимы для достижения высоких целей. Люди, с которыми я встречалась, полны радости и энтузиазма. Это совершенно другой мир, и я сама успокоилась после тех трудностей, через которые прошла, пока добралась сюда... »

*Прозрение, или Выбор – не нейтралитет,
а счастье беженцев*

Бесстрашная Забел Есаян прожила в самом эпицентре и долгого пути изгнания, и драматической жизни соотечественников-скитальцев, и не раз заявляла, в частности, и в письме сестре, «надо учесть, что я вообще-то не дура и осознанно воспринимаю основные идеи и дух моей обретенной родины». Так что, хлебнув лиха сполна, она уже и сполна чувствовала себя гордой в Армении, и искренне гордилась самой Арменией.

Из письма Акопу Ошакану⁶¹, 1935, 27 марта, Ереван:

«Нельзя сказать, что в нашей жизни нет трудностей, в особенности житейских, нет недостатка кое в каких удобствах и прочее, но, с другой стороны, так много преимуществ, что я, во всяком случае, легко переношу эти упущения, так что остается, чтобы изъяны с каждым днем убывали. За два года, что я здесь, произошли огромные перемены, причем не из месяца в месяц, а, пожалуй, ежедневно, и велика радость от осознания, что так или иначе каждый из нас участвует в возрождении нашей жизни.

В особенности для писателей, артистов и прочих людей советская действительность, без преувеличения, земной рай. Мы избалованы, наши материальные и другие проблемы являются предметом заботы государства. Правда, некоторые избалованы настолько, что думают, мол, это в порядке вещей, и предъявляют требования, однако большинство наших писателей и артистов с признательностью воспринимают такое к себе отношение.

⁶¹ Акоп Ошакан (1883–1948) – западноармянский писатель, журналист, литературовед. Из-за преследований в Турции вынужденно жил в Болгарии, Египте, Кипре, Иерусалиме.

Я приняла участие в съезде писателей в Москве⁶², который имел международное значение. Надо было видеть, как великие писатели больших стран (с которыми я могла общаться по-французски) старались привлечь к себе наше внимание, понравиться нам. Когда еще армянский писатель чувствовал за собой такую опору, как 170-миллионный народ? Вся проблема в том, чтобы мы смогли дотянуться до этой обширной действительности, в которой живем, но не в *псевдоармянском смысле* (выделено З. Е. – К. Х.), а приобщаясь к этой могучей реальности. В связи со съездом мы встречались с трудящимися массами, и тысячи людей нас слушали и аплодировали. Я тоже выступила на армянском языке, наш председатель⁶³ дословно переводил меня. Бурные аплодисменты прерывали переводчика. Когда бы такое было видано: победивший пролетариат в Москве и Забел Есян? Такие минуты оставляют в нас глубокий след...»

С учетом специфики тогдашнего советского режима, да и вообще мирового политического расклада Забел Есян на съезде писателей не могла в открытую говорить о Геноциде армян. Однако она почувствовала новое его дыхание в уже пришедшем к власти фашизме в Германии. Писательница попыталась акцентировать внимание коллег на угрозе человечеству, прибегая в своей речи к риторике того времени.

«Я в прошлом году приехала из Франции для того, чтобы жить и работать вместе с товарищами в Советской Армении, – начала свою речь З. Есян. – Вся интеллигенция, в том числе

⁶² Первый съезд советских писателей состоялся 17 августа–1 сентября 1934 г. З. Есян была одной из восемнадцати армянских делегатов.

⁶³ Драстамат Тер-Симонян (1895–1937) – партийный и государственный деятель, публицист, первый председатель Союза писателей Армении (1934–1937). Репрессирован.

писатели, отныне не могут остаться нейтральными. Писатели ныне являются или фашистами, или антифашистами. Нейтральности не существует и не может существовать.

Я работала за границей, в частности среди армянского пролетариата Франции. На этом съезде перед делегатами многих народов с волнением и гордостью передаю чувство сотен тысяч армян-трудящихся, рассеянных по Америке, Франции, Сирии и Египту. Эти трудящиеся являются жертвами империалистической войны, они являются объектом самой лютой эксплуатации. Но рабочие не молчат. В хоре общего протеста раздаются голоса и этих трудящихся-армян. Борясь против своей буржуазии, в первую голову против фашистов-дашнаков, рабочие-армяне участвуют в борьбе рабочих этих стран...»

Приглашенная на работу Ереванским государственным университетом, З. Есаян, естественно, не могла ограничиться ни чтением лекций, ни диспутами в Союзе писателей, ни работой за письменным столом. Довольно трогательными были ее поездки в районы республики в составе писательских бригад, где она, прежде всего, беседовала с армянскими репатриантами. Это были не беспомощные беженцы и сироты, а уже хозяева родной земли, которые строили дома, возделывали сады, выращивали скотину, вступив в колхозы, став передовиками производства и выполняя планы по сбору хлопка, винограда, по ковроткачеству. «За границей я много читала и интересовалась колхозным движением и его развитием, – писала З. Есаян, – и для меня очень интересно было самой узнать о конкретной действительности», «с богатыми и сложными явлениями».

Азат Хачатрян, родом из уезда Шатах Ванской провинции в Западной Армении, оказался на дорогах скитаний в Ие-

русалиме, с 250 сиротами вернулся в Армению и стал передовым колхозником, бригадиром в Арташате. «Есть еще переселенцы?» – спрашивает его писательница. – «Да, переселенцев много». – «Как им живется?» – «Те, кто работают, как передовики, очень хорошо живут, ну, а лентяи...».

Провинция Себастья в Западной Армении возродилась, стала Нор Себастья (Новая Себастья) недалеко от Арташата, где обосновались армянские семьи из Греции и построили свой поселок с помощью совнаркома и зарубежных землячеств. «Шнорик Сарайтарьян повествует о днях безнадёжного ожидания в изгнании, – пишет З. Есяян в очерке, опубликованном в 1934 году на русском языке в журнале «Наши достижения». – От волнения дрожат ее губы. Но глаза улыбаются и искрятся, ведь они наконец достигли своей цели».

...Приближался 37-й год – год испытаний, вдвойне трагичный для тех армян, кто поверил, что пережитые кошмары далеко позади на земле обетованной...

Так неужели Забел Есяян сквозь и любовь и веру к родине не чувствовала всей правды?..

В неопубликованных разрозненных воспоминаниях дочери Софи, написанных в марте 1960 года, сохранилось подтверждение прозрения писательницы.

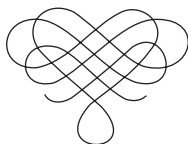
2 сентября 1939 года во время свидания в тюрьме с дочерью и сыном она успела обронить единственное слово, достаточное, чтобы убедиться: тонкое политическое чутье не притупилось у З. Есяян, она все же не только после, но даже и накануне ареста поняла оборотную сторону истинного положения дел и царящей в стране атмосферы.

«На вопрос брата, – пишет Софи, – состоялся ли суд, мама ответила: «Да, и в первом решении было больше (имеется в

виду срок. – К. Х.), а во втором – лучше»... При тюремном надзоре она не могла сказать то, что хотела бы, но и не хотела солгать. Мне успела сказать по-французски: «Это – Киликия...». Мама, как и они, стала жертвой...». И Софи, видимо, по рассказам матери, вспоминает двух армянских священнослужителей, которые вырвались из осажденного Айнтапа в Киликию и, изможденные, замызганные, добрались до французского представительства...

«...Так хотелось бы, чтобы ее прах покоился в нашем Пантеоне⁶⁴, – справедливо сожалеет дочь, – она так любила родину, своих соотечественников, и здесь бы она нашла последнее пристанище, «у подножья Арарата», как она любила говорить...»

⁶⁴ Ереванский Пантеон парка имени Комитаса, где захоронены видные деятели армянской культуры и науки.

ГЛАВА 6

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОКОВ

Рубен Зарян (1909–1993) – член-корреспондент АН Армянской ССР, театровед, заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной премии Армении. Известный шекспировед, создатель армянского центра и библиотеки шекспироведения в Армении. Со дня основания возглавлял Институт искусств АН Армении. Долгие годы преподавал историю армянского театра в Ереванском театрально-художественном институте, был заведующим кафедрой истории и теории искусств того же института. Помимо многочисленных монографий об армянской литературе и театре, внес вклад в развитие армянской мемуаристики, как автор шести томов воспоминаний об известных деятелях армянской культуры и истории страны в 30-50-е годы.

Рубен ЗАРЯН

ЗАБЕЛ ЕСАЯН

Она всего полгода читала нам лекции.

Курс западноевропейской литературы в университете вел профессор Симон Акопян. Французскую литературу XIX–XX веков должна была прочитать Забел Есяян, фактически несколько отдельных лекций. А затем Симон Акопян вновь продолжил бы свой курс этого периода в других странах, чтобы студенты получили целостное представление о западноевропейской литературе.

Имя Забел Есаян было нам знакомо, слышали о ее произведениях, но, признаться, не читали. Мы знали также, что долгие годы она жила в Париже, посещала курсы по философии и литературе в Сорбонском университете. Слышали, что объездила многие страны: Персию, Ирак, Египет, Ливан, Италию, Швейцарию. В 1916 году читала лекции в Москве и Петербурге, а до этого – в Тифлисе и Баку. В двадцатые годы приехала в Ереван, прожила несколько месяцев и, вернувшись в Париж, с восхищением написала книгу о новой Армении и ее людях. Книгу мы не читали, но ее романтическое название «Прометей освобожденный» звучало заманчиво и подстегивало наш интерес к личности преподавателя. Говорили, что в 1933-м она вернулась навсегда и обосновалась в Ереване с дочерью Софи и сыном Грантом.

Студенты с нетерпением ждали первой ее лекции.

И вот она вошла в аудиторию. Мы все были в сборе. (Кстати, помню лишь единичные случаи отсутствия студентов. Больше всех пропускал лекции я, потому что часто посещал Союз писателей, а потом рассказывал сокурсникам, с кем встречался, о чем слышал.) Новая преподавательница окинула всех нас улыбающимся взглядом, села и предложила сесть и нам. Она попросила, чтобы и впредь при ее входе и уходе мы не вставали.

– Я понимаю, что моя просьба нарушает существующий порядок, но мне неловко видеть, как вы встаете. По-моему, это в духе военной традиции, так что очень вас прошу выражать свое уважение ко мне иначе, например, не опаздывайте, как прозвенит звонок, входите в аудиторию. Вы уже взрослые, зрелые студенты и в скором времени вступите в жизнь; думаю, что призывать вас к дисциплине тоже излишне.

Она умолкла. И не сразу заговорила. Трудно сказать, о чем она задумалась.

Ей тогда не было еще шестидесяти лет. Полная женщина, с гордой осанкой, смуглолицая, с толстыми губами, на лице спокойное выражение. Несмотря на годы в глазах порой вспыхивал живой озорной огонек. С первого взгляда Забел Есаян напоминала Хлою, героиню «Хижины дяди Тома». Вообще, и походка, и внешность, и манера говорить и держаться, прежде всего, бросались в глаза своей величавостью.

– Похоже, у вас малолюдная аудитория. Вас всего столько или есть отсутствующие? Значит, столько вас. Попрошу не отсутствовать, но с одним условием: если вам не будет скучно. Если станет неинтересно, то не заставляю и освобожу вас от посещения своих лекций. Принуждение всегда казалось мне противоестественным душе человека.

С таким предложением мы сталкивались впервые. Прежде всего, мы были польщены, а со временем поняли, что предоставленная свобода еще более нас обуздала: не припомню ни одного случая чьего-либо отсутствия, хотя предложение Забел Есаян было искренним. Спустя годы человеческие отношения убедили меня в том, что свобода нравственно обязывает человека, а кого принуждают, связывают по ногам и рукам, тот стремится к освобождению.

Забел Есаян снова заговорила, и мы уже прониклись к ней симпатией, просто полюбили.

– Вы молоды, это лучший возраст в жизни человека. Я предоставляю вам свободу еще и потому, чтобы влюбленные среди вас могли бы назначить свидание днем. Может быть, девушка только в это время захочет с вами встретиться. Ради Бога не приходите на лекции, чтобы не пропустить свидание.

Никакая лекция, кто бы ее ни читал, не стоит того, чтобы из-за нее огорчать девушку.

И Забел Есаян умолкла; на долю секунды нахмурилась. Как знать, о чем она вспомнила. Потом лицо ее просияло, и когда она подняла голову и посмотрела на нас смеющимися глазами, то будто бы помолодела.

– Не всегда же я была такой старой. Я тоже была молодой, у меня тоже были свидания, и мое сердце, как и ваше, билось в ожидании, когда же он придет, почему опаздывает, не случилось ли с ним что-нибудь?

И неожиданно обратилась к парням.

– Вы опаздываете на свидание или вовремя приходите?

– Опаздываем, – ответил кто-то из нас.

– Правда? – удивилась она.

– Конечно, – раздалось несколько голосов.

– Как вам не совестно! – по-дружески пожурела она. – И вы еще будете уверять, что искренне любите? Нетерпение – это частица любви. Выходит, вы можете заставить девушку ждать. Меня это очень удивляет, а я-то думала, перед свиданием ваше сердце так трепещет, что вы ненароком подталкиваете стрелки часов...

Прозвенел звонок, преподавательница ушла, а мы минуты две сидели молча и не шелохнувшись. Не помню, кто именно, воскликнул:

– Вот так лектор!

В голосе прозвучало и удивление, и восхищение.

Мы, как обычно, не выбежали в коридор, остались в аудитории, с нетерпением дожидаясь Забел Есаян, хотя до звонка было еще время.

В следующем часе она приступила к лекции. Но и тут повела себя не как остальные преподаватели.

Стул она отодвинула подальше от парты, в угол. Поудобнее пристроилась на парте, будто собиралась отдохнуть. Речь у нее была раскованной – она просто беседовала с нами. Голос звучал спокойно, откуда-то из глубины души.

Запомнились лекции Забел Есяян, посвященные Бальзаку, Флоберу, Золя. Флобера она считала виртуозным автором, Золя – знатоком перипетий психологического мира, восхищение Бальзаком не знало границ. Ни одна из лекций не произвела столь сильного впечатления, как часы, посвященные Бальзаку.

Запомнились несколько высказываний Забел Есяян:

– Такого масштаба нет ни у одного романиста.
– «Человеческая комедия», которая составляет сто томов, дает читателю более верное представление о французской действительности, нежели вся остальная литература вместе взятая.

– У него более ста героев. И нет ни одного незавершенного, недоработанного лица. Нет ни одного героя, который был бы для меня не ясен.

– У французов, в свое время не признававших Бальзака, нет другого писателя, который мог бы с ним тягаться. Разве что Мольер. Но и тот уступает Бальзаку.

Помню, как Забел Есяян заговорила о Гобсеке, о Растиньяке. Как всегда, рассказывала спокойно, однако нас очень растрогал ее анализ отцовской трагедии Горио. Да разве обо всем упомянешь?

На лекцию о Золя она принесла книгу на французском языке, в которой был портрет писателя кисти Мане. Заметив, как мы заинтересовались, стала рассказывать о Мане, Моне, вообще об импрессионистах. Потрясающе: о живописи она знала не меньше, чем о литературе, указывала даты, события,

противоборствующие друг с другом художественные течения, анализировала картины.

Однажды она сочла нужным и поведала об одной житейской истории.

– У Золя был внебрачный сын. Великодушная жена Золя после смерти писателя взяла под свою опеку его сына.

Видимо, по мнению Забел Есаян, какие-то житейские подробности оживляли лекции, лучше привлекали внимание студентов.

Запомнилось, как она разбирала историю сложных личных отношений Артюра Рембо и Поля Верлена и их драматический финал.

Рассказывая о Мопассане, Забел Есаян приобщила нас к его литературному новаторству; коснулась и десятилетнего периода его жизни, когда писатель был смиренным учеником Флобера. Не помню еще случая, когда бы она с таким удовольствием посвящала нас в любовные истории других французских героев.

Лекции Забел Есаян не носили характер научных исследований. Она делилась собственными впечатлениями о романах, пьесах, поэзии. А рассказ о литературном процессе десятих-двадцатых годов был свидетельством очевидца и непосредственного участника, чем исследователя. Это были личные наблюдения, воспоминания, пережитые писательницей факты.

Забел Есаян говорила на смешанном западно-и восточноармянском языке. Ее мелодичная речь очень нам импонировала. Эпическое спокойствие ее интонации не было безучастно-хладнокровным, но, тем не менее, трудно было догадаться о ее пристрастиях – кого предпочитала Забел Есаян: Франса или Роллана?

– Я говорю вам о том, что представляет собой французская литература начала века. Мне, как писательнице, близки какие-то настроения, а какие-то – нет. Но если литературный факт, который я не принимаю, значимый для литературного процесса, то, как преподаватель, считаю обязательным отметить, охарактеризовать и оценить его.

Затрагивая тему о литературных группировках, Забел Есаян упоминала имена, о которых мы впервые слышали, приводила интереснейшие подробности во время их диспутов, благодаря чему мы живо и ярко представляли себе литературную атмосферу Парижа.

Она разбирала романы Франса и Роллана, поэзию Аполлинера, отмечая их роль в общем литературном контексте. Именно Забел Есаян, и никто другой из преподавателей, познакомила нас с блестящими образцами анализа жанра романа. Как романистка, она делала это настолько умело, точно часовщик, который разбирает и собирает часовой механизм. Высказывания Забел Есаян об Анатоле Франсе и Ромене Роллане в середине тридцатых годов спустя более тридцати лет я обнаружил в монографиях русских литературоведов о французских романистах. Тогда я прочитал «Боги жаждут», «Жан Кристофф», «Кола Брюньон», «Очарованная душа», «Огонь», а также Аполлинера, Жана Ришара Блока, Вайяна-Кутюрье.

Велико было воздействие Забел Есаян на всех нас, и, казалось, французская литература, особенно проза, наилучшая в мире.

По нашей просьбе Забел Есаян читала Аполлинера на французском языке. Французское благозвучие ласкало слух, и, не понимая смысла, мы готовы были без конца слушать.

Читала Забел Есаян размеренно, но с вдохновением,

будто проникалась переживаниями поэта, и сердце билось, обуянное смутной тревогой.

На переменах, когда двери в профессорской были открыты, мы специально проходили мимо, чтобы разглядеть профессоров. Они были авторитетными для нас людьми, и было любопытно, какие они в «неофициальной» обстановке. Забел Есаян сидела на диване и курила. И это тоже было в диковинку. В те годы мы не привыкли видеть курящую женщину. Вообще она держалась непринужденно и независимо. Будучи новым человеком в Ереване, она не пыталась подлаживаться местным обычаям. Она поступала так, как привыкла в Париже, и не придавала значения тому, кто и что скажет о ней. Забел Есаян знала, что многие косятся, не одобряют курение, но игнорировала это и даже именно их и угощала, протягивая портсигар.

В Союзе писателей я пару раз встречал мою преподавательницу. А как-то мы мимолетно побеседовали. Речь шла о повести Мкртича Армена «Родник Эгнар», вокруг которой в печати развернулись горячие споры, и Есаян принимала в них участие, защищая автора от нападок.

Не помню уже, кто в Союзе писателей спросил у Забел Есаян, как она после парижского комфорта выдерживает неудобства ереванского быта. Лицо ее приняло серьезное выражение, и она ответила:

– Эти недостатки ничего не значат для меня; вокруг гораздо больше примеров возрождения, и я ощущаю себя одним из восторженных строителей нашей страны. Вы удовлетворены моим ответом?

Во время одной из бесед там же, в Союзе писателей, выяснилось, что она особенно ценит двух писателей. В диаспоре – Амастеха, в Армении – Бакунца. Обоих хвалила, хотя, как правило, была сдержанна и скупа в своих оценках.

Однажды она высказалась о Бакунце уже публично.

Был 1936 год. Вокруг вопросов литературы и искусства развернулись бурные дискуссии. В частности, обсуждался вопрос «борьбы против натурализма и формализма». В Ереване на эту тему выступил Драстамат Тер-Симонян.

В течение трех дней писатели критиковали друг друга. Осуждали самих себя. Были попытки отрицания ценностей. Объектом критики стало одно из произведений Бакунца «Орешина братства». Однако нашлись и писатели, которые встали на защиту истинных ценностей литературы.

Забел Есаян выступила с критических позиций и охарактеризовала в своем обширном докладе некоторые тенденции в современной западноармянской литературе. Трудно досконально воспроизвести ее слова, но запомнилась та часть ее речи, которая касалась наших писателей: Чаренца, Бакунца, Зоряна, Мкртича Армена⁶⁵.

Она не разделяла мнения критиков о Бакунце, подчеркнула юмор и драматизм в его произведении.

Было известно, как она защищала большой талант Чаренца, но в тот день она дала ему высокую оценку, отстаивая поэта перед его противниками. Вместе с тем ее слова явились свидетельством того, как писатель способен возвеличивать своего коллегу по литературному цеху, оставляя в тени собственную значимость. Хорошо запомнились строгие нотки в ее голосе, когда она заявила, что в будущем забудутся имена многих нынешних писателей (она имела в виду и себя), и если кого-то и вспомнят, то благодаря тому, что они были современниками поэта.

⁶⁵ Егише Чаренц (1897–1937) – армянский поэт. Репрессирован. Аксель Бакунц (1899–1937) – армянский прозаик. Репрессирован. Стефан Зорян (1889–1967) – армянский прозаик. Мкртич Армен (1906–1972) – армянский прозаик. Репрессирован.

Мы любили нашу преподавательницу и всегда с нетерпением ждали ее лекций. С жадностью читали ее публикации в прессе и отдельные книги: «Огненная рубашка», «Сады Силитара».

Состоялась посмертная выставка мужа Забел Есаян. Она заботливо сохранила его картины и теперь собиралась продемонстрировать поклонникам искусства. Выставку посетили студенты, поддержали своего преподавателя, что очень ее растрогало.

Забел Есаян, как оказалось, часто посещала театр. После спектакля «Чужой ребенок»⁶⁶ осталась довольна веселой фабулой пьесы. В особенности ей понравилась игра Гургена Gabriеляна⁶⁷, и она заговорила о театре.

Один из студентов, Ованес Ганалаян, забыв, что Забел Есаян давно покинула Константинополь, поинтересовался тамошним театром и артистами.

– Расскажу всего пару историй об актрисах, то ли я читала, то ли мне рассказывали об этом – не помню уже. Две трагические судьбы, и обе с эпической глубиной.

Она оглядела нас, будто спрашивала: рассказать ли?

Мы приготовились слушать.

– Одну из актрис звали Арусяк Папазян. Величайшая была актриса... пока по приказу султана Гамида не закрылись армянские театры. Имя Арусяк, точно магнит, притягивало людей в театр. Она исполняла трагические роли, ее Медея будоражила сердца зрителей. В конце века она потеряла и

⁶⁶ «Чужой ребенок» – комедия советского драматурга Василия Шкваркина (1894–1967). Была написана в 30-е годы, ставилась во многих театрах страны и пользовалась большим успехом.

⁶⁷ Гурген Gabriелян (1903–1956) – армянский советский актер, режиссер, драматург. Народный артист Армянской ССР (1950).

мужа; давно уже покинувшая сцену, преданная забвению и проживающая в нищете, она лишилась рассудка и на улицах Константинополя выпрашивала милостыню. И представляете, до чего может дойти человеческая неблагодарность: зрители, которые когда-то преподносили ей цветы и всячески старались заслужить внимание артистки, теперь равнодушно проходили мимо, не глядя в ее сторону.

После короткой паузы она продолжила:

– Мари Нвард – артистка лирического амплуа, она играла в армянских и турецких театрах и тоже была любимицей публики. В спектакле «Дама с камелиями» играла Маргариту Готье. В этой роли ее сравнивали со знаменитой Сарой Бернар. Турецкий переводчик драмы влюбился в нее. Забыла, как его звали, может, еще вспомню. Артистка ответила ему взаимным чувством. Они поклялись в вечной любви, были уверены, что ничего не сможет разлучить их, и жили как муж и жена. Однажды, накануне вечернего представления «Дамы с камелиями», во время репетиции к Мари Нвард пришел переводчик и сообщил, что они не могут пожениться. Отец грозит лишиться его наследства, но это еще полбеды, мать сказала, что покончит с собой, если ее единственный сын осмелится жениться на гяурке⁶⁸, да еще и актрисе. А он не хочет стать убийцей матери. И надеется, что Мари поймет его безысходное положение и не осудит, а потом заявил, что по-прежнему безумно любит Мари.

Мари Нвард молча слушала, ничего не ответила. Она попросила подругу найти лекарство для прерывания беременности. Та принесла лекарство, Мари Нвард выпила его и вышла на сцену. Готье, как вы знаете, умирает в финале спектакля. Занавес опустился, и публика аплодировала,

⁶⁸ Гяурка (турец.) – иноверка.

вызывая актрису, но занавес не поднимался. Аплодисменты не прекращались, переросли в овацию. Кто-то из администрации вышел на сцену и объявил:

– Смерть Маргариты стала и смертью нашей любимой актрисы.

Забел Есяян умолкла. Рассказ взволновал нас.

– Правда, интересно? Нет ли среди вас писателя, который использовал бы этот материал для романа?

Кто-то из студентов спросил:

– А вы сами не пробовали написать пьесу?

– Написала, а как же. Но неудачно. Не отдала ни в издательство, ни в театр. Но я еще надеюсь, хочу постараться еще раз, а вдруг получится.

Запоминающей была последняя лекция, скорее, беседа Забел Есяян.

– Давайте не делать перемену. Согласны? И если позволите, я закурю. Вы не против?

И после короткой паузы:

– Я прощаюсь с вами. Может, мы больше не встретимся. Может, вы разбредетесь по этой большой стране, и мы увидимся гораздо позже или же наши дороги разойдутся.

Забел Есяян достала и поставила на стол портсигар, нашла спички, но не закурила. Это была беседа по душам матери с родными детьми перед разлукой. Она говорила о нашей будущей профессии, об ответственности педагога перед учащимися. Говорила о стране и ее будущем, внушала нам не унывать в лихие времена, никогда не терять оптимизма в завтрашний день, ради которого живем и работаем, независимо от того, доживем ли до этого или нет.

Простые и общеизвестные истины в устах Забел Есяян обретали совершенно иную окраску, остроту и блеск. Не

решаюсь воспроизвести ее слова, потому что боюсь как бы не исказить тот индивидуальный дух, которым они были проникнуты и вовсе не были обычным сплетением житейского опыта или безграничной мудрости.

– Перед тем, как расстаться, дам вам совет: придерживайтесь общепринятых условностей, однако доведенные до крайности, они перерастают в мещанскую психологию. Так что следуйте нормам природы. Не подумайте, что я проповедую руссоизм. Просто хотелось бы, чтобы вы были ближе к природе, чтобы чутко прислушивались к своему внутреннему голосу.

И последние ее слова:

– В минуты душевного смятения помните, что я поддерживаю вас. Будете нуждаться материально, можете рассчитывать на меня.

С этими словами Забел Есаян подошла к единственной студентке нашего курса, Алисе Манукян, и поцеловала ее.

– Считайте, что я всех вас поцеловала, – и она направилась к двери, как всегда, спокойная, величественная, с чувством собственного достоинства.

Рубен ЗАРЯН

СОФИ ЕСАЯН

Не помню уже, кто сказал, что дочь Забел Есаян, Софи Есаян, бедствует. Несколько лет, как не работает. Сердце защемило. Я вспомнил ее мать – не только видную писательницу, но и одну из моих университетских преподавателей.

После ареста Забел Есаян, ее детям, Софи и Гранту, надо было самим о себе позаботиться. Жизнь сына, Гранта, сложилась относительно благополучно. Он был химиком. Не только смог заниматься своим делом, но и защитил кандидатскую диссертацию. Вопреки возникшему к нему недоверию из-за матери, он благодаря своему трудолюбию, преданности и безукоризненному поведению был избран депутатом райсовета. Долгие годы он поддерживал сестру, которая потеряла мужа и единственную дочь. И вот теперь беззащитная Софи оказалась в беспомощном положении и живет надеждой, что кто-нибудь постучится к ней в дверь и предложит помощь.

Так и случилось.

Софи Есаян стала работать в Институте искусств Академии наук библиографом.

Это было в начале 1965 года⁶⁹.

Признаться, институт искусств мог обойтись без библиографа. Представилась возможность оказать содействие обездоленному человеку.

⁶⁹ В личном деле С. Есаян, сохранившемся в архиве Института искусств, указано, что она была принята на работу 16 февраля 1964 года. Заявление на имя директора института Р. Заряна датировано 24 февраля.

Софи родилась в Париже, получила там образование (не помню, какую окончила школу)⁷⁰, но после средней школы посещала лекции в Сорбонне и специализировалась в библиотечном деле. Приехав в Ереван, недолго руководила отделом европейской литературы публичной библиотеки. Затем сменила несколько мест и всюду работала недолго – год-два: библиотекарем, преподавательницей французского языка, переводчицей.

Софи была образованной женщиной, знала латинский, французский и английский языки⁷¹. Родившись в семье художника и писательницы, живя в Париже в детские и отроческие годы, она, тем не менее, была обделена личным счастьем и успехами в жизни. Благородная, деликатная личность, с чистой душой, она никак не могла взять в толк, почему человек может и улыбаться, и в то же время пойти на преступление. Софи очень верила людям и, вопреки ударам судьбы, не теряла надежды, а напасти в своей жизни объясняла чистой случайностью. К тому же с хрупким сердцем и очень ранимой душой она в минуты одиночества, пожалуй, предавалась мрачным раздумьям, а порой, возможно, проливали в печали слезы.

Не желая задеть самолюбия Софи, мы придумывали для нее разные поручения, чтобы она часом не подумала, будто не за труды свои получает деньги. Да и суммы те были мизерные.

⁷⁰ Из письма З. Есян от 12 июня 1929 г. общественному и культурному деятелю, главному редактору лондонской газеты «Масис» А. Сафрастяну: «...считаю обязанной сообщить Вам, что моя дочь, Софи, успешно окончила библиотечные курсы в Американской школе, куда Вы помогли поступить».

⁷¹ В автобиографии С. Есян отметила, что владеет также итальянским языком.

Однажды она пожаловалась, что недостаточно загружена работой, занята всего пару часов, и попросила расширить ее обязанности. Мы ее успокоили, мол, ее отдача на работе больше того, что она получает...

А как-то Софи заявила, что прочитала «Сирануиш»⁷² и хотела бы перевести на французский язык. Она увлеклась своей затеей, но мы-то понимали, как она на протяжении стольких лет, живя в армяноязычной среде, не владеет прежним французским. Сама она этого не осознавала, иначе пережила бы душевную травму.

Улыбка не сходила с ее лица. Даже в дни, когда нечем было пообедать. Одна из сотрудниц как-то заметила:

– У вас столько невзгод, а вы всегда улыбаетесь, как самый счастливый человек на свете.

– Как бы я ни была удручена, я не стану обременять других своей печалью.

И еще добавила:

– Это правило жизни.

За все время работы никто не помнил, чтобы Софи жаловалась, предъявляла претензии. «Если можно», «Как вам будет угодно» – в таком духе она общалась.

Софи окружали хорошие коллеги. Иногда мы отправляли ее в дом отдыха. Награждали грамотами. Однако Софи нуждалась в человеческой теплоте. Сотрудницы института порой все вместе, порой в одиночку навещали ее. Софи рассказывала о своем житье-бытье в Париже. Она была очень тронута и благодарна за внимание.

⁷² Роман армянской писательницы Србуи Тюсаб (1841–1901), посвященный эмансипации женщин.

Ко дню рождения Софи девочки собрали деньги и купили ей пальто в подарок. Кажется, чешское⁷³. С выпивкой и гостинцами мы отправились к ней домой. Сюрприз доставил ей безграничную радость. Когда через несколько часов мы стали с ней прощаться, она дрогнувшим голосом произнесла:

– Я никогда не забуду этот день...

И расплакалась.

Через одиннадцать лет работы Софи в институт пришел ее брат и сообщил, что рано утром она скончалась.

Мы должным образом организовали похороны. Коллектив института прощался с Софи, как с родным человеком, и все мысленно задавались вопросом: почему жизнь так не справедлива?

⁷³ В начале 1990-х годов я общалась с сотрудницей Института искусств, кандидатом филологических наук, шекспироведом Элеонорой Вартанян. Она была инициатором покупки этого пальто голубого цвета. Запомнила С. Есян как щепетильного человека не от мира сего. Она старалась украсить жизнь и окружить заботой ее нищенское существование. Софи часто рассказывала о годах, прожитых до приезда, с болью вспоминала о тех последних армянах-могиканах, которые с мечтой и любовью приехали в Армению и угодили в жестокую мясорубку...

Клара Терзян (1929 г. р.) – армянская писательница, известная радиожурналистка. Почти полвека проработала на Общественном радио Армении, вела передачи о литературе и искусстве. Эти записи легли в основу ее книг «Созвездие великих», «Спасенные реликвии», «Судьбы, дороги и жгучая тоска». Жизнь соотечественников в Диаспоре освещала на страницах журнала «Советакан Айастан» («Советская Армения») – органе Комитета по культурным связям с армянской Диаспорой. Автор более десятка книг рассказов не только для взрослых, но и для детей. Удостоена почетных грамот, памятной медали, литературной премии. В 2001 г. Биографическим институтом Северной Каролины США удостоена титула «Женщина года».

Клара ТЕРЗЯН

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ЛИЦА

В дружбе между стариками и детьми таится какая-то необъяснимая сила. Они без слов понимают и по-своему любят друг друга. Такие дружеские отношения сложились между Забел Есяян и мной, когда ей было за пятьдесят, а я на полвека младше нее.

Забел Есяян была частым гостем в нашем доме, приходила и одна, и вместе с дочерью и сыном. Они беседовали с моими родителями, смеялись, грустили, что-то обсуждали. Мы с сестрой пристраивались в сторонке (нам запрещалось садиться за стол с взрослыми, слушать их разговоры) и с восхищением разглядывали тикин Забел. Особенно впечатляли ее выразительные глаза, пухлые губы и волосы с проседью, которые она собирала на затылке, но непослушные

пряди выпростались и, точно серебристый венок, обрамляли лицо, излучающее свет и доброту.

Забел Есаян однажды заметила, как я, усевшись за стол, играла на воображаемом «пианино» и пела. Передо мной были ноты песен Комитаса, которые я обычно к чему-нибудь пристраивала-прислоняла. Есаян погладила меня по головке и сказала:

– Молодчина, девочка, я обязательно подарю тебе пианино. Вот издадут мою книгу «Барба Хачик», и я обязательно куплю тебе красивое пианино».

Я радостно вскочила и кинулась ей в объятия. Пианино в те годы было недостижимой мечтой. До сих пор я уверена, что если бы книга тогда вышла в свет, Есаян наверняка сдержала бы слово⁷⁴.

Мы жили тогда на улице Советов⁷⁵. В тридцатые годы это была центральная улица Еревана. Рядом с ней находились площадь Ленина⁷⁶, Дом правительства, банк, театр⁷⁷, аптека, торгсин, парк имени 26 комиссаров, кинотеатр «Безбожник», баня... Казалось, все пути-дороги проходили через наш дом. На чашечку кофе и чаепитие у нас собирался цвет интеллигенции. Близкие нашей семье люди окружали отца заботой и вниманием, каждый вечер навещали его. Не только родители, но и я с сестрой благодаря гостям не чувствовали себя одинокими.

Как-то вечером Забел Есаян пришла к нам всей семьей. Они просидели долго, а когда ушли, бабушка обнаружила на столе забытые ими ключи от квартиры. А жили они доста-

⁷⁴ Роман «Барба Хачик» («Дядя Хачик») был издан в 1966 г. в Ереване.

⁷⁵ Улица Советов – ныне улица Закияна.

⁷⁶ Площадь Ленина – ныне площадь Республики.

⁷⁷ Национальный академический театр им. Г. Сундукяна.

точно далеко, в «Доме профессоров»⁷⁸ на улице Абовяна. Пока наши прикидывали, как быть, я незаметно взяла ключи и вылетела на улицу. Была летняя ночь, я мчалась в темноте, добежала, наконец, до улицы Абовяна, которая сравнительно лучше освещалась. Догнала их около аптеки и вручила ключи. Опешившие от неожиданности, они не успели и слова вымолвить, как я стремглав неслась уже обратно домой. Конечно же, меня пожурили, но отец все же одобрил мой смелый поступок.

В 1935 году отец скончался. Забел Есаян еще больше сблизилась с нашей семьей. Ее сын, Грант, в отличие от матери, был не очень словоохотливый, необщительный, но всегда с очень доброй улыбкой на лице. Все его любили и считали толковым химиком. Сестра была прямой его противоположностью – до сих пор у меня в ушах звучит смех всегда жизнерадостной Софи.

В семье Есаянов произошло событие: Софи вышла замуж за молодого человека по имени Сарибек⁷⁹. Он был из деревни и, если не ошибаюсь, филолог, который недавно окончил университет.

У Софи родилась дочка, которую называли Забел. Голубоглазая, белолицая красивая девочка, очень похожая на свою бабушку.

⁷⁸ «Дом профессоров» – так в народе называли дом №32 по улице Абовяна, который в 1934–1935 гг. стали заселять знаменитыми деятелями культуры и науки, в основном репатриантами. До 1937 г. на карнизе красовалась надпись «Дом Нубара», потому что это был один из последних домов, построенный в Ереване известным армянским меценатом Погосом Нубаром-пашой.

⁷⁹ Сарибек Геворкян – муж Софи, окончил филологический факультет ЕГУ, студент З. Есаян. После ее ареста, отправив Софи в Гарни, женился. Погиб в первые дни Отечественной войны.

В квартире на Абовяна жили Забел Есаян и Софи с мужем. А Грант с женой Беркруи и двумя детьми поселился на участке завода по производству каучука, а затем получил отдельную квартиру в ведомственном доме по улице Алавердяна⁸⁰.

Жизнь Забел Есаян была насыщена вдохновением, она восторженно относилась к родине, к соотечественникам, вбирала в себя впечатления для будущих романов. Ее любили и как человека, и как творческую личность, и как преподавателя. А в те годы быть любимицей общества означало быть всегда в окружении, в центре внимания людей, в особенности молодежи.

З. Есаян всюду успевала: в Союз писателей, в университет, выступала с речами, читала лекции, активно участвовала в литературных дискуссиях, защищала от нападок и притеснений талантливых писателей, к тому же еще и писала романы.

Мама с бабушкой с восхищением и удивлением слушали о том, что Забел Есаян говорила критикам Чаренца, Бакунца, Мкртича Армена, и я, увлеченная ее рассказами, по-своему их воспринимала и радовалась, какая же Забел Есаян знаменитая!

Только спустя годы я поняла всю ценность и значимость каждого выступления З. Есаян. Так, защищая Чаренца, она говорила: «Егише Чаренц – наш величайший поэт, это очевидно и бесспорно для каждого, сияние его блестящего таланта ослепляет нас». Или: «Имена многих из нас исчезнут бесследно, но грядущие поколения не забудут Чаренца. Пожалуй, некоторых из нас и будут помнить, но только потому, что мы были справедливы или не справедливы в оценке

⁸⁰ Улица Алавердяна – ныне улица Республики.

Чаренца», – пишет литературовед Севак Арзуманян в своей книге «Забел Есян».

Забел Есян обвиняли в том, почему она не пишет романы о новой жизни и увлечена прошлым, избегает изображать картины настоящего. Есян отвечала: «Почему же избегать той жизни, в которой мы живем с радостью и восхищением и участвуем в ее воплощении?» И добавила, что не может так сразу перейти к новым темам, потому что «никто бы меня не одобрил, если бы я подряд выпустила в свет недоношенные произведения. Мой многолетний опыт, характер моего творчества подсказывают быть терпеливой и вместе с тем приобщаться к нашей современной литературе».

С. Арзуманян приводит также ее слова об Акселе Бакунце. Кто-то из официальных лиц во время мероприятия в Союзе писателей заявил, что якобы Бакунц враг народа, на что Забел Есян гневно ответила: «Я не знаю, кто вы и кем работаете, но вы не имеете права говорить так о Бакунце. Бакунц тот писатель, которого можно поставить рядом с Мопассаном».

И так она думала накануне 1937 года, во время культа личности...

Не помню, как до нас дошла страшная весть об аресте Забел Есян. Но слезами горю не поможешь. Надо было поддержать ее родных, спасти рукописи. Моя мать, рискуя, помогала семье писательницы.

Софи с мужем и ребенком лишили квартиры на Абовяна и переселили в какой-то барак. Гранта уволили с работы и в тот день, когда собирались выселить из квартиры, поступило официальное уведомление из Москвы о том, что изобретение Гранта Есяяна получило патент и может быть внедрено в производство. Сыну Забел Есян разрешили работать на заводе и жить в своей квартире. Однако семья осталась без

опоры – без Забел Есяян. Тяжелые душевные переживания не прошли втуне – болезни и смерть преследовали их по пятам... Скончались дочь Гранта, Сона, и жена Беркруи, чуть позже, в начале 50-х годов, ушел из жизни сын, Вагрик. Школьные учителя с прискорбием говорили, что потеряли будущего талантливое физика.

У Софи Есяян появились признаки психического расстройства. Муж уговорил ее уехать с ребенком в деревню, чтобы якобы избежать возможных репрессий. Софи отправилась в Гарни, устроилась в школе учительницей французского языка.

Мы ждали, что мою маму в любую минуту могут арестовать. Она работала в публичной библиотеке, и когда, возвращаясь домой, немного задерживалась, мы с сестрой со страхом выходили на улицу, ожидая либо ее, либо дурной весточки. Как будто дома до нас это не дошло бы.

Маму уволили с работы, она пришла домой грустная и оскорбленная, но не падала духом. Ей сказали: «Вы не знаете русского языка, мы переведем вас в другой отдел». Мама знала английский, французский, понимала по-немецки, и в ее отделе как раз требовалось знание европейских языков, поскольку сюда поступали книги и периодические издания из-за рубежа, которые надо было читать и обрабатывать. Она поняла, что русский язык всего лишь предлог – ей не доверяли работу в зарубежном отделе, и мама написала заявление об уходе из библиотеки.

Надо было найти новое место работы, позаботиться о семье, быть готовой в любую минуту к худшему повороту событий. Мы стали жить на персональную пенсию, назначенную после смерти отца. Он был политическим эмигрантом, который приехал в Армению из Франции. В 1925 году

французское правительство выдворило его из страны за коммунистическую деятельность, и отец с матерью, получив советскую визу, приехали в Ереван. Пожалуй, это и помогло, что маму не арестовали.

Мама устроилась машинисткой в сфере социального страхования и делала вид, что очень довольна. За ее спокойствием скрывалась постоянная тревога: если вдруг ее арестуют, кто же тогда позаботится о старой свекрови и детях? Все ее родные были за границей, в разных уголках мира. То и дело ей об этом напоминали: «У вас родственники за рубежом». И никто не считался с судьбой армянина, с тем, почему тот оказался вдали от родины? А мамыны родственники не знали правды о сложившейся ситуации и продолжали писать письма.

Помню скупые ответы мамы, дескать, у нас все хорошо, дети здоровы, учатся. А еще цитировала наши забавные слова и добавляла, что очень озадачена, как бы не потерять работу.

Лишь проживающая во Франции сестра почувствовала, что у мамы не все ладно и собиралась с оказией отправить ей посылку. Так эта посылка тоже стала поводом для очередного страха.

Мама постоянно внушала нам с сестрой: как хорошо, что она вернулась на родину, что мы учимся, а ведь во Франции она не смогла бы дать нам образование, и тогда нам оставалось бы подшивать пуговицы и обметать петли.

Мы безоговорочно слушались маму, гордились, что посещаем школу, а потом поступили в университет...

Началась Великая Отечественная война, которая принесла новое горе и лишения миллионам людей, в том числе и нашей семье. Мама отправилась в деревню на полевые работы, чтобы как-то прокормить нас.

Весной 1942 года в нашу дверь позвонили. На пороге стояла женщина с растрепанными волосами, в поношенной одежде. Бабушка приняла ее за нищенку и хотела дать хлеба, а она кинулась ей на шею и разрыдалась. Это была Софи Есяян. Невозможно без волнения описать ее внешность. На ней был суконный халат матери до самых пят, вместо пояса подпоясанный бельевой веревкой, обувь стоптанная и потрепанная.

Немного успокоившись, Софи рассказала, что дочка, Забел, скончалась. Она не знала, что у девочки корь и купала ее. Хозяева квартиры, у которых она жила, выгнали Софи.

Бедная женщина оказалась в страшно бедственном положении и совершенно потеряла голову. Куда девался ее былой смех? От прежней Софи остались только голубые глаза и пышные выующиеся волосы, тронутые уже сединой.

Мы также узнали, что Сарибек, отправив Софи в деревню, вскоре женился. Затем ушел на фронт, откуда пришло извещение о его смерти. Все имущество Забел Есяян, в том числе и полотна мужа, Тиграна Есяяна остались у второй жены Сарибека.

Мама на выходные приезжала из деревни домой и, когда она узнала об этой истории, то решила подать в суд и отобрать у той женщины вещи Есяянов. Но суд не помог, потому что жена Сарибека все спрятала и заявила, что он ничего ей не оставил.

Софи удалось поселить в подвальном помещении дома, в котором жил брат. Решился и вопрос с работой: Софи устроилась библиотечаршей в школе. Казалось бы, жизнь постепенно налаживалась, но болезнь не отпускала ее и давала о себе знать. Она была то дома, то в психиатрической больнице. Причем в периоды обострения болезни Софи была

очень сдержанна, чересчур вежлива. Психика Софи была травмирована на политической почве, она завела черный список, в который заносила, на ее взгляд, подозрительных людей. В красном списке значились только имя и фамилия моей мамы – Алис Терзян. Софи ее очень любила и доверяла. Алис из скудных своих средств всегда выделяла долю для Софи, всегда ее опекала, поддерживала. Порой Софи завидовала мне и сестре, хотела, чтобы мама больше уделяла ей внимания. Что поделаешь – больная была женщина, которая нуждалась в заботе. То, что не смогла сделать для дочери Забел Есян, сделала моя мама в тяжелые военные и послевоенные годы, полные лишений и горя. Удивительно, сколько испытаний выдержали хрупкие плечи мамы. Порой она напоминает мне неопытного пловца, который не ведает, насколько море глубоко, храбро кидается в волны и плывет. Не тонет только потому, что не представляет себе ни глубины, ни подстерегающей опасности.

Неужели мама и вправду находилась в неведении? Просто-напросто она была наделена великой душевной силой и светлой верой. Горе и трудности переносила сдержанно, никогда не выражала недовольства, ни на что не жаловалась. Всегда сравнивала положение нашей семьи с другими и уверяла, что нам живется гораздо лучше. Чужое горе было безмерным, наше ничтожно малым, мама уверяла нас с сестрой, что мы счастливы и нам незачем пенять на судьбу. А вскоре, когда мы окончим университет, то проживем еще лучше. Когда же сестра окончила аспирантуру, а я – университет, и мы уже могли быть маме подспорьем, она, увы, ушла из жизни.

Казалось, она заранее все рассчитала так, чтобы успеть поставить дочерей на ноги. Мы с сестрой не смогли вернуть маме хотя бы малую толику нашего дочернего долга.

Вспоминая о людях из окружения нашей семьи, я в каждом ищущем образ мамы. При ее жалком материальном положении она очень многим с готовностью протягивала руку помощи, и ей многие были благодарны.

После смерти мамы Софи оказывала поддержку Серик Давтян⁸¹, которая сидела с Забел Есаян в тюрьме. Последние два десятилетия Софи работала в академии наук, посвятила себя возвращению творческого наследия матери.

Время подстегивало, надо было написать о сыне Забел Есаян, Гранте, который внес посильный вклад в дело развития химии в нашей республике. Комбинат синтетического каучука рос на его глазах и при его непосредственном участии. Рассказ Гранта Есаяна я записала в 1977 году, за пять лет до его смерти.

Он родился в 1910 году в Париже. Отец, художник Тигран Есаян был видным представителем армянской действительности. В детстве Грант часто путешествовал вместе с матерью, потому что известную писательницу и общественного деятеля в городах и весях с армянским населением всегда встречали с любовью, ждали ее интересных выступлений.

Поездки Забел Есаян были связаны не только со сбором материалов для будущих книг, но и, прежде всего, с защитой соотечественников. Еще в 1908 году она приехала

⁸¹ Серик Давтян (1893–1978) – заслуженный деятель культуры Армянской ССР. С 1958 г. работала в Институте искусств Академии наук Армении. В 1937 г. была репрессирована и до 1947 г. отбывала срок в Магадане. К сожалению, хранившиеся в ее архиве воспоминания о З. Есаян пока не удалось обнаружить.

в Константинополь в составе делегации, созданной в связи с погромами в Адане. В 1909 году, отправившись в Киликию, З. Есяян опубликовала статьи об этой трагедии: «Голоса бедствующих сирот», «Жертвы трагедии». Спустя два года после трагедии киликийских армян писательница посвятила этим событиям роман «Среди развалин».

Весть о начале Первой мировой войны застала Забел Есяян в Константинополе, где она находилась вместе с сыном. Есяян чудом спаслась от резни. Помню ее рассказ о том, как она выходила из гостиницы и двое турок спросили у нее: «Вы Забел Есяян?» Она ответила: «Нет, она там, в гостинице», – и не торопясь удалилась. Забел Есяян выручило ее самообладание. Ей удалось вместе с сыном через Болгарию и Румынию добраться до Тифлиса.

«Нас очень тепло встретил Ованес Туманян, – вспоминал Грант. – Он приютил нас, потом отвез к себе на дачу. Особенно запомнилась окрестность дачи, которая утопала в море маков».

В Париж к мужу Забел Есяян отправилась через Иран, затем направилась в Багдад, Басра, Египет. Это было не просто скитание – она повсюду занималась армянскими беженцами, их устройством. В конце концов, на одном из торговых кораблей ей удалось добраться до Марселя.

«Помню, – рассказывал Грант, – что из-за войны доставка писем задерживалась, и когда в Париже извозчик довез нас до дома, отец был страшно удивлен и обрадован. В 20-е годы отец скончался».

Пересиливая личное горе, Забел Есяян занялась судьбой армянских беженцев, рассеянных во всех уголках мира. Светлой страницей в ее жизни стал 1926 год, когда она приехала в Москву, а оттуда в Советскую Армению, побывала в Баку,

Нагорном Карабахе. Всюду преданность и вера людей – строителей новой жизни воодушевляли, вселяли огромный творческий заряд в писательницу. О виденном-пережитом она поведала французским армянам на страницах печати, чтобы ее могли услышать армяне и в других странах. Душа Забел Есяян ликовала: есть, жива Армения, есть и жив ее народ. Она рассказывала о самоотверженности и созидательном труде соотечественников, которые возрождали родину. В итоге этой поездки родилась книга «Прометей освобожденный». Забел Есяян всей душой тянулась к возрожденной родине, не могла уже спокойно жить вдали от нее.

«Наша семья, – говорил Грант, – прожила в Париже до 1933 года. Мама и сестра репатриировали, а я еще год пробыл во Франции, так как должен был завершить учебу на химическом факультете Сорбонского университета. В студенческие годы я вступил в ряды передовой молодежи, распространял нашу газету. В 1934 году я тоже вернулся в Советскую Армению».

В жизни Гранта Есяяна судьбоносную роль сыграло знакомство с видным химиком Степаном Гамбаряном. По его совету Грант поступил на работу в научно-исследовательскую лабораторию комбината синтетического каучука, которая впоследствии стала центральной лабораторией химического комбината имени Кирова⁸². Он работал под руководством Гамбаряна, занимался вопросом технологии получения синтетического каучука. В эти годы получили патент несколько его изобретений. В годы Отечественной войны была основана Академия наук Армении, Грант стал одним из ее первых аспирантов.

⁸² Завод синтетических каучуков «Главкаучук» им. С. М. Кирова учрежден в 1933 г. С 1975 г. – научно-производственное объединение «Наирит».

Исследования Гранта Есяяна были связаны с ненасыщенными соединениями – этиленом и ацетиленом, для выработки которых использовались отходы комбината. Он защитил кандидатскую диссертацию по этой теме и перешел работать в Институт органической химии Академии наук. Грант во второй раз создал семью, женился на украинке, у него родился сын⁸³. Он пользовался уважением коллег и как хороший специалист, и как очень добрый и честный человек. Авторскими свидетельствами были отмечены и новые научные открытия Гранта Есяяна.

Фортуна, казалось, смилостивилась над семьей Есяянов, желая смягчить горечь страданий и потерь. Забел Есяян была реабилитирована, посмертно заняла достойное место в литературе как прозаик, переводчик, публицист. Увидели свет ее романы «Сады Силитара» и «Барба Хачик».

Грант Есяян, невзирая на возраст, продолжал работать в академии наук. Он часто любил прогуливаться по улицам Еревана. Столица похорошела, выросла у него на глазах, и он испытывал к Еревану особую любовь: «Биография Еревана – моя биография», – с гордостью говорил Грант Есяян. Хотелось бы обобщить его слова: биография Еревана – это также биография всех армян-репатриантов, приехавших в 20–30-е годы из Франции, Турции, Греции, Болгарии и других стран. Они не побоялись трудностей и с местными соотечественниками взрастили новорожденный Ереван. Их жизнью, их словом и делом были любовь, гордость, преданность, отзывчивость, и самое главное – вера.

⁸³ Александр Грантович Есяян (1950 г. р.) – кандидат биологических наук, директор Института биологии Ереванского государственного университета. Отец двоих детей, Изабеллы и Тиграна.

В феврале 1988 года, когда я уже завершила свои воспоминания о Забел Есяян⁸⁴, в Союзе писателей отмечали 110-летие видной армянской писательницы. На участников торжества потрясающее впечатление произвел ее портрет маслом. Казалось, сама Забел Есяян сидит на сцене, присутствуя на собственном юбилее, и глубокомысленно всматривается в нас.

Взволновало зрителей и выступление автора картины, заслуженного художника Армянской ССР Маркоса Арзуманяна⁸⁵, который поведал о судьбе портрета: Забел Есяян суждена была еще одна смерть, после чего она вновь воскресла, чтобы жить вечно.

Вот рассказ М. Арзуманяна:

– Когда я работал над портретом Арус Восканян⁸⁶, то попросил знаменитую актрису помочь написать портрет Забел Есяян.

Она сказала:

– Это не трудно, сынок, помогу, конечно.

В ту же минуту раздался звонок в дверь.

– Это она пришла, собственной персоной, – сказала Восканян.

Вошла Забел Есяян.

⁸⁴ Опубликовано в журнале «Советакан граканутюн» («Советская литература»), 1987, №12.

⁸⁵ Маркос Арзуманян (1912–1990) – в основном автор портретов. Портрет З. Есяян, как сказано в Краткой армянской энциклопедии, является собственностью художника.

⁸⁶ Арус Восканян (1899–1943) – уроженка Константинополя. С 1910 г. играла на подмостках театров Баку, Тифлиса. С 1921 г. – ведущая актриса Ереванского государственного театра им. Г. Сундукяна. Заслуженная артистка Арм. ССР (1927), народная артистка Арм. ССР (1935).

– Так вы еще не закончили портрет Арус? – спросила она.

– Сегодня последний сеанс.

– Ладно, а я пока покурю.

Узнав о моей просьбе, спросила:

– А когда мы начнем, дорогой?

– Когда вам будет удобно.

Радость и волнение сковали меня.

– Очень хорошо, но когда?

– Прямо сейчас, тикин Забел.

Арус Восканян жила на четвертом этаже жилого дома каучукового завода, а я – на третьем. Я побежал домой и вернулся с холстом.

Забел Есаян была женой художника Тиграна Есаяна, знала, как позировать, чтобы художник смог воссоздать образ натурщицы.

Я приступил к работе. От напряжения болела спина – так я торопился и боялся, как бы Забел Есаян не передумала. Я был просто счастлив, что она досидела до конца. Было шесть сеансов. За это время она, конечно же, рассказала о французских импрессионистах, об итальянской живописи; заговорила о музыке, скульптуре. Великолепно разбирала скульптуры Родена, точно искусствовед.

Портрет я закончил в 1936 году. Тогда я работал главным художником на каучуковом заводе, там же работал и сын Забел Есаян, Грант. Мы были знакомы, и он знал, что я написал портрет матери.

Наступил тот скорбный день. Забел Есаян арестовали.

Утром Арус Восканян шла в театр, мы встретились на лестнице. Она обняла меня и взволнованно произнесла:

– Ты слышал, сынок?

– Да, слышал.

На глаза навернулись слезы.

– Послушай, сынок: береги ее портрет как зеницу ока. Это святая реликвия нашего народа.

– Обещаю вам, тикин Арус, сохранить картину ценой жизни.

Картина сохранилась иначе, и сегодня я расскажу эту тайну.

В 1946 году в Ереване было наводнение. Река Гетар вышла из берегов и причинила немало ущерба. Затопило и мою мастерскую. Моя жена увидела, как в воде плавает натюрморт с цветами, и закричала: «Вытащи натюрморт, скорее!»

Я спас картину, натянув на портрет Забел Есяян холст, на котором нарисовал натюрморт с цветами. Портрет очень пострадал от воды. Месяца три-четыре я работал над восстановлением картины, потому что краски вздулись, и картине грозила серьезная опасность.

Наконец я вернул портрету прежний вид, и вот теперь предлагаю вашему вниманию.

Зал стоя рукоплескал Маркосу Арзуманяну, а Забел Есяян выглядела на портрете особенно одухотворенной. Она величественно восседала на сцене, на лице блуждала многозначительная улыбка умудренной женщины, мол: «Во всем мире никому еще не удалось убить писателя. Его жизненный путь вечен».

Мои воспоминания о Забел Есяян встретили широкий отклик читателей. Многие звонили, просили продолжить это благодарное дело. Сообщали известные им факты о Забел Есяян. Одной из них была сотрудница Ереванской государственной картинной галереи Ашхен Симонян, которая

в те лихие годы сидела в одной камере с Забел Есян⁸⁷...

Из рассказа Ашхен Симонян:

– ...Говорили, якобы ее видели в Баку, когда на пароходе переправляли в Красноводск. На судне началась дизентерия, и ее выбросили в Каспийское море. Есть и другая версия ее смерти. В Баку на нее надели мешок и зверски избили. До меня дошли и такие слухи: в тюрьме Есян героически не подписывалась под предъявленными ей обвинениями. Но ее не кормили до тех пор, пока она вынуждена была подписать. И в тот день ей дали стакан молока и кусок белого хлеба.

Может, и было судебное разбирательство. Но тогда ведь обходились без суда и следствия. Суд длился несколько минут. В городской тюрьме суд действительно состоялся. И многие спасались, потому что имели возможность выступить, оправдаться, нанять адвоката. Там можно было защитить свои права. А на суде в НКВД об этом и речи не могло быть.

Например, мне известно, что перед расстрелом 390 мужчин им задавали всего несколько вопросов:

- Вы такой-то (называют имя и фамилию)?
- Да.
- Признаете себя виновным?
- Нет.

Вот и все – и затем выносили приговор. А они перед смертью выкрикивали: «Да здравствует Сталин!»

Мы, женщины-зеки, были уверены, что фашизм победил в нашей стране и советская власть больше не существует, поэтому нас и арестовали. Когда арестовывали коммуниста,

⁸⁷ В 1991 г. я также встречалась с А. Симонян, откликнувшейся на мою публикацию в газете «Республика Армения» (*об этом читайте в главе I*). Здесь приводится та часть рассказа А. Симонян, в которой она сообщила К. Терзян лишь дошедшие до нее слухи о смерти писательницы.

то сажали и его жену. Со мной сидела жена Чаренца, Изабелла. Она постоянно твердила: «Не понимаю, почему меня арестовали? Я даже не читала стихов Чаренца». Кстати, первой ее отправили в ссылку.

– Кто еще сидел с вами?

– В разное время разные женщины были. Но потом нас всех собрали вместе. В Тохмах геле⁸⁸ была большая, похожая на хлев постройка, где в одной части располагались уголовники, в другой – политические. Пол был земляной. В камере были огромные блохи, и когда они летали, слышалось их жужжание. Когда мы просыпались, руки у нас были отекавшие, скрюченные от холода и сырости. Электричества не было, горела всего одна керосиновая лампа. В это место нас всех и свезли: Изабеллу Чаренц, Марицу Вштуни, Маро Алазан, Люсю Тотовенц, Розу Ханджян, Араксию Тер-Симонян, жен Аматуни и Степы Акопова, жену Егия Чубара Маню Чубар⁸⁹... Много нас было там.

– Рассказывала ли Забел Есяян о том, как во время резни ездила в Адану, Киликию, о своей общественной деятельности?

– Да, много рассказывала.

– Помните, какие-нибудь подробности?

– Нет, я многого не помню. В основном разговоры велись о том, кому и какое предъявили обвинение. Вспоминали наших детей. Забел Есяян постоянно рассказывала. Интересной была собеседницей, чудной женщиной.

1987–1992 гг.

⁸⁸ Тохмах гел – район Еревана и название старого кладбища.

⁸⁹ Жёны известных писателей и государственных деятелей.

Цовак Амбарцумян (1923–2001) – заслуженный артист Армении. Музыкальный критик, композитор, преподаватель Ереванской государственной консерватории им. Комитаса. Долгие годы был директором Дома-музея Александра Спендиарова. Яркая, неординарная личность, о которой писали, что он «боготворит Ереван». Он известен своими самобытными рассказами о старом Ереване и его знаменитых жителях. Опубликованные на страницах армянской периодики, его мемуары вышли в свет отдельной книгой посмертно, к 80-летию широко одаренной личности армянской музыкальной культуры.

Цовак АМБАРЦУМЯН

ЗАБЕЛ ЕСАЯН

(Из цикла «Жители дома на Абовяна, 32»)

Видная писательница Забел Есян, переехав из Парижа в Ереван, жила в гостинице «Интурист»⁹⁰, тогда и познакомилась с моей матерью⁹¹. Позже З. Есян переселилась в квартиру на Абовяна, 32, в которой прожила всего два года – до своего ареста. За столь короткий срок трудно подробно рассказать о нашей соседке. Но я попытаюсь.

Есян жила с дочерью Софик, которая во Франции окончила одну из женских гимназий. По-армянски она говорила не очень хорошо, часто прибегала к французским словам. Обращаясь к матери или к кому-либо из гостей, Софик обычно просила прощения. А договорив, часто спрашивала: «Неспа,

⁹⁰ Гостиница «Интурист» – построена в 1926 г. на улице Абовяна, с 1959 г. – гостиница «Ереван». Ныне – Golden Tulip Yerevan.

⁹¹ Ахавни Месропян (1891–1954) – армянская художница, пианистка. Уроженка Константинополя, в 1931 г. репатриировала в Армению.

мама?...» («Не так ли, мама?...»). Иногда отклонялась от темы разговора, вызывая тем самым недоумение собеседников. Мать часто одергивала и прерывала дочь.

Забел Есаян избегала соседей. Со сдержанной улыбкой она ограничивалась приветствиями при встрече и расставании. Не любила суды-пересуды со знакомыми на улице, предпочитала вести беседу либо у себя, либо у них под кровом, а чаще всего в кафе «Интуриста», во дворе Голубой мечети или в кафе «Турист», что у площади Азизбекова⁹² – в тех местах, где собирался интеллектуальный цвет нации.

Запомнилось, что даже во время горячих споров Есаян выступала, скорее всего, в роли слушателя, а не активного собеседника. Да и вообще не просто было разговорить писательницу. Она ограничивалась короткими репликами.

Забел Есаян была одной из редких любительниц музыки среди подруг матери, которая заглядывая к нам, предпочитала слушать известные фортепианные произведения европейских композиторов-классиков.

– Ахавни, дорогая, сегодня так хочется послушать Дебюсси. Сыграй что-нибудь из его прелюдий...

За Дебюсси следовал Равель, Сен Санс и другие. Вполголоса, но с глубоким чувством мама вспоминала и напевала распространенные в начале века шансоны, которые, по всей видимости, слушала в разных маленьких парижских кафе.

Пожалуй, поэтому перед визитом Есаян мой отец полусерьезно говорил:

– Сегодня вечером мы снова на несколько часов переселимся в Париж...

⁹² Площадь Азизбекова – ныне площадь Сахарова.

Прошло несколько недель после убийства Ханджяна⁹³. По-прежнему заглядывая к нам, Есяян уже не просила мать сыграть произведения французских авторов.

Она стала более замкнутой. Улыбка редко появлялась на ее лице. Юмор, шутки напрочь исчезли из ее речи.

– Смертью Ханджяна все закончится?

– Как знать, Забел, как знать? – робко отвечала мама.

– Но кто-то все же знает и скрывает от нас, – сказала однажды Есяян и добавила: – Об этом знает Бог, который всегда появляется лишь в минуты агонии армян.

...Спустя годы в нашу дверь постучалась Софик. Мы с трудом узнали ее. Она обосновалась в одном из сел Аштаракского района, где преподавала в школе французский язык. На ней были лохмотья, мысли рассеяны, бессвязны.

Мама, как всегда, засуетилась, хотела чем-нибудь помочь Софик.

Обратившись к матери, Софик произнесла:

– Мне больше нечего терять...

⁹³ Агаси Ханджян (1901–1936) – первый секретарь ЦК КП (б) Армении (1930–1936). 9 июля в Тифлисе Берия застрелил его в своем кабинете. Распространилась версия о его самоубийстве. После этого в Армении начались массовые аресты.

Сирануйш ТУТУНДЖЯН

ЗАБЕЛ ЕСАЯН – КАКОЙ ЗАПОМНИЛАСЬ

Сирануйш Тутунджян (1906–?) – родом из Вана Западной Армении. Арестована в 1937 г., освобождена в 1938-м, как член семьи репрессированных. Муж был ректором Ереванского государственного университета Норайр Дабагян, скончавшийся в тюрьме НКВД Армении.

В конце 1980-х–начале 1990-х годов я один раз встречалась с ней. Она дала мне машинописный текст мемуаров о З. Есаян, которые в 1978 г. были опубликованы в двух газетах армянской Диаспоры в Нью-Йорке и Бейруте, с некоторыми купюрами. Насколько помнится, об аресте З. Есаян и встрече с ней в тюрьме она ничего не рассказала.

...С Забел Есаян я встретила на кануне зимы 1933 года⁹⁴ в Доме писателей, где тогда работала.

Рабочий день только начался, когда в приемную вошла дама в темно-сером костюме, в широкополой шляпе и на выразительном западноармянском языке поинтересовалась, на месте ли председатель Союза писателей Драстамат Тер-Симонян.

Ее величественная и броская осанка сразу привлекла мое внимание.

Точно загипнотизированная, я разглядывала даму и через несколько секунд узнала ее. В одномотнике «Западноармянские писатели» было помещено ее фото – с очень поэтическим

⁹⁴ Скорее всего, это был декабрь 1934 г., то есть уже после образования в августе 1934-го Союза писателей Армении, расположенного в старом здании Дома пролетарских писателей недалеко от нынешнего Центробанка (впоследствии снесен).

и завораживающим выражением лица, несмотря на то, что она заметно изменилась.

Покраснев от волнения (на что она обратила внимание), я подошла и поцеловала ей руку, протянутую для рукопожатия.

Прежде всего Забел Есян спросила:

– Вы узнали меня по моим книгам?

С тех пор мы стали добрыми друзьями.

Она была уже известным прозаиком, автором глубоких психологических повестей и романов, таких, как «Одаренные люди», «Лже-гении», «Среди развалин», «Душа в изгнании», «Последний стакан», «Когда больше не любят», а также посвященного возрожденной родине книги «Прометей освобожденный» и других.

Среднего роста, с белой нежной кожей, Забел Есян собирала густые волосы в пышную прическу, в которой переливались серебристые пряди. Простая, ничем не примечательная одежда шла ее лицу, сияющему искренней открытостью.

Однако в ее больших темно-карих глазах (с зеленоватым оттенком вблизи), казалось, притаилась грусть, а утонченная умудренная улыбка блуждала на красных мясистых губах, которые, тронутые задумчивостью, всегда были неразлучны с дымящейся папиросой.

В 1934–1936 годах в Доме писателей проводились очень интересные литературные дискуссии: о соотношении тематики и формы; о национальной по форме и социалистической по содержанию высокохудожественной литературе и т. д. Кроме диспутов писателей, с чтением лекций выступали видные преподаватели с кафедры европейской литературы

ереванского университета, рассказывая о знаменитых зарубежных классиках.

Забел Есаян после речей и лекций активно участвовала в прениях. Бархатный голос, красивая дикция, выразительная расстановка акцентов, эмоциональный насыщенный образный язык – благодаря всему этому аудитория с удовольствием слушала З. Есаян.

Обширными и доскональными были знания писательницы, и она зачастую коллегам и особенно молодежи основательно объясняла возникновение и развитие разных литературных направлений (романтизма, натурализма, символизма и т. д.), анализировала социальные корни литературных явлений, апеллируя к многочисленным примерам.

Что касалось вопросов дальнейшего развития литературного языка, то она считала, что наш язык должен обогащаться и западноармянской, и восточноармянской лексикой. Она обсуждала с коллегами, Вааном Тотовенцем⁹⁵, Мкртичем Джананом⁹⁶, вопрос синтеза западно и-восточноармянского языков, что по ее мнению, рано было еще признать официально. «Надо дожидаться, пока вопрос постепенно созреет, дожидаться формирования мышления...».

З. Есаян всегда напоминала, особенно молодежи: «Мы – наследники народа с тысячелетней культурой. В истории мировой цивилизации мы занимаем почетное и самобытное место. Наша национальная культура сквозь века сумела вопреки трудностям и часто жесточайшим обстоятельствам

⁹⁵ Ваан Тотовенц (1894–1938) – армянский писатель. Уроженец провинции Харберд (Западная Армения). Репатриировал в Армению в 1922 г. Репрессирован.

⁹⁶ Мкртич Джанан (1892–1937) – армянский актер, драматург. Уроженец Константинополя. Репатриировал в Армению в 1922 г. Репрессирован.

не разорвать преемственную связь. Культурное богатое многообразие возлагает огромные обязательства, но наша современность предъявляет еще более всесторонние, глубокие требования и, главное, более ответственные».

Большое сердце Забел Есаян было раздвоено. За пределами родины жил Спюрк⁹⁷, который был ее неутихающей болью, ее безутешным горем.

– Надо спасти Спюрк от отчуждения, связать с матерью-родиной. Вернуть на родную землю...

В Париже З. Есаян была членом Комитета помощи Армении.

Она была одна из тех, кто укреплял связи между ереванским университетом и Сорбонной.

Часто коллеги З. Есаян, собиравшиеся в актовом зале Союза писателей, упоминали о резне в Адаме, о гибели западноармянских писателей. В такие минуты мрачная тень пробегала по лицу Забел Есаян и, вопреки ее сдержанной натуре, она приходила в волнение и, чтобы скрыть замешательство, поднималась с места и выходила, чтобы, как она говорила, «выпить стакан воды».

Она приехала в Адану сразу после резни, стала свидетелем кошмарных событий и сразу же взялась за оказание помощи и спасение сирот.

С какой радостью она отнеслась к вести о возвращении соотечественников на родину.

И вот однажды:

– Я письмо получила, Аветик Исаакян возвращается! Какое счастье!..

⁹⁷ Спюрк – армянская Диаспора.

В 1935 году вышла в свет книга З. Есян «В садах Силитара», которая была посвящена воспоминаниям писательницы о годах детства, необъятной красоте природы, новому правдивому взгляду на жизнь разных слоев общества, их эмоционально-аналитическому освещению. В литературных кругах доброжелательно и бурно отнеслись к роману, хотя была и резкая критика темы, избранной автором.

З. Есян считала своей исторической миссией выявить те грани прошлой жизни, которые под новым углом зрения иначе бы интерпретировались.

К Егише Чаренцу Забел Есян относилась как к великому поэту нашей эпохи, независимо от того, как воспринимали его творчество современники.

– Чаренц – бессмертный поэт, он будет жить в веках. Всех нас забудут и удостоят упоминания только тех и в связи с тем, кто из нас в свое время был к Чаренцу справедлив или не справедлив.

С Чаренцем она познакомилась еще в Париже, тогда и восхитилась его могучим талантом.

– Не только силой и смелостью таланта, но и безграичной эрудицией он предстал передо мной, будто Даниэл Варужан, – повторила она после общения с Чаренцем.

Встречаясь с З. Есян в Союзе писателей, Чаренц прежде всего должен был почтительно поцеловать ей ручку, потом под руку с ней провожал в кабинет Драстамата Тер-Симоняна (независимо от того, был он на месте или нет) и там уже беседовал с ней.

Любимым восточноармянским прозаиком З. Есян был Аксель Бакунц. Высокий, широкоплечий мужчина с розово-

щеким белым лицом, голубыми пристальными глазами и ниспадавшими на вдумчивый лоб светло-каштановыми волосами, Бакунц обладал рыцарскими манерами. При виде З. Есяян он весь преображался: одаривал ее сердечной лучезарной улыбкой, что случалось с ним не так часто, будто неожиданно встретился с любимым родным человеком.

– Аксель Бакунц – прозаик многогранного и утонченного таланта. В его героях и событиях столько полнокровной жизни, что они хорошо и надолго запоминаются...

Из критиков З. Есяян отдавала предпочтение тогда еще очень молодому Рубену Заряну, ныне члену-корреспонденту армянской Академии.

В 1934 году на Первом съезде советских писателей в Москве выступление Забел Есяян на французском языке вызвало восторженную реакцию слушателей, в том числе Максима Горького, Ильи Эренбурга, Александра Фадеева, многих известных зарубежных гостей. Участники съезда Ваан Тотовенц и Мкртич Джанан позже с воодушевлением об этом рассказывали и повторяли то, что по-французски выкрикивали в зале: «Да здравствует Забел Есяян! Да здравствует Армения!».

Москва была для Забел Есяян источником пламенной веры.

«Стрелка компаса неуклонно показывает в сторону красной звезды, – писала она, – которая освещает не только Советский Союз, но и передовое человечество во всем мире; она вселяет надежду и силу притесненным и угнетенным за пределами красной черты.

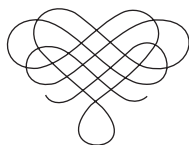
Советская литература и искусство призваны сыграть ту роль, которой веками служили Афины, Италия, затем

Париж. А то, что уже совершила Москва, более значительно, основательно и осознанно».

И своим пером, и душой известная общественная деятельница и заслуженная писательница была предана родине и народу, которым посвятила смелый, самобытный и щедрый литературный талант.

Армянский народ потерял Забел Есяян в очередном историческом витке трагических перипетий – в одном из тоталитарных периодов коммунистической партии, который вначале называли «сталинским», а потом «советским» (после раскрытия некоторой его сущности). Недаром в тюремных застенках Забел Есяян заявила, что когда-нибудь использует заголовок: «Там, где до рассвета горел свет». Ее мечте не суждено было сбыться. Смерть настигла Забел Есяян в Баку, по дороге в страшные лагеря далекого Севера⁹⁸.

⁹⁸ В конце 70-х годов последний абзац из воспоминаний не был опубликован в зарубежной армянской периодике.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Из письма к Софи Есаян

1921, 15 сентября, Париж

Любимейшая моя дочка⁹⁹!

Мы вдвоем с Матильдой¹⁰⁰ прочитали сегодня твое письмо. Милая моя девочка, я всецело разделяю твое глубокое горе и по собственному опыту знаю, насколько чудовищна боль потери любимого человека, в особенности в первые дни. Я бы позаботилась о тебе, будь хоть малейшая возможность. Но руки опускаются – такая беспомощность. Поразительная, безутешная печаль лишает меня способности думать и действовать. Милое мое дитя, давай вместе найдем выход из этого состояния.

Прежде всего... я представляю себе (а это возникло во мне после смерти моего отца), что те, кто покидает сей мир, не исчезают вовсе. Они даже бывают к нам намного ближе и, безусловно, пытаются установить с нами какую-то связь, чтобы осушить наши слезы. Значит, постарайся таким образом себя утешить. Я не имею в виду забыть (человек никогда

⁹⁹ Письмо написано после смерти 10 августа 1921 г. мужа З. Есаян, когда дочка Софи находилась в Константинополе, где преподавала французский язык в школе Никогосян.

¹⁰⁰ Матильда – сестра З. Есаян.

не в состоянии забыть), забывчивость – удел бессердечных людей.

Это не просто мое убеждение, а кредо: покинувшие нас души мучаются до тех пор, пока мы не утешимся. Прекрасно помню, как однажды, тяжело заболев, почти при смерти, я переживала, что своей смертью причиню родным боль. Я убеждена, что из всех земных терзаний только это не расстанется со мной в могиле. Будь я уверена, что мои родные вскоре утешатся, я бы спокойно покинула этот суетный мир.

И, в конце концов, что мы знаем о смерти? Мы, точно растерянные дети, перед многозначительным таинством. Однако вопреки нашей глубокой скорби, именно у гроба самого дорогого нам человека ощущаем, что смерть не такая уж страшная и отвратительная. Дважды в жизни смерть глубоко потрясла меня. В обоих случаях я ощутила присутствие своей души и, пожалуй, познакомилась с ней. Под «душой» я понимаю вечную и беспредельную субстанцию, которая способна общаться с душой физически умершего человека. Неизбежное утешение, бесспорно, связано с такого рода ощущением, а не с беспамятством. Хочу сказать, дорогая доченька, сама по себе не смерть ужасна, а наше о ней представление. Смерть – величественная и серьезная вещь, которой надо удостоиться. А великая скорбь – достоинство, и те, кто осознанно ей предается, они тем самым временно, но плодотворно сообщаются с потусторонним миром и таинством вечности. Армянская пословица гласит: «Женщина обретает достоинство материнства, когда лишается своего чада». Это может показаться жестоким, однако истинный смысл этого ощущается лишь после потери любимого человека. Поскольку горе матери самое непререкаемое, то оно

таит в себе нечто вечное, и мать, постоянно вспоминая своего ребенка, тем самым поддерживает связь с вечными силами.

В скупых нескладных строках я просто пытаюсь донести до тебя те разрозненные размышления, которые пробудились во мне в последнее время.

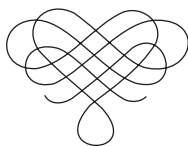
...Дорогая дочка! Если мы сможем преодолеть все горести и волнения, которые вызваны нашими тревогами, если сможем сохранить величие и чистоту скорби, то, возможно, больше приблизимся к тому, утрату которого оплакиваем. Когда стихнут окончательно душевные страдания, тогда, возможно, исчезнут трудности и ощутимее определится присутствие того, кто, как мы думаем, навсегда покинул нас.

Так постараемся, дорогая доченька, в таком русле сосредоточить свои помыслы и, может быть, достигнем тех берегов, которые казались недостижимыми.

Я пишу обо всем этом не ради утешения, а лишь хочу поделиться с тобой разрозненными чувствами, отсветы которых пробиваются сквозь густой мрак горя, которое поглотило меня с того дня, как скончался твой отец.

Ни с кем не хочется видаться и что-либо планировать. Но необходимо наконец-то выйти из этого болезненного состояния...

*...Снова и снова целую тебя и
с нетерпением жду от тебя весточки.
Твоя мама Забел.*

POST SCRIPTUM

Она выбрала наименьшее из зол, вернувшись в Армению?
Нет, пожалуй!

Она была не из тех, кто озлобляется на родину из-за бесчинствующих там темных сил.

Нет!

Просто Забел Есаян была мудрой и чуткой женщиной.

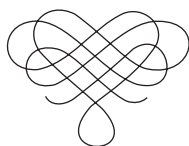
Была мужественной личностью (неспроста же ее назвали бесстрашной).

Была талантливой и честной писательницей.

Была и есть!

Да святится имя ее.

Да упокоится ее беспокойная душа.

POST POST SCRIPTUM

Из стихотворений ОВАНЕСА ТУМАНЯНА

Забел Есаян встречалась с великим армянским поэтом под его гостеприимным кровом в Тифлисе во время пребывания на Кавказе. Писателей объединяло также горе и трагедия армянского народа.

Армянское горе – безбрежное море,
Пучина огромная вод...

«Армянское горе», 1902 (перевод В. Брюсова)

Когда, Господь, ты нас от муки смертной
Избавишь?.. О резне проклятой весть
Прошла с толпой изгнанников несметной
Из края в край и ширится поднесь.

«Из псалмов скорби», 1898 (перевод А. Якобсона)

Но вживе растерзана родина наша
И боль ее смертная – в наших сердцах.
Мечты золотые – виденьем миража
Бесследно исчезли в пустынных песках.

«Нашим предшественникам», 1902 (перевод В. Державина)

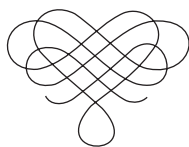
Я встал над вами для того, чтоб тихо молвить слово
Вам, мученики моего народа дорогого!

...Мир праху сироты мои, нет окончанья бедам –
Как в век пещерный, человек остался людоедом.

«Оплакивание», 1916 (перевод Н. Гребнева)

Мы дали обет и верны мы обету.
Нас тьма окружает и беды нас бьют,
Но дорог нам свет, и пробьемся мы к свету,
Пусть душевные тучи дышать не дают!

«Наши обеты», 1903 (перевод Б. Ахмадулиной)

О Г Л А В Л Е Н И Е

<i>Из письма Забел Есаян дочери Софи Есаян</i>	5
<i>ОТ АВТОРА</i>	7
<i>ГЛАВА 1. В сталинских застенках</i>	10
Частичное послабление Берии	10
«Ваша пострадавшая мать». <i>Письма из тюрем</i>	16
Рассказы сокамерниц	31
«Кто-то прочтет – и правда восторжествует».....	31
«Это было чудо»	33
«Она поднимала дух сокамерниц»	37
<i>ГЛАВА 2. Истоки: как закалялось мужество</i>	41
Рухнувшие надежды	41
«Погруженный в траур дом...». <i>Из переписки</i> <i>с Тиграном Есаяном.....</i>	43
«...В жилах стыла кровь». <i>Фрагменты из книги</i> <i>«Среди развалин»</i>	51
<i>ГЛАВА 3. Спасенная от турецкого ятагана</i>	63
Беглянка поневоле	63
«...Мы просто пребываем на вулкане»	69
В роли хранительницы и летописца	74
«Неужели такое возможно?...». <i>Фрагменты</i> <i>из книги «Агония одного народа. Изгнание армян</i> <i>в Месопотамию»</i>	78

<i>ГЛАВА 4. Дальше – по кровавому следу.....</i>	89
«Они продолжают отчаянную борьбу...»	89
«На душе будет спокойно, если...».	
<i>Письма из Киликии</i>	94
<i>ГЛАВА 5. Репетиция возвращения, или Дорога к Дому</i>	103
Армения – рай земной	103
Прозрение, или Выбор – не нейтралитет, а счастье беженцев	111
<i>ГЛАВА 6. Из воспоминаний современников</i>	116
Рубен Зарян. Забел Есаян	116
Рубен Зарян. Софи Есаян.....	129
Клара Терзян. Незабываемые лица.....	133
Цовак Амбарцумян. Забел Есаян	151
Сирануйш Тутунджян. Забел Есаян – какой запомнилась.....	154
<i>ВМЕСТО ЭПИЛОГА</i>	161
Из письма к Софи Есаян.....	161
<i>POST SCRIPTUM</i>	164
<i>POST POST SCRIPTUM</i>	165

ХАЛАТОВА КАРИНЭ ЮРЬЕВНА

БЕССТРАШНАЯ ЖЕНЩИНА

*Последние годы жизни Забел Есаян в документах,
письмах, мемуарах*

*Очерк, переводы
На русском языке*

ԽԱԼԱԹՈՎԱ ԿԱՐԻՆԵ ՅՈՒՐԻԻ

ԽԻԶԱԽ ԿԻՆԸ

*Չապել Եսայանի կյանքի վերջին փառիները՝
փառաբանություններ, նամակներ, հուշեր*

*Սկիզբի, քարգմանությունների
Ռուսերեն*

Ответственный редактор	<i>Արամ Սիմոնյան</i>
Редактор	<i>Աննա Խիզանյան</i>
Компьютерный дизайн	<i>Արմենա Փատվականյան</i>
Компьютерная верстка	<i>Կարինэ Чалабян</i>
Фото на 4-й стр. обложки	<i>Տսրենա Խալատովա</i>

Типография ООО «ВАРМ»
Ереван, ул. Тиграна Меца, 48, кв. 43

Подписано к печати 26.02.2021
Формат 60x84^{1/16}
Объем 10,625 + 12 с. ил.
Тираж 100

Издательство ЕГУ
Ереван, 0025, ул. Ал. Манукяна, 1
www.publishing.ysu.am

«Я – писательница и впервые занимаюсь политическими делами, потому что чувствую: во время судьбоносной трагедии нашей нации каждый армянин и каждая армянка призваны выполнить возложенную на них миссию...»

Забел ЕСАЯН

Каринэ ХАЛАТОВА известна как переводчица армянской литературы на русский язык и журналист (в 2015 г. стала лауреатом премии «Кантех»

Первопрестольного Эчмиадзина и Союза писателей Армении). «Сейчас я позиционирую себя как поэтесса...», – говорит она с грустной улыбкой (книги стихов «Гранатовое кабаре», «В поисках утерянного сна», «... со смиренной рубашкой», «Граффити»). После перестройки К. Халатова долгие годы по архивным и малоизвестным материалам исследовала последние годы жизни репрессированных армянских писателей. Данью памяти и уважения к невинным жертвам сталинского лихолетья является не только книга «Бесстрашная женщина», но и публикации в прессе, а также «Дело №... С пожелтевших страниц трагических судеб» (книга в 2012 г. удостоена премии Микаэла Налбандяна СП Армении).

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕРЕВАН 2021
publishing.gsu.am